

**ИНСТИТУТ МИРОВЫХ
ЦИВИЛИЗАЦИЙ**

Учредитель Института В.В. Жириновский

ВЕСТНИК

№ 4

Москва — 2011

Редакционная коллегия:

Председатель редакционной коллегии –
Жириновский Владимир Вольфович –
доктор философских наук

Члены редакционной коллегии:

Лебедев Игорь Владимирович –
доктор исторических наук

Курдюмов Александр Борисович –
кандидат экономических наук

Стрельцов Александр Николаевич –
кандидат технических наук, доцент

Авдеев Геннадий Петрович –
кандидат исторических наук

Гнездилов Геннадий Валентинович –
кандидат психологических наук,
профессор

Заикина Инна Викторовна –
кандидат юридических наук, доцент

Плетушков Михаил Сергеевич –
кандидат исторических наук, профессор

Слоботчиков Олег Николаевич –
кандидат политических наук, доцент

Старополов Владимир Анатольевич –
кандидат экономических наук, профессор

Главный редактор

Чернавин Юрий Александрович –
доктор философских наук, профессор

Ответственный секретарь

Шарова Светлана Владимировна –
кандидат экономических наук

- Ответственность за содержание публикаций несут авторы
- Мнение редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций
- Рукописи авторам не возвращаются
- При перепечатке или воспроизведении иным способом ссылка на журнал «Вестник Института мировых цивилизаций» обязательна

СОДЕРЖАНИЕ

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ!	4
------------------------------	---

К 70-ЛЕТИЮ БИТВЫ ПОД МОСКВОЙ

<i>М.С. Плетушков.</i> КОМАНДАРМ К.К. РОКОССОВСКИЙ В БИТВЕ ПОД МОСКВОЙ	5
---	---

ПОЛИТОЛОГИЯ

<i>И.В. Лебедев.</i> КРИЗИС И РЕВОЛЮЦИЯ	9
<i>О.Н. Слоботчиков.</i> ОСОБЕННОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СИСТЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ И ЖИЗНИ ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	10

ОБРАЗОВАНИЕ, ВОСПИТАНИЕ, КУЛЬТУРА

<i>О.Р. Байбурова.</i> МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ВУЗОВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ	17
<i>С.К. Дарков.</i> ПЕРЕЗАГРУЗКА С НАДЕЖДой НА БУДУЩЕЕ: ВНОВЬ О ПРОБЛЕМЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ	22
<i>В.Г. Лядский.</i> СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ	28

ЭКОНОМИКА

<i>А.Н. Стрельцов, В.Н. Юсим, В.А. Колоколов.</i> ОБОСНОВАНИЕ ПОЛИТИКИ МИРОВОГО ПРОМЫШЛЕННОГО ЛИДЕРСТВА В СТАРТОВЫХ УСЛОВИЯХ НЕСОВЕРШЕННОЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ СРЕДЫ	32
<i>Е.А. Прусс.</i> БАНКОВСКИЙ СЕКТОР США В УСЛОВИЯХ МИРОВОГО ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА	49
<i>Т.А. Чеботарёва.</i> ИНТЕГРАЦИЯ ЛЕСНОГО СЕКТОРА СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ: МИРОВОЙ ОПЫТ И РОССИЙСКИЕ ЗАДАЧИ	63

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

<i>Н.В. Курьсь.</i> КОНЦЕССИОННО-ПРАВОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА	69
<i>И.В. Заикина.</i> К ВОПРОСУ О МЕСТЕ ЦЕРКОВНОГО ПРАВА В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ПРАВА	75
<i>Г.А. Козлитин.</i> НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (НА ПРИМЕРЕ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЕВРЕЕВ)	80
<i>В.В. Заикин.</i> РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ СВОЕЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ И СВОБОДЫ СОВЕСТИ	85

КОНФЛИКТОЛОГИЯ

<i>А.Я. Анцупов, С.Л. Прошанов.</i> МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ РОССИЙСКОЙ КОНФЛИКТОЛОГИИ	91
--	----

ФИЛОСОФИЯ

<i>Ю.А. Чернавин, О.А. Ерофеева.</i> СУДЬБЫ ГУМАНИЗМА В XXI ВЕКЕ	96
---	----

ПСИХОЛОГИЯ

<i>Е.В. Купрене.</i> СТРЕССОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ ТРУДОВОЙ СИТУАЦИИ В УСЛОВИЯХ РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ ПРЕДПРИЯТИЙ	103
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	109

Уважаемые читатели!

Перед вами четвертый номер «Вестника Института мировых цивилизаций». Отрадно то, что выпуск научных трудов института становится регулярным. Это свидетельствует о высоком потенциале педагогического и научного коллектива вуза, о достойных результатах научной деятельности, наличии ученых, их учеников, ведущих самостоятельные научные исследования. Результатами этой работы мы хотели бы поделиться с научной общественностью.

Созданный в 1999 году Институт мировых цивилизаций (учредитель – В.В.Жириновский) прошел путь становления учебного заведения высшего профессионального образования, реализующего всю образовательную цепочку от подготовки специалиста до послевузовского обучения, включая аспирантуру и защиту диссертации.

В текущем году вуз приступил к реализации Федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС) третьего поколения. Студентов, поступивших на первый курс, мы начали обучать по

направлениям бакалавриата. В институте ведется активная работа над реализацией второй ступени высшего профессионального образования – магистратуры. Развиваются направления послевузовского образования, включающие как повышение квалификации, так и профессиональную переподготовку. Мы пристально следим за реорганизацией Высшей аттестационной комиссии (ВАК) и постараемся приложить максимум усилий для сохранения и дальнейшего развития объединенного диссертационного совета, на суд которого представляют свои исследования аспиранты ИМЦ. Тезис «Образование через всю жизнь профессионала» воспринимается научным и педагогическим коллективом вуза не как лозунг, а как руководство в повседневной деятельности.

Почти двадцатилетний срок политической, экономической и социальной жизни современной России обусловил существенный разрыв между имеющимся багажом научных знаний и практикой. Реалии действительности во многом отличаются от не всегда успевающей за жизнью теории, особенно в области экономики, политики и социальных процессов. В связи с этим мы позиционируем наш журнал как дискуссионную площадку для обсуждения новых концепций, иного взгляда на исторические и социальные процессы, представления технологических и экономических парадигм развития страны и многого другого.

Коллектив Института мировых цивилизаций, а это 18 докторов наук и профессоров, более 30 кандидатов наук и доцентов, а также наши коллеги из других вузов представляют на ваш суд свои материалы.

Представленные в данном номере журнала материалы посвящены знаменательной исторической дате – 70-летию битвы под Москвой, затрагивают проблемы современного образования, обучения, воспитания; многообразные вопросы экономического свойства – от аспектов финансово-экономического кризиса до инновационных концепций достижения Россией мирового промышленного лидерства; анализируют ряд проблем правового характера, а также развития политологии, философии, конфликтологии и культуры.

Мы будем искренне благодарны за отклики на представленные работы и приглашаем всех, заинтересованных в деятельности ИМЦ и данного научного издания, принять участие в сотрудничестве.

Первый проректор Института мировых цивилизаций А.Н. Стрельцов

К 70-летию битвы под Москвой

М.С. Плетушков

КОМАНДАРМ К.К. РОКОССОВСКИЙ В БИТВЕ ПОД МОСКВОЙ

Аннотация. *Статья посвящается знаменательной дате в истории Великой Отечественной войны и в отечественной истории — 70-летию битвы под Москвой. В ней раскрывается роль в этом сражении, жизненный путь, заслуги перед русским оружием и перед страной выдающегося военачальника, Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского. Статья посвящена также 115-й годовщине со дня рождения полковника.*

Ключевые слова: *Операция «Тайфун»; битва под Москвой; международное и военное значение победы под Москвой; жизнь и судьба К.К. Рокоссовского.*

*Когда меня спрашивают, что больше всего запомнилось из минувшей войны, я всегда отвечаю: битва за Москву.
Маршал Советского Союза Г.К. Жуков*

*И когда подходили вандалы
к нашей древней столице отцов,
где нашел он таких генералов
и таких легендарных бойцов?*

А. Вертинский

Иной читатель может спросить: а почему К.К. Рокоссовский? Ведь в Московской битве воевали командующие фронтами Г.К. Жуков, И.С. Конев, С.К. Тимошенко, их заместители, другие крупные военачальники? Важнейшая роль в битве за столицу страны принадлежит Ставке Верховного Главнокомандования во главе с И.В. Сталиным? К.К. Рокоссовский, будучи командармом, находился у многих из них в подчинении?

Вопрос вполне резонный. В предлагаемой статье предпринимается попытка ответить на этот и другие возможные вопросы. Предварительно следует подчеркнуть, что К.К. Рокоссовский — одна из самых ярких и самобытных личностей в когорте советских полководцев, в то же время в его биографии есть ряд «белых пятен». Но главное заключается в том, что войска под командованием генерал-лейтенанта К.К. Рокоссовского сражались в битве под Москвой на самом опасном для нее рубеже.

Московская битва — оборонительные (30 сентября — 5 декабря 1941 г.) и наступательные (5 декабря 1941 г. — 20 апреля 1942 г.) операции, проведенные советскими войсками с целью обороны Москвы и разгрома наступавшей на нее немецко-фашистской группы армий «Центр». Она началась в критической для нашего Отечества обстановке. Немецкие войска, захватив Киев, Минск и Смоленск, блокируя Ленинград, создав реальную угрозу Харькову, Донбассу и Крыму, прочно овладели стратегической инициативой. Утрата важнейших промышленных и сельскохозяйственных районов, продолжавшаяся эвакуация на восток многих крупных предприятий создали чрезвычайные трудности для наращивания военного производства.

После того, как в июле—августе 1941 года в ходе ожесточенного Смоленского сражения Красная Армия сорвала попытки противника прорваться к Москве с ходу, немецкое командование начало планомерную подготовку к наступлению на Москву. 6 сентября 1941 г. Гитлер

подписал директиву о проведении операции «Тайфун». Цель операции сводилась к тому, чтобы тремя мощными танковыми группировками окружить в районе Вязьмы и Брянска основные силы Западного, Резервного и Брянского фронтов, а затем без оперативной паузы пехотными соединениями наступать на Москву с запада, а танковыми и моторизованными — обойти ее с севера на юг.

30 сентября — 2 октября немцы обрушились на советские войска, прикрывавшие московское направление, и в считанные дни прорвали нашу оборону. К 17 октября в районе Вязьмы было окружено пять армий Западного фронта, остальные армии были отброшены. Резервов, способных прикрыть столицу, в распоряжении Ставки Верховного Главнокомандования не было. 14 октября немецкие войска ворвались в Калинин. Судьба столицы буквально висела на волоске. Маршал Советского Союза А.М. Василевский, бывший в 1941—1944 гг. начальником Генерального штаба РККА, в своих воспоминаниях писал: «Пружина сжалась до отказа. Мы забыли о сне и отдыхе. Все помыслы были об одном — отстоять Москву» [1].

Сопrotивление советских войск усиливалось. Все возможные силы стягивались к Можайской линии обороны. Наступательный порыв немцев стал выдыхаться. Группа армий «Центр» вынуждена была временно прекратить наступательные действия. Но, создав две мощные группировки, немцы 15—16 ноября вновь ринулись на Москву. Кровопролитные сражения возобновились с новой силой. Местами противнику удалось приблизиться к нашей столице на 35—50 км.

Но это был предел возможностей вермахта. Рядом контрударов советские войска в первых числах декабря заставили противника перейти к обороне. А 5—6 декабря войска Западного, Калининского и Юго-Западного фронтов под командованием Г.К. Жукова, И.С. Конева и С.К. Тимошенко перешли в контрнаступление. Были наголову разгромлены ударные немецкие группировки. Захватчиков изгнали из Московской, Тульской, многих районов других областей. Было освобождено более 11 тысяч населенных пунктов, в том числе свыше 60 городов, среди них Калинин и Калуга. Непосредственная угроза Москве была ликвидирована.

Разгром немецко-фашистских войск под Москвой окончательно сорвал план «Барбаросса». На подмосковных полях занялась заря будущей победы. Московская битва имела большое международное значение. Она способствовала укреплению антигитлеровской коалиции. Премьер-министр Великобритании У. Черчилль еще 16 декабря 1941 г. писал И.В. Сталину: «Невозможно описать то чувство облегчения, с которым я каждый день узнаю о Ваших замечательных победах на русском фронте. Я никогда еще не чувствовал себя столь уверенным в исходе войны» [2]. Комментируя успешное контрнаступление Красной Армии, президент США Ф.Рузвельт 30 апреля 1942 г. отмечал: «На европейском фронте наиболее важным событием за последний год было сокрушительное наступление великих армий России против мощной германской армии. Русские армии уничтожили и уничтожают больше вооруженных наших врагов — войск, самолетов, танков, орудий, чем все другие объединенные страны, вместе взятые» [3].

В Московской битве замечательными полководцами проявили себя Г.К. Жуков, С.К. Тимошенко, И.С. Конев, В.Д. Соколовский, Д.Д. Лелюшенко, П.И. Батов и др. Среди них и командарм К.К. Рокоссовский. Именно в Московской битве за столицу мужал его полководческий талант. 16-я армия, которой командовал К.К. Рокоссовский, сыграла на рубежах Подмосkовья выдающуюся роль. Г.К. Жуков в своей книге «Воспоминания и размышления» писал: «Враг, не считаясь с потерями, лез напролом, стремясь любой ценой прорваться к Москве. Но глубоко эшелонированная артиллерийская и противотанковая оборона и хорошо организованное взаимодействие всех родов войск не позволили противнику прорваться через боевые порядки 16-й армии. Медленно, но в полном порядке эта армия отводилась на заранее подготовленные и уже занятые артиллерией рубежи, где вновь ее части упорно дрались, отражая атаки гитлеровцев» [4].

До битвы под Москвой свои 45 лет Константин Константинович прожил достойно, но не без драматических поворотов. Он родился 21 декабря 1896 г. в семье машиниста паровоза и учительницы. Став сиротой, Константин с 14 лет начал трудовую жизнь. Участвовал в Первой мировой войне, добровольно вступив в русский драгунский полк. Дослужился до унтер-офицера, был награжден Георгиевским крестом 4-й степени и Георгиевскими медалями 3-й и 4-й степени.

В период гражданской войны К.К. Рокоссовский последовательно командовал эскадроном, отдельным кавалерийским дивизионом, полком, бригадой, дивизиями и корпусом. Был дважды ранен. Награжден двумя орденами Красного Знамени. В мирные годы был награжден еще одним таким орденом, а также орденом Ленина.

К сожалению, К.К. Рокоссовского не обошли стороной массовые репрессии: с августа 1937 г. по март 1940 г. он находился в ленинградской тюрьме «Кресты», клеветнически обвиненный в связях с польской и японской разведками. Инициатива освобождения К.К. Рокоссовского и ряда других военачальников исходила от Наркома обороны СССР Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко и Маршала Советского Союза С.М. Буденного [5].

К.К. Рокоссовский не любил говорить об этой трагической поре его жизни. Автобиографию от 4 апреля 1940 г. он заканчивает краткой фразой: «С августа 1937 года по март 1940 года находился под следствием в органах НКВД. Освобожден в связи с прекращением дела» [6]. В книге маршала «Солдатский долг» и этой информации нет.

Великая Отечественная война застала генерал-майора К.К. Рокоссовского в должности командира механизированного корпуса. Утром 22 июня 1941 г. дивизии корпуса были подняты по боевой тревоге. Совершив почти 200-километровый марш, они с ходу вступили в бой с превосходящими силами оккупантов около города Луцка. За успешные бои К.К. Рокоссовский был награжден четвертым орденом Красного Знамени.

В октябре 16-я армия под командованием генерал-лейтенанта К.К. Рокоссовского оказалась на Волоколамском рубеже, откуда исходила особая опасность для столицы. Противник развивал наступление. Обладая большим превосходством в силах, вражеские войска постепенно, километр за километром, теснили наши части. Была захвачена станция Волоколамск, а к концу октября — ряд населенных пунктов. Возникла угроза захвата противником магистрали Волоколамск—Истра.

В результате ожесточенных боев в первой половине ноября натиск оккупантов удалось приостановить. Наступило временное затишье. Но немецкое командование готовило новое наступление на Москву. Оно началось 16 ноября — на широком фронте от города Калинина до города Тулы.

Район Волоколамска продолжали оборонять части армии К.К. Рокоссовского. 18 ноября на своем наблюдательном пункте погиб командир 316-й стрелковой дивизии Иван Васильевич Панфилов. Командарм К.К. Рокоссовский представил его к награждению. Легендарному комдиву было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза [7].

Немецкое командование заметно торопилось, вводя в действие последние резервы. В своей книге «Солдатский долг» К.К. Рокоссовский писал: «Вспоминая те дни, я мысленно представляю себе нашу 16-ю армию. Обессиленная многочисленными потерями, она цеплялась за каждую пядь родной земли, давая врагу жестокий отпор, ослабляя его силы. Отойдя на шаг, она вновь была готова отвечать ударом на удар, и это ей удавалось. Остановить врага полностью она еще не могла, но и противник не мог прорвать сплошной фронт обороны армии» [8]. 16-я армия активно участвовала в контрнаступлении советских войск под Москвой. Оно завершилось в первых числах января 1942 г. В середине месяца по решению Ставки Верховного Главнокомандования было предпринято новое наступление. По приказу командующего Западным фронтом генерала армии Г.К. Жукова 16-я армия освободила Сухиничи — важный железнодорожный узел. Это произошло в конце января.

В дальнейшем армия успешно наступала, но в начале марта 1942 г. К.К. Рокоссовский был ранен осколком в спину. Ранение оказалось тяжелым. По распоряжению Г.К. Жукова К.К. Рокоссовский был на самолете отправлен в Москву, в госпиталь, занимавший тогда здание Тимирязевской академии. «В госпитале, — вспоминал К.К. Рокоссовский, — я почувствовал, каким вниманием и любовью окружает наш народ пострадавших в боях воинов родной армии. Не было дня, чтобы кто-то нас не посетил. Раненых буквально засыпали подарками и письмами» [8, с. 156].

Не долечившись, К.К. Рокоссовский 22 мая 1942 г. отправился к своим войскам. Приехав, он сразу окунулся в боевые дела. С июля 1942 г. генерал командовал Брянским, с сентября — Донским, с февраля 1943 г. — Центральным, с октября — Белорусским, с ноября 1944 г. — 2-м Белорусским фронтами. 24 июня 1944 г. ему присвоено звание Маршала Советского Союза. А ровно через год, 24 июня 1945 г. К.К. Рокоссовский командовал Парадом Победы на Красной площади в Москве. Принимал Парад Победы Заместитель Верховного Главнокомандующего Маршал Советского Союза Г.К. Жуков.

После окончания Великой Отечественной войны К.К. Рокоссовский до 1949 г. был Главнокомандующим Северной группой войск. В октябре 1949 г. по просьбе польского правитель-

ства К.К. Рокоссовский был направлен в Польшу и назначен министром Национальной обороны и заместителем председателя Совета министров этой страны. Ему было присвоено звание Маршала Польши.

В 1956 г. К.К. Рокоссовский вернулся на родину и был назначен заместителем Министра обороны СССР. С апреля 1962 г. работал в группе генеральных инспекторов Министерства обороны СССР. Несколько раз избирался депутатом Верховного Совета СССР.

Опираясь на воспоминания военачальников, тех, кто хорошо знал К.К. Рокоссовского, можно подчеркнуть наиболее примечательные его черты. Буквально все авторы, помимо полководческого дарования, отмечали его замечательные человеческие качества: ровность характера, интеллигентность, выдержку, простоту, доступность, предельную вежливость в обращении с подчиненными, собранность, принципиальность, твердость, решительность и мужество. Еще во время Московской битвы член Военного совета 16-й армии А.А. Лобачев говорил: «Рокоссовского все обожают... Его нельзя не обожать. Это не просто хороший, а обаятельный человек» [3, с. 596]. Генерал армии П.И. Батов писал: «Он (Рокоссовский, — М.П.) удивлял своим полководческим талантом и совершенно поразительной скромностью. Сколько лет знал его, сколько боев прошли рядом — и почти никогда не слышал от него слова «Я» [9]. Маршал Советского Союза И.Х. Баграмян подчеркнул: «Мой друг маршал Рокоссовский был воплощением богатырского мужества и рыцарской скромности» [10].

Никак нельзя согласиться с некоторыми авторами, пытающимися как-то противопоставить наших прославленных полководцев. Так, некоторые пишут о К.К. Рокоссовском: «лучший маршал Красной Армии», «полководец номер один» и т.п. [11]. Еще раз подчеркнем: Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский — один из группы выдающихся советских полководцев периода Великой Отечественной войны. Возвеличить одного полководца, принизить другого — один из множества приемов фальсификаторов истории Великой Отечественной войны.

Константин Константинович Рокоссовский умер 3 августа 1968 г. В некрологе, подписанном Л.И. Брежневым, другими руководителями СССР и многими военачальниками, отмечалось, что К.К. Рокоссовскому были присущи такие качества, как «личная скромность, чуткость к людям, беспримерное мужество и героизм в боях с врагами нашей Родины» [12]. В некрологе перечислялись государственные награды и звания, которых был удостоен прославленный полководец: дважды Герой Советского Союза, орден «Победа», семь орденов Ленина, орден Октябрьской революции, шесть орденов Красного Знамени, орден Суворова 1-й степени, орден Кутузова 1-й степени и многие медали. К.К. Рокоссовский был награжден орденами ряда зарубежных государств.

Урна с прахом К.К. Рокоссовского покоится в Кремлевской стене.

21 декабря 2011 года — 115-я годовщина со дня рождения Константина Константиновича Рокоссовского, выдающегося российского полководца и замечательного человека.

Литература

1. *Василевский А.М.* Дело всей жизни. М., 1975. С. 155.
2. Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентом США и Премьер-министром Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. В 2 т. Т. 1. М., 1976. С. 47.
3. Москва военная: мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 13.
4. *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. М., 1990. Т. 2. С. 223.
5. *Плетушков М.С.* Маршал Рокоссовский в отечественной историографии // Три маршала Победы. М., 1999. С. 330—332.
6. Автобиография К.К. Рокоссовского от 4 апреля 1940 г. // Военно-исторический журнал. 1990. № 12. С. 87.
7. Великая Отечественная война. 1941—1945: Энциклопедия. М., 1985. С. 526.
8. *Рокоссовский К.К.* Солдатский долг. М., 1997. С. 122—123.
9. Полководцы и военачальники Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 262.
10. *Куманев Г.А.* Маршал Рокоссовский в воспоминаниях его соратников // Три маршала Победы. М., 1999. С. 268.
11. Досье. 2005. № 3.
12. Правда. 1968. 4 августа.

ПОЛИТОЛОГИЯ

И.В. Лебедев

КРИЗИС И РЕВОЛЮЦИЯ

Сегодня наша страна оказалась в состоянии государственного кризиса – что стало неожиданностью для многих. По крайней мере, для многих лиц, принимающих ключевые решения. Предполагалось, что пока цены на нефть достаточно высоки, лояльность «силовиков» и регионов можно купить, а лояльность граждан частично купить, частично обеспечить силовыми методами.

Но вышло иначе. Мировой взрыв «пассионарности», наконец, докатился и до нас: подтасовки, вбросы, «карусели», которые были характерны для наших выборов и раньше, теперь оказались неприемлемы не только для «непримиримой оппозиции», но и для всех граждан.

Я не утверждаю, что революция уже началась. И я к ней не призываю. Но революционная ситуация уже налицо – и это объективный факт. Дело в том, что резко возросшее «Низы не хотят» встретилось с катастрофическим «Верхи не могут». В частности, по свидетельствам

очевидцев, многие полицейские, отправленные на подавление гражданских выступлений, проявили (пока что – на словах) солидарность с выступающими. Если власть теряет легитимность даже в среде «силовиков», впору говорить о государственном кризисе – если не коллапсе.

Понятно, что это – лишь «первые ласточки», но ласточки достаточно жирные. Для спасения страны сейчас требуется напряженная и высокопрофессиональная работа. Но, как мне представляется, «верхи не могут» действовать профессионально. Власть пребывает в панике. Ошибки, одна нелепее другой, следуют чередой, и главная из них – тактика полумер.

Можно было сразу устроить митингующим «Тянь-ань-мынь», лидеров посадить не на сутки, а на годы, остальных разогнать пулями и водометами... Это, правда, привело бы лишь к временному затишью, после которого последует, я уверен, взрыв – как уже было в 1905 году.

Но ведь можно поступить принципиально иначе, дать народу высказаться, выслушать лидеров, обменяться аргументами. Неужели нашим властям претит сама идея договориться с собственным народом?

Видимо, претит: выстроенная за последние годы система управления страной «заточена» под полностью раздельное существование власти и остальных граждан. Прежде всего, эта система проявила себя в затяжном парламентском кризисе.

Ситуация в Думе Пятого и Четвертого созывов показала: абсолютное большинство «партии власти» в Думе привело к полному контролю Думы со стороны исполнительной власти. В результате Дума стала «декоративным» органом, в лучшем случае – экспертным органом при исполнительной власти, по реальному статусу неотличимым от Общественной Палаты или даже от экспертных институтов типа ФЭП или ИНСОП.

Впрочем, после заявления Б. Грызлова, что «Дума – не место для дискуссий», становится ясно, что ни внутри Думы, ни внутри «партии власти» нет не только фракционной борьбы, но и не проводится какая-либо экспертная оценка вопросов, предусматривающая разницу мнений. То есть, Парламент как таковой в России отсутствует, даже в качестве «совещательного» либо «экспертного» органа.

Произошедший де-факто отказ от демократии вовсе не привел к укреплению власти, но напротив, чреват стихийным сломом всех механизмов управления. Проще говоря, чреват революцией, внешние проявления которой сегодня каждый может наблюдать из окна.

Важно, что «революция» — это не только демонстрации и митинги. Это еще и пренебрежение распоряжениями и рекомендациями власти — на всех уровнях. «На всех уровнях» — означает, в частности, и то, что именно назначенные губернаторы оказались более склонны к сепаратистским настроениям. Можно приводить и другие примеры, столь же плачевные.

Вспомним, что потеря властью легитимности привела к Октябрьскому перевороту в 1917 году. Она же привела к развалу СССР. Отсутствие связи с народом, отсутствие опоры на народ, неэффективная национальная политика — все это есть и сейчас. И чреват теми же последствиями.

Власть, однако, предпочитает банально «закручивать гайки» — не замечая, что государственная машина уже начинает «трескаться по корпусу». Или даже замечая — но не имея воли и компетентности найти приемлемый выход из положения. Если «верхи» продолжают паниковать и демонстрировать «немоощь», то возможны самые драматические варианты развития событий.

О.Н. Слоботчиков

ОСОБЕННОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СИСТЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ И ЖИЗНИ ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье анализируется политика, направленная на обеспечение безопасности жизни граждан в России. На обширном статистическом материале рассматриваются проблемы, связанные с гибелью людей на дорогах, насильственных смертей, сопоставляется уровень смертности в нашей стране и других государствах, вырабатываются прогнозы развития демографического кризиса в мире.

Ключевые слова: безопасность жизни; терроризм; гибель людей на дорогах; смертность от убийств; уровень смертности; демографический кризис.

Террористические акты конца XX и начала XXI веков, взрывы жилых домов в Москве и Волгодонске, в московском метро, на железной дороге и в аэропорту, захват заложников в Москве в культурном центре на Дубровке, в Беслане в школе № 1 и другие печальные события продемонстрировали уже не первый раз опасность терроризма. Он способен создавать чрезвычайные ситуации, требующие и чрезвычайных усилий для спасения здоровья и самой жизни людей. Прежде такие ситуации возникали только вследствие природных или техногенных катастроф. В какой мере мы оказались готовы к последствиям теракта в том смысле, в каком надо быть готовыми, например, к последствиям землетрясения или железнодорожной катастрофы?

Терроризм привел к необходимости выработки алгоритмов действий тех, кто по долгу службы отвечает за нашу безопасность, появились четкие инструкции о действиях общества в нештатных ситуациях и т.п. Но, с другой стороны, все происходящее невероятно узнаваемо, в чрезвычайных обстоятельствах в очередной раз повторяется то, с чем мы сталкиваемся ежедневно. Разница просто в масштабах беды.

Известно, что у нас очень высокий транспортный травматизм. В 2008 году на улицах Москвы появились щиты с социальной информацией, свидетельствующей, что в России на дорогах ежегодно погибает около 30 тыс. человек. Это сопоставимо с населением одного небольшого города. То есть, в год Россия теряет только в автокатастрофах по одному городу. В 2010 году, например, на дорогах погибло 26 567 человек, при этом 250 635 человек получили

ранения. Всего за период с 1999 по 2009 год мы потеряли в результате автотранспортных происшествий 349 588 человек [1]. Для сравнения – за десять лет боевых действий в Афганистане (1979–1989 гг.), по официальным данным, погибло 15 051 человек [2].

По мнению автоинспекции, главная причина большинства автотранспортных происшествий – нарушение правил дорожного движения водителями и пешеходами. То есть, главные виновники опасности на дорогах именно граждане. Пусть так. Но как мы помогаем пострадавшим? В стране, по официальным данным, погибает 14 из каждой сотни пострадавших в ДТП. В табл. 1 приведены данные по некоторым другим странам. Смертность в России выше в разы! Почему? Снова граждане сами виноваты?

Таблица 1

Число погибших на 100 пострадавших в ДТП в некоторых странах (2010)

Страна	Число погибших на 100 пострадавших	Страна	Число погибших на 100 пострадавших
Япония	1,3	Ю. Корея	4,2
Великобритания	1,4	Испания	5,8
Канада	1,9	Венгрия	6,4
США	2,0	Франция	6,7
Италия	3,0	Греция	8,3
Швеция	3,3	Турция	9,0
Норвегия	3,8	Польша	10,3

По этому поводу в Государственном докладе по безопасности дорожного движения говорится следующее: «Основными причинами, снижающими эффективность медицинской помощи на догоспитальном этапе, являются:

- прибытие к месту происшествия бригады скорой медицинской помощи со значительным опозданием (34,3%);
- недостаточная подготовка врачей и среднего медицинского персонала для оказания медицинской помощи при множественных и сочетанных травмах (24,6%);
- нарушение медицинских требований и правил транспортировки пострадавших (21,2%);
- отсутствие необходимой подготовки и навыков участников дорожного движения по оказанию первой медицинской помощи (19,2%);
- отсутствие средств связи для вызова скорой медицинской помощи (16,3%);
- отсутствие противошоковых средств и средств остановки кровотечения (12,5%);
- неполноценность существующих медицинских укладок и средств иммобилизации (10,4%)» [3].

Этот анализ банальных, десятки тысяч раз в год повторяющихся на дорогах маленьких трагедий почти буквально можно приложить к террористическим актам. Разница только в масштабах.

Терроризм и насилие не одно и то же. Но у них есть объединяющий фактор. Это – низкая оценка человеческой жизни. В конце концов, каждое убийство – это акт террора. С абсолютным числом жертв от убийств пока не сравнится никакой терроризм. В России ежегодно (!) погибает от криминальных и бытовых убийств около 30 тысяч мужчин и 10 тысяч женщин [4]. Это еще один город с окрестностями...

Смертность от убийств с 1990 года увеличилась в России примерно втрое, и сейчас по этому виду смертности Россия не имеет себе равных среди развитых стран и, видимо, близка к тем развивающимся странам, где ее уровень наивысший. К тому же надо сделать поправку на возможную неполноту учета – быстро растет число смертей, классифицируемых как насильственные, но в отношении которых неизвестно, были ли они преднамеренными или случайными.

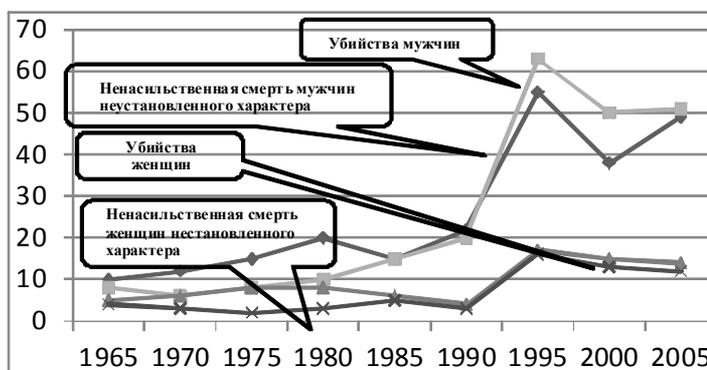

Рис. 1. Стандартизированный коэффициент смертности от убийств и от насильственных причин смерти неустановленного характера (Россия. 1965–2000)

В отношении и мужчин, и женщин количество смертей из-за неустановленных причин примерно столько же, сколько и убийств. В конце 1980-х годов таких смертей было намного меньше. Почти наверняка можно утверждать, что часть убийств по тем или иным причинам попадает в категорию «причин смертности неустановленного характера». Получается 60–70 тысяч убийств в год, и это только часть смертности от «внешних», а по существу, тоже насильственных причин. Эти причины – основные виновники нашей чрезвычайно высокой мужской смертности, и убийства среди них не главные. А это значит, что у нас в целом крайне плохо обеспечивается личная безопасность граждан.

Сравним, например, Россию со средней для Запада по уровню смертности Англией (табл. 2).

Таблица 2

Стандартизированные по возрасту коэффициенты смертности от некоторых видов несчастных случаев и насильственных причин в России и Англии (2009)

	Мужчины			Женщины		
	Россия, 2009	Англия, 2009	Россия по отношению к Англии	Россия, 2009	Англия, 2009	Россия по отношению к Англии
Дорожно-транспортные происшествия	41,8	8,6	4,9	12,8	2,8	4,5
Случайные отравления	68,5	2,8	24,7	17,5	1,0	17,3
Случайные падения	16,2	5,3	3,1	4,1	4,2	1,0
Случайные утопления	20,9	0,7	30,7	3,7	0,2	19,2
Самоубийства	69,2	10,5	6,6	10,5	2,9	3,6
Убийства	44,6	0,8	53,5	13,0	0,3	41,9
Насильственная смерть случайного или преднамеренного характера	48,1	-	-	10,7	-	-
Прочие внешние причины смерти	60,2	9,7	6,2	15,2	4,3	3,5
Все внешние причины смерти	369,3	38,4	9,6	87,4	15,7	5,5

Как видим, в России смертность от каждой из перечисленных в таблице причин выше, чем в Англии, в разы. В Демографическом ежегоднике России приведена цифра погибших от всех этих причин в 2009 году – 332 тысячи человек. Четыре пятых из них приходится на трудоспособные возраста. Сколько же это городов с 30-тысячным населением?

Все эти сравнения показывают, что, например, неоправданная массовая гибель людей во время террористического акта вряд ли может рассматриваться как изолированный факт, не связанный с нашим повседневным неумением надежно защитить свою жизнь. Именно поэтому терроризм становится сигналом к тому, чтобы переосмыслить очень многое в нашей жизни. Но сигнал, кажется, не был расслышан. Трагедии, разворачивавшиеся на глазах у всего мира, с такой яркостью высветили явное неблагополучие с безопасностью людей, что первое, что нужно было сделать, это задуматься о том, почему эта безопасность в России повсеместно так мала. Но этого-то как раз и не делается. Можно быть уверенными, что подобная забывчивость будет оплачена тысячами новых жертв и совсем не обязательно в связи с террористическими актами.

В России жить опасно. В России выше, чем у жителей других стран, риск погибнуть от «неестественных» причин (кстати, не следует забывать, что и риск остаться калекотой от тех же причин у нас тоже выше). Но ведь мы и по преждевременной смертности от «естественных» причин, попросту говоря, от болезней, едва ли не на первом месте среди промышленно развитых стран. Средний возраст смерти от разных причин, а не только от насильственных, у нас намного ниже, чем на Западе, то есть мы умираем намного более молодыми (табл. 3).

Таблица 3

Средний возраст смерти от разных классов причин в России и на Западе

Причины смерти	Запад, 2000	Россия		Разница между Россией и Западом	
		2000	2010	2000	2010
Инфекционные и паразитарные болезни	66,9	46,1	44,0	20,8	22,9
Новообразования	72,5	64,6	63,6	7,9	8,9
Болезни системы кровообращения	77,3	71,6	67,6	5,7	9,7
Болезни органов дыхания	80,1	66,4	59,8	13,7	20,3
Болезни органов пищеварения	71,9	63,1	55,8	8,8	16,1
Другие болезни	68,8	37,7	32,8	31,1	36,1
Несчастные случаи, отравления и травмы	54,2	43,4	42,2	10,8	12,0

Если у нас каждый мужчина, умирающий от сердечно-сосудистого заболевания, а это причина самого большого числа смертей, проживает к моменту смерти в среднем чуть ли не на 10 лет меньше, чем европеец, американец или японец, то это значит, что у них жизнь более безопасная, чем наша. Это видно из простого сопоставления ожидаемой продолжительности жизни. В 2010 году в России она составляла для мужчин 61,8 года, а в Европейском Союзе 78. При нынешнем уровне смертности от всех причин средний россиянин проживет на 16 лет меньше среднего европейца. Если существующий ныне режим смертности сохранится и в будущем, то вероятность 20-летнего мужчины дожить до 65 лет составит меньше 50%. В западных странах эта вероятность равна примерно 90%. Они создали систему, защищающую каждого человека, а мы нет.

Тем не менее, широко распространено представление, что у нас эта система есть, только ухудшилась за время реформ. Реформы, стало быть, и виноваты. Но система обеспечения

безопасности работает плохо давно, уже очень давно. Только об этом мало кто знал. В советское время данные об ожидаемой продолжительности жизни (а это наиболее точный измеритель смертности) скрывались. Сейчас эти данные рассекречены и хорошо известны. Они показывают, что Россия подошла к «десятилетию реформ» с отсутствующей или очень плохой системой обеспечения безопасности.

К середине 1980-х годов смертность в России была не только самой высокой в Европе, но даже и в СССР по этому показателю Россия была позади всех европейских республик Союза. Теперешние показатели российской смертности в целом близки к той самой неблагоприятной траектории, которая была задана в ностальгические 60–70-е годы прошлого века (рис. 2).

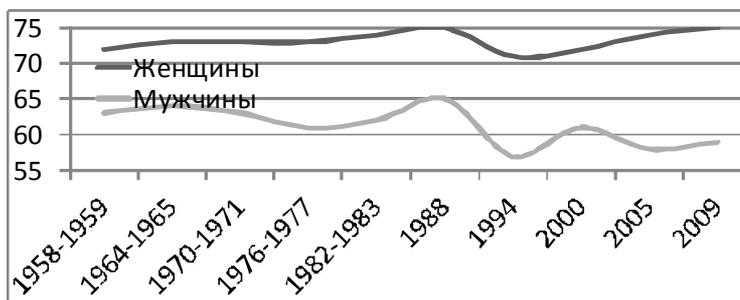

Рис. 2. Ожидаемая продолжительность жизни у мужчин и женщин при рождении, Россия. Реальная динамика 1958–2009 гг.

Нынешнее положение со смертностью в России по ряду параметров хуже, чем было накануне реформ. Данное неблагополучие связано с живучестью старой российско-советской тенденции пренебрежительного отношения к человеку, которая в нынешних условиях приводит к еще большим потерям.

Однако следует иметь в виду, что за годы реформ ухудшились не все параметры смертности. Например, в советское время после 1971 года прекратилось снижение младенческой смертности, ее 10 лет не могли сдвинуть с мертвой точки и еще 5 лет она была близка к ней. Какое-то время она даже заметно росла. А вот за последующие «реформаторские» 17 лет — с 1985 по 2001 г. — она сократилась почти на треть (рис. 3).

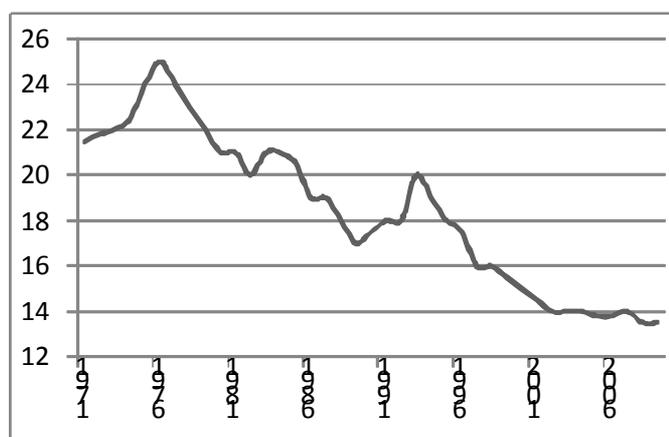

Рис. 3. Младенческая смертность в России, 1971–2009 г.

Когда у нас говорят о безопасности, то под этим подразумевается, скорее, безопасность государства («госбезопасность»), а не отдельно взятого гражданина. Расходы на здравоохранение в стране намного меньше военных расходов, и многим, вспоминая прошлую войну, это кажется оправданным. Но в какой мере это действительно отвечает требованиям национальной безопасности?

В XXI веке могут появиться такие методы агрессии, защиту от которых может обеспечить в первую очередь именно система здравоохранения. У нас же она равно-отсутствующая. В минувшем XX столетии Россия и в мирное время несла такие потери, какие не всякая страна готова понести даже в большой войне. Только между 1975 и 1985 годами число избыточных, по сравнению с западными стандартами, смертей российских мужчин в возрасте от 20 до 50 лет составило около 1,6 миллиона, а это сопоставимо с совокупными людскими потерями США, Англии и Франции во Второй мировой войне. У нас была большая армия, но жизнь этих преждевременно умерших людей должна была обезопасить не она.

Взглянем на терроризм еще с одной точки зрения. Не связаны ли опасности терроризма в России не только с известными событиями внутри страны, но и с мировой демографической ситуацией? Скорее всего, такая связь существует. Сегодня мировая демографическая ситуация – один из фундаментальных факторов противостояния между Севером и Югом. Население стран Юга стремительно растет, большинство этих стран очень бедны, испытывают недостаток естественных ресурсов, имеют аграрный тип экономики, не способный прокормить большое население. Отсюда безработица, массовое обнищание, недовольство, ощущение несправедливости, в конечном счете, рост экстремистских настроений, выливающиеся в вооруженные конфликты и вспышки насилия.

Север – это развитые страны: Европа (включая всю Россию), Северная Америка, Япония. Обычно к ним добавляют Австралию и Новую Зеландию. Это 1,2 миллиарда человек, пресловутый «золотой миллиард». Численность населения Севера практически не растет, в 2050 году «северян» будет примерно столько же, сколько и сейчас. И это в лучшем случае. Может стать и меньше.

А что такое Юг? Это весь остальной мир, сейчас более 5 миллиардов человек, в 2050 году – 8–10 миллиардов. На рис. 4. видно, как будет сокращаться доля стран «золотого миллиарда» в мировом населении. В начале XX века в них жило 30% населения планеты, сейчас 18%, а через 50 лет будет жить около 10%. Опасность того, что на бедном, но многолюдном Юге уже зародившиеся идеи передела мирового богатства превратятся в материальную силу, увеличивается по мере того, как меняется соотношение демографических масс Севера и Юга в пользу последнего.

Какую политику должен проводить Север перед лицом этой опасности? Страны Юга испытывают большие экономические и политические трудности, недостаток управленческого опыта, нехватку образованных и квалифицированных людей. Все это сочетается с нарастающей демографической нагрузкой на ограниченные ресурсы. Отсюда многие внутренние напряжения. В этих условиях более богатые и опытные страны Севера должны оказывать странам Юга значительную помощь в проведении социально-экономической и социально-демографической модернизации. Они и оказывают, но так ли велики их возможности?

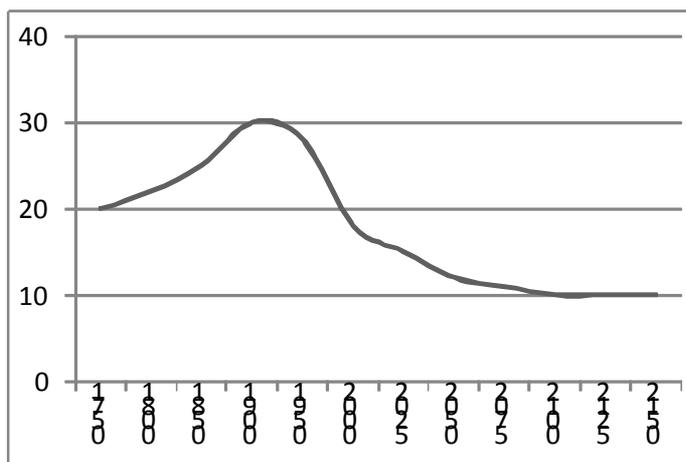

Рис. 4. Доля стран «золотого миллиарда» в населении мира, %.

По оценке Мирового банка, в 2009 году валовой национальный продукт с учетом паритета покупательной способности в расчете на душу населения в США составлял \$32 000, в Европейском Союзе \$22 000, а в Танзании \$500. Если США или Европейский Союз захотели бы помочь Танзании — стране с 36-миллионным населением, здесь не было бы проблем. Но помочь пяти, семи или девяти миллиардам человек намного сложнее. Для этого даже самые богатые должны снять с себя рубашку. Ни американцы, ни европейцы не лежат на свалившихся на них невесть откуда кучах золота, они производят свое богатство. Их высокая производительность труда, в свою очередь, — следствие их богатства. Какую его часть они могут безболезненно тратить на помощь Югу, пусть даже и в собственных интересах?

Опыт последних десятилетий, в том числе опасность терроризма, говорит о том, что никакие пограничные барьеры не защитят Север от растущих социальных и демографических напряжений на Юге. Существует ли цепочка, связывающая террористические акты в России с глобальной ситуацией, с начинающейся осадой Югом бастионов Севера? Или речь идет о чисто внутреннем вопросе?

Терроризм в России был непосредственно мотивирован событиями в Чечне, которые рассматриваются как внутрироссийские. Правда, при этом нередко говорят об участии в конфликте граждан других государств, арабских и иных. Но важно не столько присутствие в рядах боевиков иностранных наемников или энтузиастов, сколько близость чеченской ситуации к общей ситуации Юга, которая чревата терроризмом. Уже в начале 1990-х годов Чечня была типичным для юга планеты (но не слишком типичным для современной России) регионом быстрого демографического роста, приведшего к состоянию относительного перенаселения. Здесь формировалась социальная почва и настроения, очень близкие к тем, какие складывались во многих зарубежных развивающихся странах. Поэтому появление местного экстремизма было в каком-то смысле закономерным. Чеченский конфликт, как и каждый конфликт такого рода, имеет свои конкретные корни, но было бы неверным отрицать его внутреннюю связь с мировыми процессами, в том числе, а может быть, и в первую очередь, с демографическими. Коль скоро такая связь есть, любая разумная политика «северян» должна учитывать естественно возникающую при таких конфликтах солидарность внутри огромного Юга. Но при этом бряцать оружием перед лицом миллиардов недовольных — не самый надежный путь в будущее.

Литература

1. Официальный сайт ГИБДД России: www.gibdd.ru/stat/2010
2. Ляховский А.А., Забродин В.М. Тайны афганской войны. М.: Планета, 1991.
3. Официальный сайт ГИБДД России: www.gibdd.ru/stat/2010
4. Овчинский В. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности. М.: Академия Генеральной прокуратуры РФ, 2010.

Образование, воспитание, культура

О.Р. Байбурова

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ВУЗОВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. В статье раскрываются особенности международного сотрудничества вузов в условиях глобализации экономики. Автор выделяет мобильность студентов и преподавателей как фактор интернационализации высшего образования. Другим важным фактором расширения международного сотрудничества вузов в условиях глобализации является взаимное признание образовательных программ и их аккредитация на международном уровне.

Ключевые слова: международное сотрудничество вузов, мобильность студентов и преподавателей, взаимное признание образовательных программ и их аккредитация на международном уровне, Ассоциация Швейцарских Гостиничных Школ (ASEN).

Современные тенденции развития образования в мире связаны с двумя основными процессами. Во-первых, знание эволюционирует в основной источник стоимости в информационном обществе, образовательная деятельность становится важной двигательной силой его экономического прогресса. Во-вторых, — усиливается интенсивность глобализации и интернационализации экономики, что ставит перед высшим образованием задачу подготовки профессиональных кадров, способных действовать в изменившихся условиях глобального рынка. Становятся актуальными задачи расширения рыночных отношений и в самой образовательной сфере, тем более, что в большинстве стран, как развитых, так и развивающихся, сложилась тенденция к сокращению затрат государства на образование.

В настоящий момент большинство вузов, так или иначе, вовлечено в международную деятельность. Студенты, получающие высшее образование в зарубежных странах, могут применять полученные знания, работая в международных компаниях по всему миру. В ведущих вузах США, Великобритании, Канады до 80% студентов составляют иностранные граждане. Такое явление в мировой практике привело к созданию единого международного образовательного рынка.

Иными словами, одной из наиболее ярких характеристик глобализации высшего образования в современном мире стала мобильность студентов — выезд определенного числа студентов на обучение в другие страны. Причем эта интенсивность мобильности нарастает. Так, по мнению экспертов, если в 2010 году число студентов, обучающихся за рубежом, составляло 2,5 млн. человек, то к 2025 году оно может достигнуть около 5 млн. человек [4].

Многие страны заключают двусторонние и многосторонние соглашения в этой области. Наиболее известные европейские программы в сфере образования — «Эразмус» (с 1987 года) и «Сократ» (с 1995 года). Схемы мобильности «Комет», «Лингва» и др., связанные с программой «Эразмус», были нацелены на создание европейской модели высшего образования как рационального средства развития общеевропейского рынка квалифицированных специалистов.

Ведущие позиции английского языка в науке и бизнесе привлекают студентов на образовательные программы Великобритании, США, а также Канады и Австралии. Возникший спрос приводит к появлению специализированных агентств и консалтинговых компаний, выступающих посредниками в данном процессе.

Международная мобильность студентов носит не только межконтинентальный, но и региональный характер. Здесь свою роль сыграли такие международные соглашения, как NAFTA или ASEAN. Программа «Норд-Плюс» была создана специально для развития студенческого обмена между северными европейскими странами. При этом важно подчеркнуть, что процесс развивается динамично во многом благодаря доступности подобных программ в каждой стране.

Рассматривая студенческую мобильность, не стоит сбрасывать со счетов и экономический аспект этого явления: многие вузы, принимающие иностранных студентов, доходом от полной оплаты обучения существенно дополняют свои бюджеты. Таким образом, рост числа студентов, обучающихся за границей, зачастую обуславливается не только государственной политикой или вопросами оказания помощи, а рыночными по своей сути процессами.

Наряду с мобильностью студентов, важной формой интернационализации высшего образования является мобильность преподавательского состава. Например, США и Великобритания являются крупнейшими поставщиками высококвалифицированных специалистов в преподавательской среде, в то же время кафедры университетов этих стран притягательны для зарубежных научных трудовых ресурсов. Обмен между странами востребованными знаниями и опытом – положительное явление при условии как притока умов, так и их утечки. Этот процесс характерен для всех экономик. Что же касается безвозвратной эмиграции носителей интеллекта, то ее следует рассматривать как потерю, ведущую к ослаблению социально-экономического потенциала страны.

Студенческая и преподавательская мобильность во многом ведут к интернационализации образовательных программ, изменению учебных планов сотрудничающих образовательных заведений. В этом смысле показателен так называемый "Болонский процесс", который для вузов многих стран заключается во внедрении двухуровневой системы высшего профессионального образования: бакалавриата и магистратуры. Данная парадигма становится опережающей в европейских странах, даже в таких системах традиционного образования, которые характерны для Франции и Германии.

Развивается география программ обучения. В этом отношении уместно упомянуть одну из специальных программ Европейской Ассоциации международного образования (EAIE). Она получила название – «интернационализация дома» (Internationalisation at home - IAH) и позволяет студентам без выезда из страны пребывания получить доступ к вузовским программам, сделать процесс обучения доступным для всех.

Все упомянутые тенденции ведут к тому, что ведущие вузы, наряду с обучением иностранных студентов у себя, начинают предлагать свои образовательные услуги на многих других перспективных рынках, создавая зарубежные филиалы и отделения, которые функционируют под патронажем основного учебного заведения. Эта форма глобализации образовательных услуг получила название транснационального образования. Она характерна в первую очередь для развитых стран. Так, например, Институт гостиничного менеджмента из Леувардена (HMSL, Netherland) организовал целую сеть своих программ в Катаре, Индонезии, Ливане и других странах, обозначив проект как «глобальный кампус» [3].

Развивается практика заключения между учебными заведениями различного рода соглашений о введении согласованных обязательных программ. Некоторые вузы заключают соглашения о сотрудничестве даже по отдельным аспектам обучения. Иногда эти связи перерастают в консорциумы и вузовские сети.

Развитие глобализации в образовательной сфере привело к возникновению международных структур, регулирующих этот процесс. Одним из наиболее заметных из них является «Глобальный альянс транснационального образования» (GATE). Это международное объединение, включающее бизнес-организации, вузы и правительственные структуры. Оно занимается вопросами обеспечения качества, аккредитации и сертификации программ высшего образования, предлагаемых за пределами своей страны. Вхождение в альянс предусматривает несколько типов межвузовских соглашений:

1. Франчайзинг – по соответствующему договору зарубежный вуз выдает местному учебному заведению разрешение на использование собственных образовательных программ с выдачей своих дипломов на согласованных условиях.

2. Программы-близнецы – в сотрудничающих вузах реализуются совместные программы обучения, в рамках которых студенты занимаются по одинаковым учебникам и сдают одни и те же экзамены. Как правило, процесс обучения ведется местными преподавателями.

3. Взаимное признание программ – совместные программы не разрабатываются, а студенты зачисляются на программы вуза другой страны, получаемые ими оценки признаются действительными в их родном учебном заведении. Существует и альтернативный вариант: студенты могут пройти определенный этап обучения в своем институте и получить оценки, которые будут признаны вузом другой страны, чтобы затем пройти в этом вузе программу следующего этапа обучения [2].

Показательной в этом отношении является система Двойного диплома, распространенная среди европейских вузов. При ее реализации вуз одной из стран выдает свои дипломы студентам вуза-партнера другой страны, если те проучились в нем в течение года и выполнили ряд необходимых требований. По окончании учебного заведения студенты, таким образом, кроме своего диплома, могут получить полноправный диплом вуза-партнера. В настоящий момент целый ряд вузов заключает подобные договоры друг с другом. В итоге это вылилось в существование функционирующей партнерской сети, включающей высшие образовательные учреждения Франции, Германии, Великобритании, Нидерландов, Испании и России. Следующий шаг в этом направлении знаменуют собой программы Тройного диплома, в реализацию которых включены три вуза, что является новым этапом сотрудничества на пути к созданию совместных образовательных программ.

Совместные программы подобного рода отвечают задачам Болонского процесса, поскольку решают задачи международного контроля качества образования, взаимного признания документов о высшем образовании, увеличения возможностей трудоустройства выпускников в рамках объединенной Европы.

Другим важным фактором расширения международного сотрудничества вузов в условиях глобализации является взаимное признание образовательных программ и их аккредитация на международном уровне.

Сегодня в ряде стран Европы функции, относящиеся к присвоению квалификаций по итогам курса обучения, передаются общественным ассоциациям профессионалов, а функции аккредитации образовательных программ – ассоциациям университетов. Аналогичным образом формируется система международной аккредитации вузовских программ. Она не выдвигает категоричных предписаний по процедурам и результатам деятельности вуза, тем самым создает ему условия для проведения гибкой политики на национальном и международном рынках образовательных услуг, она нацелена прежде всего на оценку эффективности образовательной работы.

Что дает вузу международная аккредитация? Прохождение международной аккредитации сопряжено с глубоким самоанализом и самосовершенствованием вуза на стадии проведения самооценки. Опросники по самооценке включают разделы как по вузу в целом (история, право ведения образовательной деятельности, материальные ресурсы и т.д.), так и по отдельному факультету (структура, организация деятельности, подходы к разработке, пересмотру и совершенствованию основополагающих документов и процедур) и аккредитуемой программе. Основные блоки вопросов касаются (1) учебного плана, (2) характеристик профессорско-преподавательского состава, (3) ресурсов, обеспечивающих реализацию образовательной программы, (4) связей с бизнес-сообществом, (5) возможностей для инновационной деятельности и реализации творческого подхода [1].

Одним из требований при соискании международной аккредитации Европейского совета бизнес-образования является разработка проекта заполнения Европейского приложения к диплому, введение которого считается одним из основных параметров Болонского процесса. Для этого вузу необходимо собрать соответствующие материалы – руководящие указания авторов приложения (Европейской комиссии, Совета Европы, ЮНЕСКО), образцы Европейского приложения по аккредитованным подразделениям, иметь бланк Европейского приложения к диплому с символикой учебного заведения. Вуз, прошедший международную аккредитацию и выдающий своим выпускникам приложение к диплому в соответствии с международными требованиями, поможет студенту и выпускнику при про-

должении обучения в зарубежном вузе или найме на работу за рубежом или в транснациональные корпорации в России.

Получение и поддержание международной аккредитации – это, разумеется, и продвижение брэнда вуза, ведь любая аккредитация представляет собой некий знак качества, отличающий данный вуз от других на национальной или международной арене. Это показатель конкурентного преимущества, это подтверждение приверженности вуза концепции непрерывного развития. Аккредитация образовательных программ вуза в международных аккредитующих организациях является сегодня показателем движения вуза вперед и посылает положительный сигнал общественности, повышая таким образом привлекательность вуза и, как следствие, его жизнеспособность в меняющихся глобальных условиях.

Вузы, специализирующиеся на подготовке кадров для индустрии гостеприимства, давно осознали преимущества вступления в международные отраслевые организации и ассоциации. Большинство известных учебных заведений в сфере гостиничной индустрии и туризма Швейцарии, Великобритании, Испании и других стран являются членами нескольких ассоциаций. Назовем наиболее известные ассоциации, которые осуществляют аккредитацию учебных заведений в данной области: Swiss Hotel Schools Association (ASEN), Tourism and Hospitality Education (THE-ICE), New England Association of Schools and Colleges (NEASC), Accrediting Council for Independent Colleges and Schools (ACICS), The Association of Australian Hotel Schools (AAHS).

Ассоциация Швейцарских Гостиничных Школ (ASEN) установила определенные научные, профессиональные и этические стандарты и принимает в свои ряды учебные заведения, отвечающие этим стандартам. ASEN является консолидацией 12 Швейцарских Школ Гостиничного Менеджмента, в которых проходят обучение студенты из многих стран. В школах преподают на английском, немецком, французском или итальянском языках. ASEN поддерживается двумя профессиональными организациями – GastroSuisse и Hotel & Gastrounion, каждая из которых имеет по одному представителю в комитете. Ассоциация проводит аккредитацию обучающих программ совместно с Федеральным Агентством по Профессиональной Подготовка (The Federal Office for Professional Education and Technology (OPET) [5].

Членами этой Ассоциации ASEN являются следующие школы гостиничного менеджмента:

- Belvoirpark Hotelfachschule, Zürich;
- DCT University Center Hospitality Leadership & European Culinary Arts;
- École hôtelière de Genève «ES»;
- HIM, Hotel Institute, Montreux;
- Hotelfachschule, Thun;
- IHITI, International Hotel and Tourism Training Institute;
- Institut Hôtelier «César Ritz»;
- Schweizerische Hotelfachschule, Luzern;
- Swiss Hotel Management School;
- SSAT Scuola superiore Alberghiera e del Turismo;
- Swiss School of Tourism and Hospitality Ltd.

Международный Центр Высшего Качества Образования в Туризме и Гостеприимстве (The International Centre of Excellence in Tourism and Hospitality Education (THE-ICE) занимается аккредитацией университетов, частных школ гостиничного бизнеса и профессиональных колледжей из разных стран [6]. THE-ICE является полноправным членом Международной Сети Агентств по Контролю Качества Высшего Образования (International Network for Quality Assurance Agencies in Higher Education (INQAANE), штаб-квартира которой находится в Нидерландах. Это вышестоящий орган, контролирующий деятельность аккредитационных агентств в Европе. В Азии существует аналогичный орган the Asia-Pacific Quality Network (APQN). В США Департамент Образования признает результаты аккредитации, которую проводит независимый Совет Аккредитации Высшего Образования Council for Higher Education (Accreditation (CHEA) [5].

Членами этой Ассоциации THE-ICE являются следующие школы гостиничного менеджмента:

- AIHS, Canberra;
- ASTHM, Perth;
- Blue Mountains International Hotel Management School;
- Charles Darwin University;
- Cornell Nanyang Institute of Hospitality Management;
- Emirates Academy of Hospitality Management;
- Griffith University Gold Coast;
- IMC University of Applied Sciences, Krams;
- Int'l College of Mgmt, Sydney;
- MCI Management Center, Innsbruck;
- Southern Cross University;
- TAFE NSW – Northern Sydney Institute;
- The Hotel School, Sydney;
- University of Queensland;
- Victoria University;
- William Angliss Institute;
- William Blue College of Hospitality Management.

Налаживание долгосрочных связей на международной арене является необходимым условием успешной деятельности вуза, специализирующегося на подготовке кадров для индустрии туризма. Студенты, связавшие профессиональную судьбу с туризмом, как никто другой нуждаются в постоянных контактах с представителями мировых культур и иностранными специалистами.

Литература

1. *Белянский В.П., Пономаренко А.В.* Международная аккредитация образовательных программ как фактор повышения конкурентоспособности вуза на рынке образовательных услуг в меняющихся глобальных условиях: международный опыт и перспективы для российских вузов // Материалы Международного научно-практического семинара «Развитие научно-образовательного сотрудничества вузов России и университетов США в области экономических наук». М.: Изд-во РЭА, 2008.

2. *Сагинова О.В.* Международная стратегия вуза на рынке образовательных услуг. М.: Изд-во РЭА, 2005.

3. *Сагинова О.В.* Трансформационные процессы в высшем образовании. М.: Палеотип, 2005.

4. *Сагинова О.В.* Интернационализация высшего образования как фактор конкурентоспособности // Вестник РЭА. 2004. №1.

5. <http://www.bbt.admin.ch/index.html?lang=en>

6. <http://www.the-ice.org/>

ПЕРЕЗАГРУЗКА С НАДЕЖДОЙ НА БУДУЩЕЕ: ВНОВЬ О ПРОБЛЕМЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

***Аннотация.** Рассмотрен вопрос о необходимости изменения некоторых акцентов в российской историографии. Проблема актуальна в связи с кризисом в российском образовании всех уровней, препятствующим созданию стройной системы нравственного воспитания.*

***Ключевые слова:** русская литература; культурный аспект истории российской цивилизации.*

История российской культуры, в частности литературы, в настоящем её представлении выглядит немного странно: она разбита на чёткие периоды, в которые действуют строго определённые лица, как будто выстроил кто-то всех по ранжиру, а в строй уже никого не пускают, даже если он и числится в списке участников процесса. Непонятный какой-то учёт. Да и временные рамки для России тесноваты. Считается, что современная литература от Пушкина начинается, критики тоже по списку идут. В школе произведения «проходят» те, которые на все времена назначены к изучению. Кто эти списки утверждал? А что же другие писатели, поэты, критики и даже просто литераторы не видны? Ответа нет. В это время школьники, которых следует воспитать в духе патриотизма, не хотят читать русскую литературу, предпочитая ей телесуррогаты.

Зададим себе простой вопрос: кто до Пушкина писал на русском языке и о чём писал? Возникает и второй не менее заковыристый вопрос: на какой литературе вырос Пушкин как писатель и поэт? Вслед за этим мы погружаемся в богатейший мир русской литературы, русского языка и начинаем понимать смысл термина «загадочная русская душа». Говоря о Пушкине, мы разумеем не только конкретного человека, но и его современников, которые не только служили в приказах и департаментах, полках и дивизиях, но и на земле растили хлеб, сажали деревья, умножали богатство своё и государственное.

После октябрьского переворота 1917 г. историю начали писать по-новому в новом государстве рабочих и крестьян. Творили её тоже по-новому. Термины появились новые, а некоторые ранее существовавшие надолго исчезли из нашего языка. Остановимся только на одном из них. Был в XVIII веке открыт Императрицей Анной Иоанновной Сухопутный шляхетный кадетский корпус для воспитания дворянских детей и подготовки их к государственной службе. Военный характер этого учебного заведения обусловлен был потребностью в офицерах для русской армии, которой предстояло обеспечивать политические задачи наших амбициозных правителей. Морская академия, а впоследствии Морской кадетский корпус, уже подготовили многих таких офицеров для флота, так что положительный педагогический опыт был.

Дети дворянские учиться в те времена не хотели, поскольку трудом крестьян крепостных безбедное их существование вполне гарантировалось. Учились кадеты сперва «из-под палки», других способов приучить к учебе, вероятно, не было. Потом нашлись учителя хорошие и воспитатели умелые, и дело пошло в нужном для дела обучения русле. Но не зря называли Кадетский корпус «рыцарской академией», стали и там таланты находить для себя благоприятную почву. Кадеты писали стихи как могли, художества осваивали, читали русскую и иностранную литературу, ума набирались. Даже первый русский театр возник из театральных постановок пьес иностранных и русских. Фактически Первый кадетский корпус оказался первым высшим учебным заведением в России, где и университета ещё не было. Из недорослей вышли на службу 18–20-летние удалые офицеры, которые с успехом воевали и всячески способствовали укреплению русской армии. Но об этом после 1917 года сразу позабыли. Тем более, что слово «кадеты» ассоциировалось с членами партии конституционных демократов, злейших врагов большевиков.

Дарков С.К.

А советская историческая наука была занята поиском в отечественной истории людей, которые всю жизнь свою посвятили делу борьбы за освобождение угнетенного народа. Конечно, среди этих борцов дворян не должно было быть, а если и были, то Кадетский корпус не заканчивали. Исчезло название учебного заведения из исторических хроник на долгие годы. Достаточно полистать Большую Советскую энциклопедию.

Одним из первых принятых в кадеты был Александр Сумароков. Прилежный был ученик и стихи писал. Одно из первых его стихотворений по поводу А. Македонского

Сын гордости, сует любитель!
Тебя мечта, побед ловитель,
В страны индийские звала.
Тебя покоя разоритель
Тщета – в край света завела.
Когда бы смерть не опоздала
Скончать твой век, земля бы стала
Театром греческим темниц.
В порывах гордости ты вскоре
Пошёл в пространнейшее море
Искать неведомых границ.

– написано в 1736 году, то есть на несколько лет ранее первой ломоносовской оды. Сумароков оду императрице к празднику сочинил, а после выпуска из корпуса серьезно взялся за литературу. Умный писатель ведь не только сочиняет, но и язык родной совершенствует, а иногда даже и вокруг оглядывается и оценивает людей и события. Но Сумароков особым человеком был, он не только стихи писал и о чистоте русского языка беспокоился, но и театром занимался в Кадетском корпусе, свои пьесы на патриотические сюжеты ставил. А ещё он не боялся Великой княгине, впоследствии императрице Екатерине, советы давать, как государством править. За такое словоизъявление, как мы знаем, во всей последующей нашей истории многие светлые головы дорого заплатили. Самое главное дело Сумарокова - это национальный театр. В книге Карабанова [1], изданной в 1849 году к столетию русского театра, убедительно доказывается, что именно в 1-м кадетском корпусе А.П. Сумароков поставил первый драматический спектакль, именно он писал первые русские пьесы на национальные сюжеты, именно он освободил сцену от зрителей, поэтому Вольтер, упрекая французов в неуместном смешении зрителя с актерами, восклицает: «...из глубины севера блеснул к нам луч просвещения!». По словам современников, Сумароков был и сочинитель, и одушевител тог-дашнего театра.

Сумароков написал около четырехсот басен (по его терминологии – притчи), которые оказались идеальным исходным материалом для И.А. Крылова. Но Крылов советами никому не докучал, литературных споров не возбуждал, а уж для «пролетарской литературы» подошёл как нельзя лучше: не сановник и с царями не общался.

Как-то раз в одном российском мероприятии, где присутствовали музейные педагоги, спросил я, когда примерно стали на Руси «отмечать» 1 апреля как «день дурака». Разброс был от XVII до XX века. Ближе всех был ответ: середина XVIII в. Это совпадает с датой написания А. Сумароковым стихотворения

АПРЕЛЯ ПЕРВОЕ ЧИСЛО
Апреля в первый день обман,
Забава общая в народе,
На выдумки лукавить дан,
Нагая правда в нем не в моде,

И всё обманом заросло
Апреля в первое число.

Одни шлют радостную весть,
Друзей к досаде утешают,
Другие лгут и чем ни есть
Друзей к досаде устрашают.

Лукавство враки принесло
Апреля в первое число.

На что сей только день один
Обмана праздником уставлен?
Без самых малых он причин
Излишне столько препрославлен,

Весь год такое ремесло,
Так целый год сие число.

<1759>

В своё время только Сумароков отважился писать едкие сатиры на взяточников, чинуш, хамов дворянского звания, за что и прослыл человеком неуживчивым, резким и самолюбивым. Неужели несовременно стихотворение его «Кукушки»?:

Наместо соловьев кукушки здесь кукуют
И гневом милости Дианины толкуют.
Хотя разносится кукушечья молва,
Кукушкам ли понять богинины слова?
В дуброве сей поют безмозглые кукушки,
Которых песни все не стоят ни полушки.
Лишь только закричит кукушка на суку,
Другие все за ней кричат: куку, куку.

<1770>

И, пожалуй, никто из его современников так не радел о чистоте русского языка, как он, чему доказательством споры его с поэтом Ломоносовым, который несколько упрощал свои взгляды на главное наше культурное богатство. Как отмечал в своей работе «Очерки жизни и творчества А.П. Сумарокова» другой кадет 1-го кадетского корпуса Сергей Николаевич Глинка, Сумароков переселял события веков минувших в первые свои стихотворческие опыты. О Петре Первом юноша писал:

Пётр — природу применяет,
Новы души в нас влагает,
Строит войско, входит в Понт,
И во дни такой премены,
Мещет пламень, рушит стены,
Рвёт и движет горизонт.

Позднее написано стихотворение к памятнику Петру I:

...Пётр внутренних врагов и внешних победил,
Объял величеством и море он и сушу;
Прославя Россиян, богатством наградил,
Петр дал нам бытие, Екатерина — душу...

Если задать себе вопрос: на какой литературе выросли защитники Отечества, спасшие Россию от дикого нашествия Наполеона? Ответ сам напрашивается, тем более, что питомцы

1-го и 2-го кадетских корпусов, в том числе и М.И. Кутузов, составили ядро офицерского корпуса российской армии. Теория о том, что будущие декабристы набрались ума в Европе, рассыпается в прах, достаточно почитать Сумарокова, Радищева и некоторых других их современников. Это написано Сумароковым: «Славно умирать за отечество, но столь же похвально и жить для него. ...Любовь к отечеству не в том только состоит, чтобы возжигать ему хвалебный фимиам, но в том особенно, чтобы показывать то, что причиняет обществу вред, а отечеству наносит бесславию...»

Из опыта о русских писателях, изданных Митрополитом Евгением и напечатанных в «Московском друге просвещения», явствует, что Екатерина II при венчании своем на царство разрешила свободное печатание на трое суток и что в этот промежуток напечатано было послание «К слугам моим».

Из всех тогдашних писателей один А.П. Сумароков удовлетворил желанию Екатерины, один он с пламенной любовью к Отечеству в похвальном слове своем к Императрице вместо хвалебного фимиама с пламенным рвением сына Отечества высказал ей то, чего ожидает Россия от прозорливой её мысли, изощренной и одушевленной опытами всех веков. Указывая на Указ Петра I 1722 г., столь живо выражающий козни и извилистые пути ябеды, Сумароков вещал Екатерине:

«Есть, государыня, есть весьма дикое разрушение правосудия. Судьи уверяют, что человек может быть прав по законам, а по совести виноват. Поэтому или неправедны законы, или безумны судьи, когда видно, что человек по совести виноват, то в том удобно его изобличить, ежели у судей в голове есть разум, а в сердце честность. Есть ещё нечто и этого чуднее. Говорят некоторые люди о судьях: как судьи посудят! Судьи не боги и не цари, а мы не тварь их и не подданные. Осуждать должны законы, а не они, если праведен суд, а если суд не праведен, то осуждают нас не судьи, а беззаконники... Говорят также, что можно дела вершить различным образом, думая, или лучше сказать, выдумывая ложь, будто указы разногласны, а не хотят видеть того, что последний указ или статья в указе, отрицает прежний указ или статью в нём; а что последним указом не отмечено, то остается в прежней своей силе. Нет точного на то указа, говорят иные судьи, хотя им и повелено представлять о том Сенату, о чем нет указа; а Сенат имеет повеление представлять Государю. Невежество — источник неправды; бездельничество полагает основание храма его; безумие созидает; пронырство утверждает. Разрушь, государыня, разрушь стены сего пагубного зданья! Низвергни его столбы и разори основание! Но прежде всего повели собрать потребные для нового зданья вещи и основать училища готовящимся соблюдать предначертанные премудростью твоею законы. Повели пред писцами разогнуть книгу естественной грамматики, начало нашего пред прочими животными преимущества, но которой многие писцы и по имени не знают. Повели им изображать дело ясно и мыслить обстоятельно, чтобы знало общество, что написано».

Так говорил Сумароков 1762 года, а Екатерина II 1776 года в наказе своем сказала (наказ §158): «Законы должны быть писаны простым языком, а уложение, все законы в себе содержащее, должно быть книгою весьма употребительною и которую бы за малую цену достать можно было наподобие букваря».

Пушкин, «наше всё», в своем послании «К Жуковскому» так неуважительно отнёсся к своему духовному учителю, что и цитировать стыдно. Критика по-следующих лет в лице Белинского очень «демократически» оценила вклад Сумарокова в русскую культуру: «... Годы и здравый смысл давно уже произнесли свой суд над поэтическими произведениями Сумарокова: их теперь невозможно читать, несмотря на то, что современники ими восхищались. Однакож никак нельзя презирать и судом современников, обязанных сочинениям Сумарокова своею грамотностию и — что особенно важно — своею склонностию к благородному наслаждению чтением и театром. Следовательно, поэтические сочинения Сумарокова, и не будучи читаемы, должны остаться навсегда фактом истории русской литературы и образования русского общества. Что же касается до собственно литературных статей Сумарокова, они чрезвычайно интересны и для нашего времени, как живой отголосок давно прошедшей для нас эпохи, одной из интереснейших эпох русского общества. Сумароков обо всем судил, обо всем высказывал свое мнение, которое было мнением образованнейших и умнейших людей

того времени. Плохой поэт, но порядочный по своему времени стихотворец, характер мелкий, завистливый, хвастливый, задорный и раздражительный, — Сумароков все-таки был человек умный и притом высокообразованный в духе того времени...»

И этот великий гражданин оказался ненужным новому государству рабочих и крестьян, но в наших силах восстановить справедливость. Не стыдно нам начинать отсчет современной русской литературы не от Пушкина, а от А.П. Сумарокова. Первым шагом к нашему покаянию перед великим предком должно стать празднование 300-летия со дня его рождения (14(25) ноября 1717 года) и установка на месте памятника совершенно постороннему для нас Марксу на Театральной площади Москвы памятника основателю русского театра Сумарокову (Церетели может отдохнуть). Рядом будут стоять Ломоносов, Сумароков, Островский и Большой театр, а позади — Кремль... Пока что только Е.П. Мстиславская издала в 2002 г. сборник Российской Государственной библиотеки, посвященный творчеству Сумарокова в связи с 285-летием его рождения [2]. Один из талантливых исследователей русской литературы XVIII в. и творчества Сумарокова Г.А. Гуковский закончил свои дни в тюрьме как «космополит».

Расширяя временные границы нашей национальной культуры, не лишне и уточнить кое-что. На произведениях Сумарокова вырос и другой наш великий предок Владимир Иванович Даль, питомец Морского кадетского корпуса, который учился, кстати, с Павлом Нахимовым. Пролетарская культура не взяла его в светлое будущее, но он сам приходит в наше настоящее и напоминает нам, кто и что мы есть. Никто ни до, ни после него не сделал для русского языка, а значит, и русской культуры и части того, что сделал он. В одном из его писем есть фраза «... Прошу о доброй памяти...». Услышали мы эти слова и стыдно нам становится. Критик Белинский посчитал его просто «балагуром» и на том остановился. «Словарь» его не просто собрание фраз, а полная энциклопедия как бытовая, так и техническая, морская, медицинская и какая угодно ещё. Есть там и очень точные определения коммунистов и социалистов, за что, вероятно, и «не проходят» его в школе. Если у кого-то из читателей бывает изжога, то посоветуем обратиться к советам доктора Даля: надо взять несколько зерен гречки и растереть до муки, а затем проглотить, быстро настанет облегчение. Не надо в аптеку обращаться.

Есть у В. Даля рассказ «Хлебное дельце», в котором очень занимательно повествуется о «хлебной» службе следователей. Читаешь его и невольно в наше время переносишься. Кто с недобросовестной милицией сталкивался, поймёт. За 150 лет мало что изменилось. А короткое его произведение «Что такое Отчизна?» достойно того, чтобы его близко к тексту заучивать в школе или хотя бы писать в качестве диктанта. В "Вопросах ленинизма" т. Сталин утверждал, что «...в прошлом у нас не было и не могло быть отечества. Но теперь, когда мы свергли капитализм, а власть у нас рабочая, — у нас есть отечество и мы будем отстаивать его независимость" (И. Сталин. Вопросы ленинизма, с. 445). Не читал т. Сталин писателя В.И. Даля и русскую культуру слабо себе представлял.

Если перенестись мысленно из века XIX в наше время, то и здесь не всё гладко. Когда мы снова услышали новый старый гимн России, то в авторах оказались те же лица. Но не в этом дело, а в музыке. Послушаем внимательно произведение русского композитора В.С. Калинникова (1866—1900) «Былина». И не имея даже музыкального слуха, обнаружим там замечательную мелодию нашего гимна. Так чего же было проще исправить ошибки советской культуры и указать в авторах музыки двух композиторов: Калинникова и Александрова. Ещё не поздно это сделать и показать себе самим, что мы уважаем авторское право и не являемся пиратами. В музыкальной области много можно сделать интересных открытий. Если взять мелодию из 2-го фортепьянного концерта С. Рахманинова и сыграть её в темпе марша, то услышим мы что-то очень знакомое, мелодию «Прощания славянки» Агапкина, который был земляком автора концерта по Тамбовской губернии. Но область музыкальная, более подходящая для профессионалов, пусть не будет потревожена рассуждениями дилетанта [3].

Удалимся лучше в область живописи, которая и доступнее, и запутаннее одновременно. Когда вспоминают художника П.А. Федотова (1815—1852), который тоже закончил Кадетский корпус, но только в Москве, то ограничиваются очень четкими и стандартными характеристиками. Вероятно, основываясь на «Повести о художнике Федотове» В. Шкловского [4]. Но если сравнить этот текст и воспоминания друга художника А.В. Дружинина, на которых

основывался Шкловский, то окажется, что речь идёт о разных людях. В наше пролетарское искусство не вписался художник, который не «бичевал язвы самодержавия» и не звал к топору. А между тем, Федотов человек был гениальный, потому что и стихи писал неплохие, и музыку к романсам [5]. Если поставить в ряд написанные им портреты, то это будут портреты его товарищей по полку, за которые никто не платил, а вот последующие великие русские портретисты в основном специализировались на лицах высокого ранга. Тем и отличается нравственная позиция порядочных людей, что не суетны они. А это важно для нас именно сегодня в поисках нравственных опор. Кроме того, Федотов, как никто из художников, был предан искусству и был великим «трудоголиком», что и сгубило его раньше времени. Об этом Шкловский и не писал, потому что заказ был на трудную долю русского мастера в условиях самодержавия. И никто из описателей его картин не обращает внимания на то, что только в них можно найти фотографически точное представление современного ему армейского и городского быта. Внимание зрителя сосредоточивают в основном на бедности одежды, интерьера, гротесковости ситуаций.

Виноват ли кто-нибудь в том, что мы оказались ограбленными и богатства нашей русской культуры оказались, слава Богу, не уничтоженными, а под большим ржавым замком? Вопрос этот скорее риторический. Ответ на него можно найти на известной картине Б.М. Кустодиева (1878–1927) «Большевик» (1920). Что станет с Храмом при следующем шаге мужика с красным флагом и сумасшедшими глазами? Присмотритесь, уважаемый читатель, и начните свою перезагрузку.

Литература

1. *Карабанов А.* Основание в 1750 г. русского театра кадетами Первого кадетского корпуса. СПб., 1849.
2. *Мстиславская Е.П.* Александр Петрович Сумароков. Жизнь и творчество. М.: Изд-во «Пашков дом», 2002.
3. *Дарков С.К.* Композиторы. Военная косточка. М.: ИИЦ ДС, 2011.
4. *Шкловский В.* Федотов. Повесть о художнике Федотове. М.: Молодая гвардия, 1965.
5. *Булгаков Ф.И.* Павел Андреевич Федотов и его произведения художественные и литературные. СПб.: Типография А.Суворина, 1893.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

***Аннотация.** В статье сформулированы и раскрыты современные тенденции преподавания иностранных языков в неязыковом вузе. Их анализ осуществлен при опоре на положения социокогнитивного подхода к проблеме, социализации обучения в XXI веке, профессионально ориентированного изучения иностранных языков. Затрагиваются проблемы игровых технологий, повышения роли самообразования.*

***Ключевые слова:** преподавание иностранных языков; эволюция методики преподавания; социокогнитивный подход к преподаванию; социализация обучения; профессионально ориентированное изучение иностранных языков; игровые технологии; самообразование.*

Анализируя состояние преподавания иностранных языков в высшей школе в начале нового века, можно утверждать, что те тенденции, которые только намечались в последние десятилетия XX века, окончательно оформились и

приобрели характер доминантных установок, определяющих практику работы кафедр иностранных языков вузов. Прежде чем освещать содержание этих доминант более подробно, следует сказать, о каких тенденциях идет речь.

На мой взгляд, в современной практике преподавания иностранных языков в высшей школе прослеживаются четыре основные особенности:

1. При определении целей обучения происходит смещение акцента с преимущественного освоения грамматических структур на формирование коммуникативной компетенции обучающихся.

2. Изменяется роль компьютера в практике преподавания иностранных языков: происходит переход от практики общения человека с машиной к практике общения человека с человеком посредством машины.

3. Возрастает роль самообразования в развитии как образовательной деятельности в целом, так и в том, что касается практики преподавания иностранных языков, в частности.

4. Приобретает всю большую методическую оформленность процесс преподавания иностранных языков в неязыковых вузах: формируется парадигма обучения профессионально ориентированному иностранному языку.

В чем же состоит суть этих изменений, затрагивающих саму парадигму педагогической практики? Эволюция теории и методики преподавания иностранных языков и информационно-технологическая революция конца прошлого века шли таким образом, что эти две области соединились как содержание и форма в едином понятии лингвистического образования. Внимание теоретиков и практиков лингводидактики сместилось от формального анализа системы языковых структур (грамматико-переводной метод обучения) к трансформационной и порождающей грамматике и далее – к социокогнитивному подходу, который акцентировал законы практического употребления языка. Целью обучения языку стало формирование коммуникативной компетенции, другими словами, умения использовать изучаемый язык в интерактивном общении. Коммуникативные навыки приобрели столь же важное значение, как и лингвистические знания. Обучение стало более личностно ориентированным и приобрело наряду с когнитивным еще и социальное измерение [5].

Сегодня, как никогда раньше, по крайней мере, если сравнивать нынешнее положение с социалистическим этапом нашей истории, Россия широко открыта для межнационального общения: к официальным межстрановым контактам (научные конференции, симпозиумы, форумы, совместные проекты, обмены делегациями) добавилось и чисто человеческое, личностное измерение. Сегодня пересечение государственной границы, посещение других стран,

общение с носителями языка стали явлением обыденным, его частотность и распространенность не идет ни в какое сравнение с замкнутостью нашей страны, ограниченной во времена СССР жестким обручем «железного занавеса».

Вместе с тем, никогда раньше в нашей стране не осознавалась так остро зависимость степени интегрированности в мировое сообщество от степени и всеохватности знания иностранных языков. В наши дни все отчетливее ощущается потребность в специалистах, владеющих одним или более иностранными языками, причем владеющими ими не на словах, а на деле, владеющими на таком уровне, который позволяет активно включаться в процессы отслеживания перетекающих из страны в страну мощных потоков информации – главной ценности и главного ресурса современного глобализированного мира.

Социокогнитивный подход внес качественные изменения и в характер компьютерных программ, использовавшихся в преподавании иностранных языков с раннего периода эры ЭВМ. Общение обучающегося с машиной было заменено общением с человеком посредством компьютера [6]. Это стало возможным благодаря тому, что теоретическая лингвистика сконцентрировалась на речевом взаимодействии с носителями языка в естественных ситуациях общения, а технологическая революция вышла на этап создания компьютерных сетей. Эти сети, и в первую очередь Интернет, позволяют использовать ЭВМ как средство для интерактивного человеческого общения и обучения на расстоянии, они также обеспечивают практически неограниченный доступ к источникам информации.

Такие возможности не только приводят к появлению новой парадигмы в образовании, но и сами формируют новые парадигмы. Создаются и получают распространение новые виды коммуникации, с которыми студенты, изучающие иностранные языки, должны быть ознакомлены как с частью учебной программы. Это особенно важно в обучении английскому языку, поскольку огромная часть международной коммуникации в сети происходит на этом языке. Очевидно, однако, что такая ситуация будет становиться все более релевантной и для других языков, поскольку киберпространство становится все более разноязыким.

Хочется особо подчеркнуть, что в этом плане заслуживает внимания не только роль информационных технологий в изучении языка, но и роль изучения языка в обществе информационных технологий: сетевая деятельность может и должна использоваться в целях социализации обучения [2] – на принципе, также определяющем особенность деятельности высшей школы в новом веке, принципе, требующем отдельного, более детального анализа, выходящего за рамки данной статьи.

Возвращаясь к размышлениям о новых тенденциях в практике преподавания иностранных языков, следует подчеркнуть еще одно принципиально важное положение. Как уже отмечалось, наша страна, вовлеченная во всемирный процесс глобализации и интеграции, претерпевает значительные изменения во всех сферах жизни общества – политической, экономической и социальной. Эти изменения коснулись также и педагогики, ставя перед системой образования социально значимую задачу – подготовки специалистов, способных осуществлять профессионально-культурное международное сотрудничество. Необходимость решения данной задачи заставило по-новому взглянуть на процесс обучения иностранным языкам в неязыковом вузе. Первоочередной задачей в неязыковом вузе становится не просто обеспечение знания выпускниками иностранного языка как такового, а формирование у них навыков владения профессионально ориентированным иностранным языком, что, в свою очередь, требует разработки специальных методик для студентов разной профессиональной ориентации.

Преподаватель должен подводить студентов к изучению иностранного языка через ту профессиональную сферу, которая им уже знакома и имеет к ним прямое отношение. Это означает, что они смогут в дальнейшем воспользоваться тем, что они изучают на занятиях по иностранному языку в вузе, непосредственно в своей будущей работе. Такой подход к обучению языку имеет специфическую профессиональную направленность, становясь, тем самым, не только учебным предметом «иностраный язык», но и средством профессионального общения.

При обучении студентов иностранным языкам в неязыковом вузе, на мой взгляд, наиболее эффективным приемом является погружение студентов в реальную ситуацию, связанную с их будущей профессией. Для решения этой задачи наиболее успешно подходит методика

игровых технологий [3]. На сегодняшний день вообще одной из фундаментальных проблем дидактики является проблема игры в технологии современного образования, а именно, решение вопроса о том, как внедрить игру в учебный процесс, превратив его тем самым в увлекательную и захватывающую деятельность как для преподавателя, так и для студента. По мнению отечественных и зарубежных исследователей, применение игр в учебном процессе позволяет реализовать так называемый проблемный подход в обучении [1]. Ведь сама по себе неизбежная изоляция учебного процесса от практики уже налагает на преподавателя огромную ответственность с точки зрения подготовки студентов к будущей профессиональной жизни. А так как игры позволяют воспроизводить эту реальность, то студенты на собственном опыте получают возможность осуществить, «пропустить через себя» основные моменты реальной жизни, непосредственно связанные с выбранной ими профессией.

Игровая творческая деятельность привлекательна новизной предлагаемых студентам социальных позиций, динамикой социальных ролей, возможностью самореализации в системе пусть и вымышленных, но, вместе с тем, достаточно реалистичных социальных отношений, многообразием социальных проб. Интенсивность получения опыта общения, опыта вступления в социальные отношения возрастает, если в процессе игрового взаимодействия создаются условия для демонстрации личностных достижений, проявления собственной уникальности студента.

В целом же, исследователи игр видят их преимущество перед традиционными способами организации обучения иностранному языку в следующем:

- ✓ обучающие игры гарантируют их участникам получение опыта, схожего с опытом участия в реальной жизни;
- ✓ игры дают участникам возможность самим решать трудные проблемы, а не смотреть, как это делают другие;
- ✓ игры дают потенциально большую трансформацию учебной ситуации в реальную жизненную;
- ✓ игры позволяют сразу оценить результат своих действий, т.е. свои успехи: они телекопируют время, они вовлекают психологически, они безопасны.

Одной из успешных попыток решения вопроса об использовании игр в учебном процессе явилась так называемая деловая игра, уже прошедшая успешную апробацию в ряде вузов Москвы, в том числе и в Институте мировых цивилизаций (ИМЦ). Деловая игра представляет собой форму воссоздания предметного и социального содержания будущей профессиональной деятельности специалиста, моделирование таких систем отношений, которые особенно характерны для этой деятельности. В деловой игре воспроизводится профессиональная обстановка, сходная по основным сущностным характеристикам с реальной. Деловая игра воссоздает предметный контекст — обстановку будущей профессиональной деятельности, и социальный контекст, в котором студент взаимодействует с представителями других ролевых позиций. Таким образом, в деловой игре реализуется целостная форма коллективной учебной деятельности [7].

Однако чрезмерная увлеченность игровыми методиками таит в себе и серьезную опасность. При жестком лимите учебного времени, отводимого на изучение иностранных языков, преподаватель, активно практикующий на своих занятиях принципы деловой игры, рискует не суметь обеспечить знание студентами полного набора языковых средств, необходимых будущему специалисту, для которого владение иностранным языком должно позволить не только быть способным реализовывать коммуникативную функцию, но и вооружить его «остро отточенным и гибким» инструментом добывания информации, каковым является, в первую очередь, глубокое знание лексико-грамматических структур изучаемого иностранного языка. Хотелось бы предостеречь преподавателя иностранного языка, работающего в неязыковом вузе, от вполне естественного и легко объяснимого желания превратить, потакая просьбам студентов, свои занятия в некое подобие языковых курсов, нацеленных на решение узкой задачи — создание первичной языковой компетенции, то есть способности ориентироваться (на уровне устного общения) в бытовых ситуациях повседневной жизни (поездки, покупки, отдых и т.п.).

И последнее, и самое существенное замечание. При переходе общества от индустриального к постиндустриальному (информационному) актуализируется проблема становления

новой парадигмы образования, характеризующейся тенденцией возрастания роли самообразования в системе высшего и специального образования как социального института и как вида деятельности [4]. Новая парадигма образования представляет собой перенос акцента с образовательной деятельности на самообразовательную. Говоря обобщенно, необходимо отметить следующие основные причины повышения роли самообразования в организации учебного процесса.

Во-первых, это глобальные изменения, связанные с переходом общества от постиндустриального к информационному, предполагающему в качестве ведущего вида деятельности работу человека с информацией. По своей природе такая деятельность является разновидностью самообразования.

Во-вторых, диалектика развития образования и самообразования приводит к автономизации последнего в качестве самостоятельного социального феномена. Технологии самообразования, отпочковываясь от образовательных технологий, все больше обретают собственные социальные роли, смысл и значение, выполняя самостоятельные, присущие только данному социальному явлению функции. Поэтому изменение социального статуса самообразования явилось одной из важнейших предпосылок перехода от парадигмы образования к парадигме самообразования.

В-третьих, переход общества к рыночной системе отношений актуализирует ценность самообразования как инструмента социальной мобильности, противопоставляя его в известном смысле консервативности образования, не дающего возможности динамично адаптироваться к социальным трансформациям.

В-четвертых, важной причиной актуализации проблем самообразования является новый уровень развития философских, социологических, психологических и собственно педагогических концепций, их углубляющаяся гуманистическая ориентация. Так, появление тенденции к более активному использованию в научном лексиконе понятий, начинающихся с «само»: самоорганизация, самодеятельность, самодетерминация, самообразование – свидетельствует о гуманистическом повороте в развитии педагогической практики. Здесь ставка «само» – это не просто дополнение к базовому понятию, это его сущностное углубление. В настоящее время существует потребность анализа социальных и теоретических предпосылок становления новой парадигмы образования, разработки основных теоретико-методологических положений и подходов к исследованию самообразования, выявлению особенностей изучения феномена самообразования и способов его практической реализации.

В этом плане разработка новых методик преподавания иностранных языков, акцентирующих самообразовательную деятельность студента, приобретает значение актуальной задачи, задачи, требующей неуклонного разрешения, которая, следует признать, находится только на начальном этапе, несмотря на давние и, казалось бы, уже сложившиеся традиции формирования концепций преподавания иностранных языков студентам заочной формы обучения. Это поле деятельности представляется мне достойным применения сил для лучших умов российской педагогической науки.

Литература

1. Андреев А.А., Фокина В.Н. Непрерывное образование и дистанционное обучение // Труды СГУ. Гуманитарные науки. Психология и социология образования. 2005. Вып. 89.
2. Григорович Л.А. Педагогическая психология. М.: Изд-во «Гардарика», 2003.
3. Жуков Ю.М. Коммуникативный тренинг. М., 2004.
4. Козырев В.А., Шубина Н.Л. Высшее образование в России в зеркале Болонского процесса. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2005.
5. Коржуев А.В., Попков В.А. Современная теория обучения: общенаучная интерпретация. М.: Академический Проект, 2009.
6. Равен Дж. Компетентности в современном мире. М.: Изд-во Когито-Центр, 2002.
7. Смирнов С.Д. Педагогика и психология высшего образования: от деятельности к личности. М.: Изд. центр «Академия», 2005.

Экономика

А.Н. Стрельцов, В.Н. Юсим, В.А. Колоколов

ОБОСНОВАНИЕ ПОЛИТИКИ МИРОВОГО ПРОМЫШЛЕННОГО ЛИДЕРСТВА В СТАРТОВЫХ УСЛОВИЯХ НЕСОВЕРШЕННОЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ СРЕДЫ

Аннотация. В статье обосновываются методы и технология реализации политики экономико-технологической развития страны, способной вывести ее в технологические лидеры с позиции запоздавшего старта.

Ключевые слова: институциональная и технологическая среда, принцип провокации, этапы и методы развития, управление.

1. Базовое условие реализации политики мирового промышленного лидерства

Экономическая и технологическая политика стран, решающих задачу преодоления отставания от наиболее индустриально развитых экономик,

сталкивается с сопротивлением их институциональной и технологической среды. Это явление связано с тем, что в таких странах низкая (отсталая) культура и организация производства, а также слабый потенциал собственного инновационного развития сопровождаются невысокой (низкой) эффективностью, бюрократизацией и коррупцией государственного аппарата. Другими словами, отсталость технологической среды, как правило, сопровождается несовершенством внутренней институциональной среды. Для этих стран даже такие

сильные меры поддержки экономики, как прямое финансирование развития фирм и территорий, протекционистская защита, стимулирование спроса и т.п., не дают значимого эффекта.

Россию следует отнести именно к таким странам. Тогда для нее становится предельно актуальной разработка мер, способных преодолеть трудности «старта с колен» и сопротивление несовершенной (плохой) технологической и институциональной среды. Например, разработчики "Концепции 2020" на высоком профессиональном уровне выявили и систематизировали практически все основные проблемы экономического и, в частности, инновационного развития страны. Нет сомнения, что исправление ситуации даже по половине указанных в «Концепции 2020» направлений приведет и к существенному совершенствованию

экономической системы в целом, и к росту темпов ее развития. Вместе с тем, «Концепция» говорит, что надо сделать, но не говорит, как.

Создание значительного числа рабочих групп по реализации «Концепции» подразумевает, что специалисты смогут найти конкретные способы устранения выявленных проблем. Но вероятность такого развития событий, судя по опыту большинства стран мира, достаточ-

но мала. Задача ускорения развития также не раз ставилась и в СССР, и в России, но никогда удовлетворительно не решалась. Опыт успешного развития технологически передовых стран, таких как США, Германия, Япония, Корея, практически никогда не удавалось перенести в технологически отстающие. Широко известные результаты успешного развития оказывались всегда неожиданными и воспринимались как «экономическое чудо».

Для успешной реализации политики мирового промышленного лидерства, призванной, прежде всего, поднять технологический уровень экономики, необходима особая технология ее реализации, способная решить поставленные задачи. Сложность таких решений обусловлена тем, что они в силу своей новизны и масштабности не могут быть подсказаны практикой. Их можно ждать только от теории. По-видимому, пришло время, когда прогресс производства, прочно связанный с успехами естественных наук, должен быть поддержан и новыми решениями в сфере экономической науки.

2. Особенности политики управления развитием в условиях несовременной технологической и институциональной среды

2.1. Учет влияния технологической и институциональной среды на инновационное развитие

Взаимозависимость всех отраслей народного хозяйства давно известна. Так, невозможно создать металлургию мирового уровня без мирового уровня химии, машиностроения, горнодобывающей промышленности и десятка других отраслей. Каждая из них связана еще с рядом смежных отраслей, от которых зависят качество, номенклатура и эффективность ее производства, т.е. для поднятия уровня металлургии необходимо поднять уровень, практически, всей экономики.

Среду технологий национального производства можно уподобить вязкой жидкости в сообщающихся сосудах различных отраслей. Подъем уровня жидкости (уровня технологии) в любом из сосудов неминуемо будет сглажен за счет объемов других сосудов, а снижение уровня в любом из сосудов скажется на всех остальных. Этот образ наглядно иллюстрирует, почему не дало результата увеличение капитальных вложений в машиностроение СССР в 1,8 раза в 1985 г., так же как и все другие попытки поднять общий уровень технологии производства, начиная с химизации или сырьевых отраслей, или с помощью механизации, автоматизации, роботизации, информатизации и др. (любых других «заций»).

Убедительным примером, демонстрирующим влияние среды технологий, можно считать опыт эксплуатации в СССР самого передового на то время автомобильного завода – АвтоВАЗа. В производство была запущена, общепризнанно, лучшая в Европе модель малолитражного автомобиля. Завод строил лидер мирового автостроения того времени – итальянский концерн «Фиат». Все рекомендации «Фиата», вплоть до количества мест в столовых и режима питания, были приняты. Российские поставщики завода получили технические требования к поставляемой продукции, и был налажен строгий входной контроль.

Завод начал выпускать продукцию мирового уровня. Но удержал этот уровень только в самом начале, пока на заводе работали преимущественно итальянцы и из Италии же шла поставка исходных материалов. Дальше произошло следующее. Качество машин резко ухудшилось. И, хотя они оставались несравненно лучше отечественных «Москвичей» (продукция завода АЗЛК) и «Волг» (ГАЗ), они в несколько раз стали уступать по надежности двигателя, коррозионной стойкости и общему числу поломок машинам, сходящим с конвейера в первые недели.

Влияние среды технологий иллюстрирует следующая схема (см. рис.1). Большинство предприятий работает с несколькими сотнями поставщиков. Например, у АвтоВАЗа их было около 3 000. Если даже считать, что их всего 100, то на 3-м уровне связей взаимозависимыми окажутся миллион предприятий ($100 \times 100 \times 100 = 1\,000\,000$). Это большинство предприятий, как в СССР, так и в современной России.

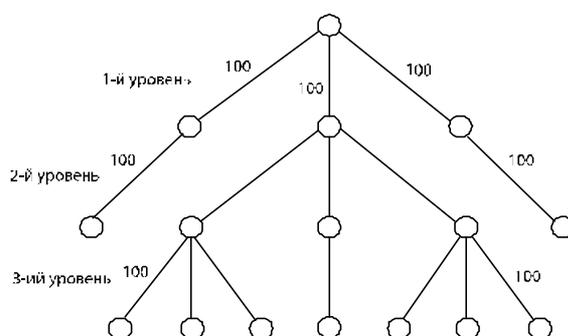

Рис. 1. Взаимосвязь предприятий страны

Практика однозначно демонстрирует, что высокие технологии не приживаются в технологической среде низкого качества. Сопротивление инновационному развитию оказывает также низкий уровень институциональной среды экономики. Он связан с группой широко известных негативных явлений, характерных как для экономики России, так и для большинства технологически отсталых стран. Это высокие барьеры входа в рынок, значительные транзакционные издержки, а также низкое качество конкурентной среды, приводящее к картельному сговору и ценовому диктату. К ним же относятся недопустимо высокий уровень коррупции, чрезмерный разрыв в доходах населения, только формальная многопартийность политической системы и т.п.

Логический анализ возможностей стран с несовершенной технологической и институциональной средой заставляет сделать вывод, что у них в принципе не должно быть шанса выйти на уровень передовых. И действительно, 1% роста ВВП США равен, по разным оценкам, от 4 до 8% прироста благосостояния одного жителя в России и не менее 10–15% прироста благосостояния одного жителя в Китае. Даже при самых радикальных представлениях о возможных темпах развития этих стран арифметика заставляет сделать вывод о непреодолимости чрезмерно большого экономического отставания. И действительно, практический опыт XX века демонстрирует, что существует тенденция увеличения разрыва в благосостоянии между передовыми и отстающими странами¹.

Возникает нетривиальная задача: обосновать способ развития экономики отстающей страны, позволяющей ей войти в группу мировых технологических лидеров.

2.2. Опора на принцип провокации положительных тенденций

Принципиально новый взгляд на возможности экономической теории и практические методы воздействия на экономические процессы возникает, если считать, что базовым свойством макроэкономических систем является двойственность (дуализм) и разнонаправленность их реакции на любые изменения внутренних характеристик. Речь идет о реакции производителей на рост или падение спроса, предложения, налогов, тарифов, ставки кредита, таможенных барьеров, предпочтений и т.п. в виде увеличения или уменьшения цены продаж.

Внутренней причиной появления такого свойства экономической системы можно считать наличие двух противоположных путей увеличения дохода любого активного агента (индивидуального или коллективного производителя), действующего в ней. Первый — это значительное повышение объемов продаж при некотором снижении цены на единицу продукции. Второй — значительный рост цен при некотором снижении объемов продаж. Себестоимость выпуска единицы продукции, как правило, должна снижаться в первом случае и расти во втором².

¹ 2007 World Development Indicators. Расчеты экономистов World Bank; Kevin Watkins, "Making Globalization Work for the Poor" Finance and Development March 2002, Volume 39, Number 1, pp. 24–28. <http://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2002/03/watkins.htm>

² Юсим В., Дворцин М., Алперин С. Закон роста экономически обоснованных объемов выпуска // Экономический анализ: теория и практика. № 8. 2005. С. 16–27

И первый, и второй путь на практике связаны с тенденцией монополизации или олигополизации рынка. Это само по себе следует относить к типовым и, следовательно, нормальным явлениям. Но первый путь ведет к системному повышению эффективности экономики, так как обеспечивает рост потребления материальных благ и услуг за счет роста производительности участников экономического обмена. Второй путь ухудшает текущую эффективность экономической системы, делая продукцию одних участников более дорогой и, следовательно, менее доступной, чем продукция других. Второй путь более прост и очевиден, так как реализуется при обычном сговоре продавцов или обеспечении административных преференций в пользу одних участников рынка за счет других. Поэтому, с позиции интересов общества в целом, возникает необходимость такого регулирования экономической системы, при котором гасится одна тенденция и поддерживается другая.

Как представляется, двойственность реакции экономической системы на любое косвенное управляющее воздействие (регулирование) возникает всегда. Поясним на примерах эту идею. По мысли Кейнса³, если увеличить спрос, увеличатся заказы производителям от продавцов, это вызовет увеличение объемов выпуска, следствием роста выпуска будет рост занятости, а следствием роста занятости будет рост спроса. Круг замкнулся. Образовалась спираль развития.

Ровно по этой схеме США выходили из Великой депрессии 1930-х годов. Но затем этот подход многократно не сработал в других странах. Неверна теоретическая схема? Монетаристы говорят: не верна. Если вырастет спрос, вырастут цены без всякого роста производства и... дальше ничего хорошего не будет.

Практика демонстрирует правоту (и, соответственно, неправоту) как тех, так и других. Но тенденция тотального роста выпуска и снижения цен может быть реализована во всех случаях, если создать условия, при которых рост спроса изначально приведет к росту объемов выпуска и снижению цен у всех производителей. Например, в условиях тотальной конкуренции все производители с более высокими ценами вынуждены будут их снизить или уйти с рынка. То есть, надо сделать так, чтобы цены достаточно значимой части производителей стали меньше, чем у другой.

Другой пример. Вводятся повышенные таможенные пошлины на импортную продукцию. Их сторонники справедливо утверждают, что без них национальное производство может быть задушено более дешевыми и качественными товарами иностранных высокотехнологичных производителей. Противники этих мер столь же справедливо утверждают, что в отсутствие серьезной внешней конкуренции национальная промышленность не будет развиваться, а помехи в международном разделении труда приведут к потерям для всех стран. Следовательно, система мер по протекционизму требует обязательного введения другой системы мер, при которой протекционизм не смог бы стать причиной застоя и потери конкурентоспособности национального производителя.

Еще пример. Высокий или низкий курс национальной валюты лучше для экономики? Хорошо известны весомые аргументы «за» и не менее весомые «против». На практике оказывается, что практически любые, в том числе и подтвердившие в ряде случаев свою эффективность решения могут приводить к двум противоположным результатам.

Например, общепризнанно, что конкуренция – важнейший положительный фактор рыночной экономики – возникает при значительном числе участников рынка. То есть, наилучшие условия экономического развития должны создаваться в среде большого числа малых и средних предприятий. Вместе с тем исторические исследования развития экономики таких авторитетных авторов, как Ф. Бродель⁴ или Д. Норд⁵, фундаментальные исследования технического прогресса Й. Шумпетера⁶, мнения о новейших тенденциях в экономической системе⁷ говорят обратное. Основные капиталы, львиную долю технического прогресса, научные

³ Кейнс Дж.М. Избранные произведения. Общая теория занятости, процента и денег М.: Экономика. 1993.

⁴ Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск: Полиграмма, 1993. 189 с. С. 58.

⁵ Норд Д. Институты, институциональные изменения функционирования экономики. М.: 1997. 209 с. С.99.

⁶ Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо, 2007 г.

⁷ Журавлева Г. Экономика и неадекватность традиционной рыночной идеологии условиям глобализации// Материалы международных научно-практических конференций, проходивших в РЭА им. Г.В. Плеханова 16 декабря 2008 г. и 21–22 апреля 2009 г. М.: ГОУ ВПО «РЭА им. Г.В. Плеханова», 2009. 556 с.

исследования и приоритет страны в политической, военной и торговой сферах обеспечивают крупнейшие корпорации, работающие в условиях монополистических, в крайнем случае олигополистических, рынков. А доля рынка товаров и услуг (по объему продаж) в развитых странах, который можно отнести, даже условно, к конкурентному, мала по отношению к олигополистическому и монополистическому. Следовательно, максимальный с позиции общества эффект может быть получен только за счет общепризнанно «порочного» пути монополизации.

Что же на практике следует из свойства макроэкономической системы генерировать две противоположные тенденции на любое воздействие? На первый взгляд может показаться, что система, обладающая таким свойством, теоретически не предсказуема и практически не управляема. Для такой системы будет справедлив радикальный вывод Д. Сороса⁸ (который он, правда, впоследствии, хотя и частично, но пересмотрел) о том, что поведение экономических систем принципиально не предсказуемо. На них не будет распространяться «доктрина единства науки» Карла Поппера. То есть, в экономике не будет выполняться необходимое, по мнению многих, и в том числе Дж. Сороса, требование, чтобы были «одни и те же методы применимы как в естественных, так и общественных науках»⁹. Для таких систем становится некорректным оптимизм М. Фридмана, считающего, что «Позитивная экономическая теория есть или может быть объективной наукой в том же самом смысле, что и любая естественная наука». Для таких систем «кризис экономической теории», в смысле ее несостоятельности в предсказании практических путей повышения эффективности экономики, должен стать явлением перманентным и непреодолимым¹⁰.

Но, как представляется, делать такие выводы было бы некорректно. Общество способно и обязано учитывать факт возникновения в экономических системах двух противоположных по знаку и примерно равных по силе тенденций. Это позволит за счет активной поддержки положительной тенденции обеспечить ее превалирующее воздействие. Такой подход должен стать важным принципом политики экономического развития. Этот принцип можно определить как принцип провокации положительных тенденций.

На практике это означает, что государство должно стать непосредственным участником рынка и своими действиями обеспечить возникновение лавины поступков независимых рыночных агентов, приводящих к движению экономики в выгодном для общества направлении. Конкретные методы его реализации рассмотрены в разделе 3.

2.3. Вектор усилий государства при поддержке инновационного развития

Технический прогресс и обеспечивающие его инновации, в конечном итоге, - единственный источник роста благосостояния человека. Так, технологии изготовления каменных ножей или распашного земледелия в свое время были не менее инновационными, чем нанотехнологии сегодня. То есть, можно считать, что тезис справедлив как для архаического (первобытнообщинного), так и для информационного или любого другого общества. Тогда понятие «инновационная экономика» должно относиться не к роли инноваций в экономике, а к роли государства в поддержании темпов их появления, то есть к его инновационной политике. В такой постановке важно обосновать вектор воздействия государства на экономику при реализации этой политики.

В экономической теории общепризнано, что совершенствование экономики как системы сводится к росту производительности труда¹¹, который и обеспечивает инновационное развитие. При этом молчаливо подразумевается, что рост производительности, в конечном итоге, приводит к увеличению покупательной способности населения. Но достаточно ли роста производительности для обеспечения роста экономики? Для ответа на поставленный воп-

⁸ Сорос Д. Алхимия финансов. М.: 1996. 420 с. С. 124.

⁹ Сорос Д. Алхимия финансов. М.: 1996. 420 с. С. 43.

¹⁰ Полтерович В.М. Кризис экономической теории// Доклад на научном семинаре Отделения экономики и ЦЭМИ РАН «Неизвестная экономика». 1997. 39 с. С. 25.

¹¹ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов: Пер. с англ. М.: Эксмо, 2007. (Антология экономической мысли). Кн. 1. Причины увеличения производительности труда и порядок, в соответствии с которым его продукт естественным образом распределяется между различными классами народа.

рос проанализируем воздействие научно-технического прогресса на ВВП страны, выражающееся в росте производительности уже действующих предприятий.

Предположим, что в промышленности страны, изолированной от внешнего мира, производительность труда резко выросла в 2 раза. Это, скорее всего, приведет к сокращению работающих в промышленности в те же 2 раза. Если затем тот же рост производительности произойдет и в других частях экономики страны, количество работающих, а с ними и совокупный спрос, уменьшатся в 2 раза. Действительно, в новой ситуации такой спрос может удовлетворить в два раза меньшее количество предприятий. Если производительность будет увеличиваться и дальше, то продолжится сокращение занятости. Это связано с тем, что предприятия, увеличивающие производительность и снижающие себестоимость, должны снизить отпускные цены и вытеснить отставших конкурентов, чтобы реализовать возросший выпуск. При этом часть населения потеряет работу и заработок. Рынок сбыта вследствие этого сократится. В пределе большинство предприятий должны остановиться, а экономика в целом сжаться.

Несмотря на всю фантастичность подобного хода развития событий, их логическая схема вполне корректна. Действительно, тенденции сокращения числа занятых и, как следствие, сужение рынка в результате воздействия фактора технического прогресса уже не раз наблюдались в экономической истории. Достаточно вспомнить борьбу луддитов с машинами в Великобритании или передачи телевидения о забастовках рабочих в связи с внедрением новейших технологий и сокращением персонала. О существовании такого эффекта говорил еще Й. Шумпетер¹². То есть, существует реальная опасность нанесения экономике ущерба при неконтролируемом потоке инноваций в производство традиционной продукции.

Вместе с тем развитие экономики, кроме роста производительности при выпуске традиционной продукции, связано с созданием принципиально новых товаров. В последнем случае возникают новые рынки, увеличивается занятость населения и повышается эффективность производства за счет высокой доли добавленной стоимости в цене. В условиях уже сложившегося разделения труда между странами именно второй тип инновационного развития позволяет выйти на мировой рынок и стать его равноправным участником.

Результат моделирования воздействия двух обозначенных типов технического прогресса (рост производительности в производстве традиционной и создание принципиально новой продукции) демонстрирует, что усилия государства по интенсификации процессов инновационного развития в промышленности должны идти одновременно по двум направлениям. Первое – создание и внедрение новых технологий, обеспечивающих снижение реальных отраслевых цен на традиционную продукцию. Второе – создание и внедрение новых технологий, обеспечивающих появление новых видов товаров и услуг.

Схема на рис. 2 иллюстрирует сделанный выше вывод. Движение по любому одному из инновационных направлений уводит его в сторону от оптимального вектора развития. Только взаимодействие и взаимовлияние двух векторов развития способно обеспечить стране максимальный экономический эффект. Это означает, что однонаправленный рост производительности может приводить, хотя и локально, к негативным последствиям.

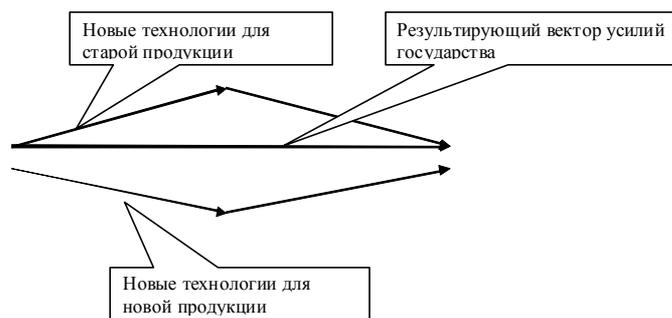

Рис. 2. Оптимальный вектор усилий государства в инновационном развитии

¹² Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия: Пер. с англ. / предисл. и общ. ред. В.С. Автономова. М.: Экономика, 1995. http://www.libertarium.ru/libertarium/lib_capsocdem

2.4. Институциональное ограничение свободы ценообразования

Ограничение свободы ценообразования в той или иной степени присутствует во всех экономически развитых странах. Достаточно вспомнить институт «справедливых цен»¹³, активно действующий в США. Использование такого института становится особенно актуальным в условиях несовершенной институциональной среды. Так же, как и в случае с формированием вектора усилий государства, смысловая нагрузка ценового ограничения тесно связана с преодолением упрощенного отношения к росту производительности труда как к единственно необходимому конечному результату инновационного развития.

Зададимся вопросом, создаст ли рост производительности труда внутри фирмы положительный общественный эффект, если он сопровождается ростом цен на продукцию? Корректный ответ отрицательный. Причем серьезное негативное воздействие на экономику роста производительности труда, не сопровождаемое снижением цен на продукцию, заставляет говорить о необходимости введения нового институционального ограничения деятельности рыночных агентов, запрещающего долгосрочное получение дополнительной прибыли от необоснованного повышения реальных цен. (Здесь под реальными ценами, по аналогии с понятием реального и номинального размера ВВП, понимаются цены, очищенные от инфляции¹⁴).

Покажем результат роста или даже сохранения неизменной производительности труда при неконтролируемом обществом росте цен на примере России. Если не учитывать внепроизводственные и внешние по отношению к экономике факторы, например, рост мировых цен на нефть, то рост покупательной способности обеспечивает только снижение реальных цен. На практике это означает, что когда фирма (отрасль) увеличивает очищенные от инфляции, то есть реальные, цены на свою продукцию, то общественный эффект ее деятельности будет отрицательным, растет ли ее производительность или нет. Это объясняется тем, что только при снижении очищенных от инфляции цен увеличивается рост покупательной способности населения.

В рамках постановки вопроса о необходимости общественного контроля или регулирования реальных отраслевых цен были рассчитаны их тренды в ряде отраслей экономики России. Расчет реальных цен проведен путем очистки текущих цен от инфляции за период с 2000 по 2008 год с использованием официальных значений дефлятора ВВП. Причем следует учесть, что при использовании дефлятора получается смягченная оценка роста цен, так как его значения, в большинстве случаев, больше, чем у индекса инфляции (потребительских цен), см. табл. 1.

Таблица 1

Дефлятор ВВП и индексы цен в России с 2000 по 2008 гг.

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Дефлятор ВВП	1,400	1,165	1,155	1,139	1,201	1,192	1,155	1,139	1,198
Индекс цен производителей	1,319	1,083	1,177	1,125	1,288	1,134	1,104	1,251	0,930
Индекс инфляции (потребительских цен)	1,202	1,186	1,151	1,12	1,117	1,109	1,09	1,119	1,133

Оказалось, что производство ряда массовых продуктов обеспечивает позитивный вклад в развитие экономики (см. рис. 3), а некоторых – явно негативный (см. рис. 4).

¹³ Справедливая цена (англ. Fair Price) – экономическая концепция, предполагающая, что в цену включены только экономически обоснованные издержки, а прибыль не превышает среднерыночную. В современном экономическом праве разных стран содержатся различные определения этой концепции, довольно схожие по смыслу. <http://ru.wikipedia.org/wiki/>

¹⁴ Реальной Ц. (real price) товара или услуги на определенный момент называется Ц., пересчитанная относительно изменения среднего уровня Ц. с момента, принятого за базовый. См.: *Лопатников Л.И.* Экономико-математический сло-варь: Словарь современной экономической науки. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Дело, 2003. 520 с. http://slovari.yandex.ru/реальная_цена/

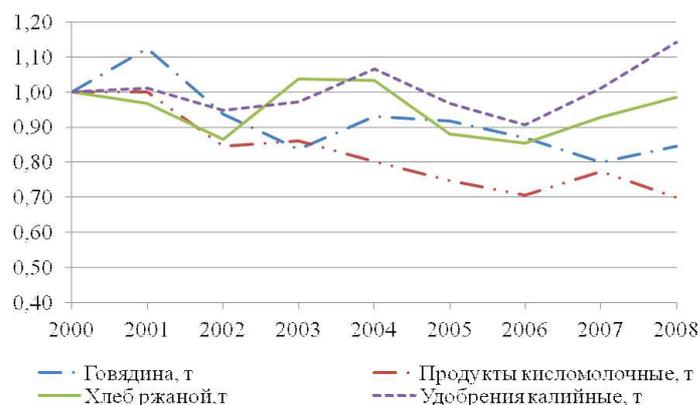

Рис. 3. Динамика цен на некоторые продукты питания и калийные удобрения

На диаграммах цен (рис. 3 и рис. 4) цены 2000 г. приняты за единицу и на оси ординат показаны их значения относительно этого года. Так, на рис. 3 видно, что цены на говядину и кисломолочные продукты на всем рассматриваемом периоде оказались ниже уровня, диктуемого инфляцией (меньше единицы, или цен 2000 г.), а на калийные удобрения, практически, оставались неизменными. Но производители железной руды, кирпича, цемента (см. рис. 4) завышали цены, причем иногда больше, чем в два раза. Очевидно, что именно эти отрасли (производители) обеспечили значительный вклад в рост инфляции в стране вне зависимости от какой-либо финансовой политики.

Получается, что при примерно одном и том же влиянии на производство налогов, цен на энергоресурсы, курса рубля и прочих факторов динамика цен на разную продукцию диаметрально противоположна.

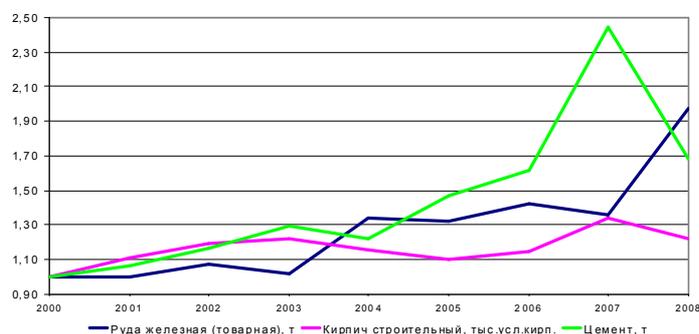

Рис. 4. Динамика очищенных от инфляции цен железной руды, кирпича, цемента

Можно ли назвать причины такого различия? Считается стандартной причиной – рост внутреннего спроса или цен на мировом рынке. Но устойчивый рост спроса в развитых экономиках, как правило, приводит к внедрению новых инновационных технологий и, следовательно, росту объемов выпуска и снижению цен. В конечном итоге, именно этот процесс обеспечивает экономическое развитие цивилизации.

При этом изменение цен на мировом рынке – вообще не фактор. В недалеком прошлом россияне были свидетелями ситуации, при которой уменьшение цены на нефть в четыре раза никак не повлияло на внутреннюю цену бензина. Характерно, что из приведенных данных следует, что цены оставались неизменными или даже снижались в отраслях, не входящих в промышленный комплекс. Отрасли же промышленного комплекса, как правило, цены завышали.

Отсюда следует вывод: первая и главная причина неоправданного роста цен – это несовершенство институциональной среды, допускающей ситуацию, при которой одни производители выигрывают за счет других и населения в целом.

Оговоримся, рост цен на отдельные виды продукции далеко не всегда негативен с позиции общества. Он может быть связан с сигналом рынка о недостатке этой продукции, росте

цен в смежных отраслях, улучшении потребительского качества продукции. Вместе с тем, очевидно, что производители, отрасли и подотрасли в зависимости от динамики своих реальных цен требуют различных корректирующих воздействий государства. То есть, приведенные данные демонстрируют, что очищенные от инфляции цены подсказывают как направления государственной политики, так и являются показателем ее эффективности или допустимости ее отсутствия. В любом случае, существенной особенностью политики мирового промышленного лидерства должно стать институциональное ограничение свободы ценообразования с целью безусловного обеспечения падающей динамики подавляющего большинства реальных отраслевых цен.

2.5. Два этапа развития

С позиции указанных выше ограничений развития, формируемых отсталой технологической средой, сделать «...рывок в повышении глобальной конкурентоспособности экономики на основе ее перехода на новую технологическую базу», как предлагается в «Концепции 2020», не представляется возможным. С другой стороны, выше обоснованный вывод о том, что в отсталой технологической среде не могут развиваться передовые технологии, в ряде случаев не стыкуется с практическим опытом. Всем известны результаты технологического и экономического развития Японии, Южной Кореи, Сингапура. Менее известен, но от этого не менее значим, негативный опыт этих же и других стран по передаче своих новейших технологий. Практически всегда попытки внедрения передовых технологий в несовершенную технологическую среду заканчивались неудачей.

Внимательное рассмотрение опыта Японии приводит к парадоксальному выводу. Действительно, известно, что технически отсталая и нищая послевоенная Япония (1945 г.) получила от США только продовольственные товары, но не финансовую помощь¹⁵. При этом (как все считают) страна имела возможность закупать новейшие технологии и даже их совершенствовать. Но это не реально. Парадокс разрешает *двухэтапная модель политики промышленного развития страны*¹⁶. Можно утверждать, что широкие исследования феномена ускоренного развития вышеназванных стран не выявили роль одного из самых главных факторов их успеха. Речь идет о схеме экономико-технологического развития¹⁷, позволившей преодолеть технологическую отсталость, имевшую место в начальный период их становления.

В рамках этой политики на первом этапе все три государства использовали прямое регулирование рыночных цен, массированное кредитование государством частных банков, поддержку развития промышленности по заниженной процентной ставке, гарантии государства по возврату кредитов, выстраивание эффективной инфраструктуры экономики. Причем, «эти методы не подменяли рыночный механизм, а поддерживали, дополняли и корректировали его функционирование»¹⁸.

Наши расчеты показывают¹⁹, что разрыв в качестве технологий Японии и США в 1952 году, когда Япония действительно начала активно заимствовать передовые технологии, меньше, чем разрыв в качестве технологий России и США в 2007 году (до кризиса). То есть, *для России жизненно необходим этап внутреннего совершенствования технологической и институциональной среды*. Особенности управления экономико-технологическим развитием, преимущественно в рамках первого этапа, рассмотрены в разделе 3 статьи.

¹⁵ Источник: <http://www.ereport.ru/articles/weconomy/japan.htm> «С сентября 1945 г. по 1951 г. по линии фондов GARI ОА и EROA в Японию поступило товаров на сумму 1,8 млрд. долларов».

¹⁶ Афанасьева М.В., д.э.н. Юсим В.Н. Двухфазная модель макроэкономического развития. // Материалы международных научно-практических конференций, проходивших в РЭА им. Г.В. Плеханова 16 декабря 2008 г. и 21–22 апреля 2009 г.

¹⁷ Афанасьева М.В. Двухэтапная модель макроэкономического развития. Проблемы экономики. 2009. № 8

¹⁸ Никитин С.М., Степанова М.П. Японский опыт возрождения и современная Россия // Деньги и кредит. 1992. №8. – с.8,11,12.

¹⁹ Афанасьева М.В., Степанова Ю.А., д.э.н. Юсим В.Н. Экономический уровень технологии – показатель качества социально-экономических систем". Креативная экономика. 2009 г. № 9.

3. Методы управления экономико-технологическим развитием в условиях несовершенной технологической и институциональной среды

3.1. Немонетарные методы управления инфляцией

Сегодня в экономике России признаются главными две проблемы: инфляция и низкие темпы технологического (инновационного) развития. Выше обоснованные особенности политики управления развитием создают предпосылки для их решения. Но главным условием преодоления фундаментальных проблем развития становится использование государством принципиально новых методов воздействия на рыночную среду экономики.

Начнем с *проблемы инфляции*. В статье А. Кудрина²⁰ о причинах мирового кризиса, вышедшей в январе 2009 года, инфляции уделено большое внимание. По его мнению, к инфляции в России привела мягкая кредитно-денежная политика. Эта же политика содействовала возникновению кризиса в США, но не инфляции. Почему? Почему в США значительный дефицит бюджета, огромная масса кредитов, мощный рост стоимости ценных бумаг, в том числе деривативов, которые в определенном смысле можно считать теми же деньгами, практически, не привели к инфляции? Почему мировой кризис во всех развитых странах приводит к дефляции, а в России к инфляции?

Анализ динамики реальных отраслевых цен, фрагменты которого приведены выше, показал, что в реалиях России основная составляющая инфляции – немонетарная. Главная причина инфляции – снижение эффективности экономической системы. Причем за ростом цен обязательно стоит либо монополизация рынка, либо олигополистический сговор. И то и другое запрещено законом, но происходит в России. Почему?

На все поставленные вопросы может быть предложен один, достаточно убедительный для россиянина ответ. В любой стране предпринимателям выгодно повышать цены, незначительно снижая объемы продаж. Но институциональная среда в одних случаях позволяет им это делать (например, в России), а в других – нет (например, в США). Подчеркнем, речь не идет о борьбе с собственно инфляцией. Инфляция, как показывает практика, может в достаточно широких пределах сосуществовать с развитием. То есть, инфляция рассматривается здесь только как индикатор возможного, подчеркнем, не обязательного, но возможного существования негативных процессов, приводящих к деградации экономики.

Необоснованному росту реальных цен (негативной инфляции) или их неснижению можно противостоять, используя чисто рыночные механизмы государственного (читай – общественного) воздействия. Чтобы сместить реакцию рынка, формирующую рост цен и негативное отношение к техническому прогрессу, необходимо ввести или (с учетом рефлексивных реакций участников рынка) даже только обозначить присутствие на рынке агентов, взявших курс на снижение цены. В этом случае всем предпринимателям становится понятно, что фирмы с завышенными ценами лишатся потребителей и станут банкротами. Срабатывает естественный рефлекс выживания и возникает рефлексивный самоусиливающийся процесс снижения цен.

Предлагается четыре «рычага», обеспечивающих появление таких процессов. *Первый рычаг* – создание в промышленных отраслях фирм – ценовых пионеров. Это могут быть любые фирмы, которые в обмен на преференции государства и под его защитой будут снижать цены при росте объемов продаж и, как следствие, некотором снижении или даже повышении собственной прибыли.

Второй рычаг – формирование условий для появления эффективных межотраслевых цепочек создания добавленной стоимости (аналогичных рассматриваемым М. Портером²¹) при производстве базовых отраслевых продуктов. Эта задача решается с помощью особой формы возмездного временного секвестрования государством части производственных и иных мощностей и формирования на их основе частных и частно-государственных фирм повышенной эффективности.

Здесь следует оговориться. Слово секвестрование пугает, и не напрасно, особенно людей, знакомых с результатами его применения, в частности в СССР. С изъятием собственнос-

²⁰ Кудрин А. Мировой финансовый кризис и его влияние на Россию. Вопросы экономики. 2009. №1.

²¹ Портер М. Международная конкуренция. М.: Междунар. отношения, 1993.

ти связаны самые чудовищные преступления против человека и провалы в развитии экономики. Вместе с тем, все серьезные экономисты мира, в том числе и в США, констатируют, что роль Государства в экономике неуклонно возрастает. Экономике всего мира спасло от разрушительных последствий кризиса 2008 года вмешательство Государства. В США оказались, фактически, национализированными крупнейшие компании. Деньги «из воздуха», впрыснутые в экономику Государством в немыслимых ранее размерах, оказались благом и даже не привели к инфляции (США, Западная Европа). Оказывается, что беда не во вмешательстве государства вообще, а в дурном вмешательстве. Сегодня есть предельно негативный опыт прямого участия Государства в экономических процессах и есть однозначный вывод, что без введения Государством корректных «правил игры» нельзя обеспечить общественного процветания. Речь идет о последнем.

Третий рычаг, обоснование которого рассмотрено выше, – введение санкций за неоправданное завышение цен.

Четвертый рычаг – регулирование внутренних цен на системообразующую продукцию промышленности (энергетика, транспорт, связь). Например, о какой конкуренции на мировом рынке может идти речь, если в России цена на основной энергоноситель – бензин – выше, чем в США (на июль 2010 г.). При том, что США покупает львиную долю нефти по мировым ценам, а Россия на 100% обеспечивает себя сама. Регулирование следует осуществлять примерно так, как это делала Япония на начальном этапе своего индустриального развития. Причем, стоит подчеркнуть. Этот метод воздействия на цены, многократно предлагавшийся аналитикам, сам по себе, в условиях институциональной среды низкого качества ни к чему хорошему не приведет. Просто доходы перераспределятся от одних собственников и государства к другим. Метод будет эффективен только в рамках предлагаемой системы мер.

3.2. Метод интенсификации инновационных процессов

Вторая обозначенная выше проблема промышленной политики – это проблема инноваций, создающих новые технологии. Подчеркнем, речь не идет об отверточных или финансовых технологиях. Главные причины низких темпов роста отечественных инноваций в промышленности России – это, как уже утверждалось выше, несовершенная технологическая и институциональная среда. Причем, помимо общего негативного влияния плохой институциональной среды, особую роль, внутри нее, играет недостаток институтов развития. В настоящее время (2011 г.) в России только начали за счет усилий государства формироваться такие институты. Инвестиционные фонды, технопарки, бизнес-инкубаторы и т.п. Фактически они еще не смогли выполнить свою функцию, но это, несомненно, важное и новое для России явление.

Даже небольшой срок работы инвестиционных фондов показал, что следует дополнить изначально построенный федеральный уровень поддержки инноваций (проекты не менее 5 млрд. руб.) региональным (проекты не менее 1 млрд. руб.). Вместе с тем пирамида инновационных проектов зависла в воздухе. Ее основание – множество мелких и самых перспективных проектов остались вне сферы действия институтов развития.

В неразвитой институциональной среде основу поддержки таких проектов должен обеспечить институт, специально созданный государством. Практически, речь должна идти о создании института профессиональных участников сферы инновационного развития. Таких, как риэлторы в сфере оборота жилья, коллекторы в сфере упорядочивания долговых обязательств, профессиональные инвесторы в финансовой сфере. Их основой должны стать частные и частно-государственные коммерческие структуры с частичным государственным финансированием и отраслевые банки развития. Задачей этого института будет осуществление тех необходимых экономической системе функций, которые возникли в экономике США в конце XIX века, а в Японии в середине XX. Нет сомнений, что внедрение в практику такого института – очень непростая задача. Но, используя принцип провокации положительных тенденций и механизм преодоления «ножниц» между большими рисками и малыми вложениями на начальном этапе инновационного процесса, а также «ножниц» между малыми рисками и большими вложениями на конечном этапе этого же процесса, задача может быть решена.

Внедрение новых методов воздействия на рыночную среду экономики – необходимое условие развития, непосредственно связанное с задачей преодоления сопротивления несовершенной технологической среды.

3.3. Метод прямого управления экономико-технологическим развитием

При всей значимости рассмотренных мер следует понимать, что они необходимы, но недостаточны для обеспечения высоких темпов развития промышленности современной страны^{22,23}. Для России задача обеспечения высоких темпов развития экономики за счет ее внесырьевых элементов стала настолько актуальной, что ее вынужден был поставить в конце своего президентского срока В. Путин. Сегодня можно констатировать, что ранее использовавшиеся для ее решения подходы не дали положительного результата. К сожалению, и выдвинутый сегодня лозунг инновационного развития, прекрасный сам по себе, на принципиальном уровне обоснован только наблюдением «а вот у них...».

Вместе с тем сегодня при решении задачи обеспечения технологического и экономического развития страны есть возможность опереться на закономерности возникновения и развития фирм^{24,25}. Их использование позволяет перейти от эмпирического или экспертного подхода к обоснованию стратегии развития к подходу, базирующемуся на сочетании опыта и законов развития всего комплекса фирм страны. Как было доказано, законы развития отдельных фирм, а затем и их комплексов обусловлены тенденцией к смене или чередованию экономико-технологической структуры любой фирмы в процессе ее развития.

Приближенное, но достаточно информативное представление об этом понятии могут дать общепризнанные представления о вертикальной и горизонтальной интеграции. Смысл вертикальной интеграции сводится к «взаимодействию предприятий, связанных общим участием в производстве, продаже, потреблении единого конечного продукта»²⁶, а горизонтальной – к «объединению предприятий,... выпускающих однородную продукцию и применяющих сходные технологии»²⁷. Если представить принципиальную структуру вертикально интегрированной фирмы, то она всегда будет отнесена к последовательному типу систем (см. рис. 5А). Структуру же горизонтально интегрированной фирмы всегда придется отнести к параллельному типу (см. рис. 5Б).

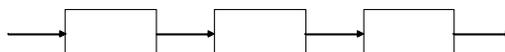

Рис. 5А. Последовательная структура

Практические наблюдения выявили в развитых экономиках тенденции движения то к горизонтальной, то к вертикальной интеграции. В отсутствие теории эти наблюдения, при всей своей значимости, по сути, оказались фрагментарными и бессвязными.

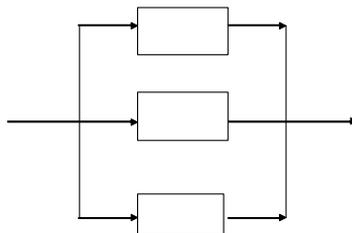

Рис. 5Б. Параллельная структура

²² Юсим В. Н., Колоколов В.А., Денисов И.В. Управление макроэкономическим развитием в условиях несовершенной технологической и институциональной среды. // Экономический анализ: теория и практика. 2010. 35(200). 0,8 п.л.

²³ Юсим В. Н., Колоколов В.А., Кулапов М.Н., Денисов И.В. О системе прямого управления макроэкономическим развитием // Экономист М., 2010. № 12. 0,9 п.л.

²⁴ Денисов И. Теория экономико-технологического развития фирм / И.В. Денисов. Монография М.: Издательство «Гриф и К», 2008 г. 15,5 п.л.

²⁵ Юсим В., Колоколов В., Денисов И. Россия на пути к новой экономике. Монография. М.: РЭА им. Г.В. Плеханова, 2006. С. 177–206.

²⁶ Современный экономический словарь. <http://www.infa-m.ru>.

²⁷ Там же.

Исследователи говорили о соответствующих текущему периоду типах интеграции в полном соответствии с притчей о слепцах, каждый из которых создал свое представление о слоне, ощупывая либо его ноги, либо хвост, либо хобот. Вместе с тем, работая в терминологии «последовательная и параллельная экономико-технологическая структура фирмы», можно понять, что выявленные типы интеграции были всегда. Самые первые профессиональные субъекты рыночной экономики — ремесленники вынужденно выстраивали свое производство по последовательному типу в соответствии с технологическим процессом. Затем на смену ремесленникам пришли цеха ремесленников — прообраз сегодняшней горизонтальной интеграции контрактного типа, системы явно параллельной. Их вытеснили практически повсеместно мануфактуры — системы явно последовательные по связи своих производственных элементов. И так далее, развитие шло и идет в наше время в точном соответствии с законами философии, когда его бесконечность достигается за счет перехода количества в качество. В экономике это выливается в закон чередования последовательной и параллельной экономико-технологической структуры фирмы по мере ее развития.

С ним связано возникновение объективных закономерностей роста объемов выпуска фирмы, роста производительности, снижения количества фирм по мере их совершенствования и т.п. Вместе с тем обширный опыт и масса информации о функционировании достаточно сложной и плохо, на сегодня, описанной системы, называемой экономикой, позволяет как профессиональным экономистам, так и эрудированным практикам сделать экспертное заключение о корректности результирующих выводов. Эти выводы базируются на представлении, что все фирмы единого экономического пространства (выделенного по тем или иным ограничениям) можно разделить на кластеры, или классы, по уровню своего развития. Каждый класс фирм будет характеризоваться своей экономико-технологической структурой, диапазоном производительности и выпуска. В свою очередь, разделенные по классам фирмы можно представить в виде экономико-технологического комплекса фирм, сокращенно ЭТКФ.

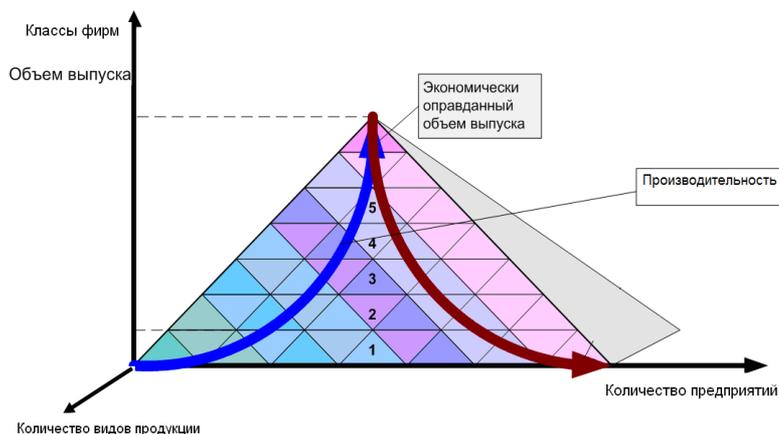

Рис. 6. Эволюционная модель экономико-технологического комплекса фирм и закономерности его развития

ЭТКФ — это структурно детерминированная и закономерно развивающаяся совокупность экономических организаций в рамках единого экономического пространства. Емкими образами, позволяющими зрительно представить ЭТКФ, могут быть его эволюционная и территориальная модели. Эволюционная модель ЭТКФ (см. рис. 6) представляет собой пирамиду, выстроенную по классам, объединяющим фирмы одного уровня развития. При переходе от класса к классу меняются экономико-технологическая структура фирм, объемы выпуска, производительность и другие характеристики. Качество (уровень) ЭТКФ определяется количеством полностью сформировавшихся классов фирм. Формирование каждого нового класса фирм, по практике двух предыдущих столетий, приводит примерно к учетверению размера ВВП.

Оценка уровня развития фирм России и США заставляет считать, что в ЭТКФ в России полностью сформировался пятый класс фирм, а в ЭТКФ США седьмой (см. рис. 7). В том и

другом ЭТКФ идут процессы, приводящие к созданию фирм следующих классов развития. Но так как о них никто не знает, процессы идут вслепую, методом проб и ошибок. Государство в лучшем случае им не мешает, но точно не помогает.

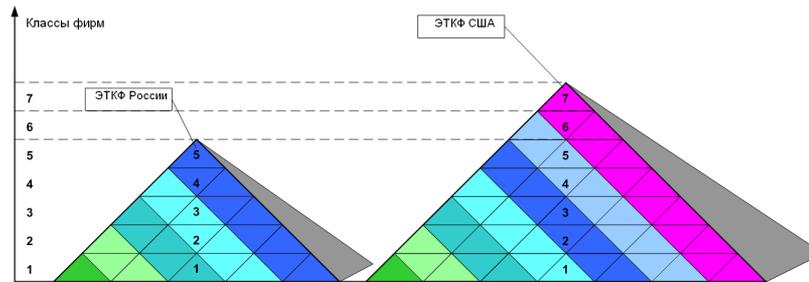

Рис. 7. Полные уровни экономико-технологических комплексов России и США

Например, в России проявляется стремление создать фирмы седьмого класса, не имея опоры в виде целого класса фирм шестого уровня. Естественно, ни к чему хорошему это привести не может.

Эволюционная модель ЭТКФ позволяет задать текущий стратегический ориентир политики промышленного инновационного развития. Управление развитием в рамках промышленной политики должно характеризоваться тремя принципиальными особенностями.

- ✓ Адресная политика развития;
- ✓ Высокая вариативность методов воздействия на экономику;
- ✓ Формализация решений политики развития.

Адресом фирмы является ее класс (уровень пирамиды ЭТКФ, на котором находится фирма) (см. рис. 7). В зависимости от класса фирмы формируются целевые установки политики развития и средства их достижения. Вариативность методов воздействия на экономику обусловлена множественностью условий, в которых существуют фирмы. В настоящее время в России политика развития должна различать 6 различных уровней фирм (шестой класс фирм только начал формироваться). Пять типов рынков²⁸, два типа продукции, производимой фирмами (традиционную и инновационную) и два типа продаж (на внутреннем и внешнем рынках). Всего $8 \times 5 \times 2 \times 2 = 160$ возможных вариантов. На практике остается от 80 до 100 не повторяющихся специфических видов деятельности фирм и, следовательно, столько же вариантов государственной политики поддержки их развития.

Следствием понимания, какой из множества вариантов политики развития будет наиболее эффективен в каждом конкретном случае, становится возможность формализации решений государственных органов, осуществляющих такую политику. Это означает резкое снижение и изменение роли человека (чиновника) в принятии решений. То есть, именно то, что требуется в условиях несовершенной институциональной среды, да и соответствует общей тенденции управления сложными системами в условиях лавинообразного роста информации.

3.4. Метод регионального обеспечения политики инновационного развития

Важным элементом промышленной политики развития ЭТКФ должна стать особая региональная политика инновационного развития. Она формируется на основе следующих соображений. В процессе развития цивилизации внутри любой территории естественно формируется так называемая экономико-технологическая структура региона²⁹. Ее характеризует наличие трех зон (см. рис. 8), различающихся по концентрации ресурсов (финансовых, интеллектуальных, технологических). Это зона надкритической концентрации ресурсов, обеспечивающая саморазвитие (зона центра), зона высокой концентрации ресурсов, способная

²⁸ Денисов И.В. Теория экономико-технологического развития фирм. М.: «Гриф и К», 2008.

²⁹ Юсим В.Н., Дворцин М.Д., Денисов И.В., Белявский В.А. Основы теории экономико-технологических комплексов (тезисы). М.: Издательский дом «Финансы и Кредит», 2005.

воспринять привнесенное извне развитие (зона полупериферии), и зона низкой концентрации ресурсов, неспособная самостоятельно воспринимать развитие (зона периферии).

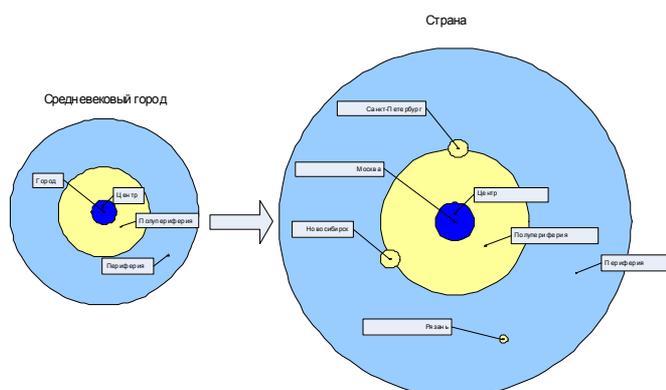
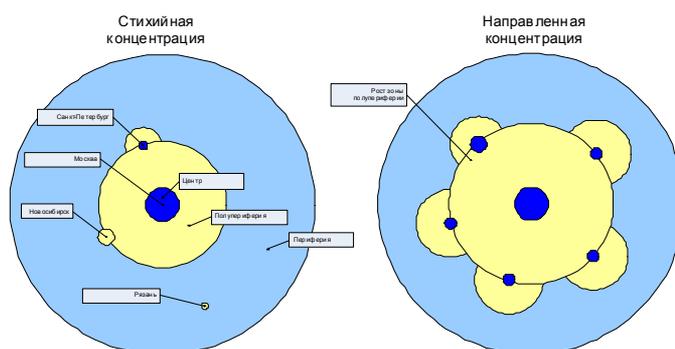

Рис. 8. Гелиоцентрическая модель ЭТКФ

Старейший пример центра экономико-технологической структуры региона – это античный город³⁰. Ближайшая к нему территория – полупериферия. Остальная территория – периферия. Еще сто лет назад экономико-технологическая структура античного города-государства мало отличалась от региональной структуры европейской страны.

Так, современная Россия почти копирует экономико-технологическую структуру региона, соответствующую античному периоду. Но сегодня ситуация кардинально изменилась. Карта расположения крупнейших корпораций в США, Японии, ЕС и других развитых регионах выглядит совершенно иначе. Эти страны эмпирически вышли на другую экономико-технологическую структуру региона. Ее характеризует распределенная концентрация ресурсов. Только такая структура регионального промышленного производства способна обеспечить процесс эффективного саморазвития в условиях высокой связанности технологической среды, о которой шла речь выше. Таким образом, для всех отстающих стран формируется принципиальная особенность региональной промышленной политики. Ее воздействие должно обеспечить переход от моноконцентрации к распределенной концентрации фирм промышленных отраслей по территории страны (см. рис. 9). Но в этом случае, как и в большинстве других ситуаций, характеризующих состояние сложных систем, механическое копирование не дает результата. Необходимо обеспечить особую концентрацию ресурсов. Она должна быть направлена на создание производящих систем высших уровней ЭТКФ в конкретных региональных центрах. Другими словами, ядрами развития в современных реалиях России должны стать крупнейшие промышленные корпорации шестого класса. И более того, таких центров должно быть много, они призваны охватывать большинство типов отраслевого производства товаров и услуг (см. рис. 9 Б).

А. Моноконцентрация ресурсов. Б. Распределенная концентрация ресурсов.

Рис. 9. Два типа региональной экономико-технологической структуры производства

³⁰ Бродель Ф. Динамика капитализма: Пер. с фр. Смоленск: Полиграмма, 1993.

Как такой подход корреспондируется с эффектом Кремниевой долины в США или надеждами на эффект от создания «Центра инновационного развития Сколково»? Вне сомнения, создание высокой концентрации среды профессионалов, взаимодополняющих и взаимодействующих друг с другом в своих направлениях исследований, – беспроблемный прием. Но инновационный эффект Кремниевой долины и всех подобных начинаний теснейшим образом связан с уровнем технологической среды. В США инновационный эффект огромен, а в Китае, при всех его экономических достижениях в специальных привилегированных зонах, инновационных прорывов не наблюдается. Более того, автомашины действительно национального производства, а не отверточной сборки, приходящие из Китая в Россию, свидетельствуют, что пока технологическая среда Китая не соответствует мировому уровню.

К сожалению, если к моменту начала полномасштабной деятельности «Сколково» не удастся осуществить первый этап совершенствования технологической и институциональной среды России, этот центр ждет та же участь, что и АвтоВАЗ – вне сомнения, положительное влияние на всю инновационную среду страны, но полное разочарование в конечном результате.

Заключение

Теоретическое осмысление и обобщение исторического опыта развития технологически передовых стран мира позволяет утверждать, что в реалиях сегодняшней России для преодоления технологического и экономического отставания необходимо использовать специальную технологию ее реализации. Эту технологию характеризуют следующие особенности.

1. России жизненно необходимо использование двухэтапной промышленной политики развития. На первом этапе следует обеспечить совершенствование внутренней технологической и институциональной среды. На втором – наращивание уровня экономико-технологического комплекса страны.

2. Необоснованному росту цен внутри страны (негативной инфляции) следует противопоставить рыночные механизмы государственного воздействия: создание фирм – ценовых пионеров; формирование эффективных межотраслевых цепочек создания добавленной стоимости; регулирование внутренних цен на системообразующую продукцию промышленности; введение санкций за неоправданное завышение цен.

3. Интенсификация процессов инновационного развития в промышленности должна идти одновременно по двум направлениям. Первое – стимулирование внедрения новых технологий в производстве традиционной продукции, обеспечивающих снижение издержек в расчете на единицу продукции. Второе – создание и внедрение новых технологий, обеспечивающих появление новых видов товаров и услуг.

4. Наращивание темпов роста отечественных инноваций, сдерживаемых несовершенством ее технологической и институциональной среды, помимо общего роста качества экономико-технологического комплекса страны, может быть обеспечено с помощью института профессиональных участников сферы инновационного развития.

5. Региональная политика инновационного развития должна обеспечить особую концентрацию ресурсов, связанную с созданием производственных систем высших уровней развития, достигнутых в национальном экономико-технологическом комплексе фирм (ЭТКФ). Их ядром в современных реалиях России должны стать крупнейшие промышленные корпорации шестого класса.

6. Управление развитием в рамках промышленной политики должно характеризоваться тремя принципиальными особенностями: конкретным адресом рекомендаций; высокой вариативностью методов воздействия на экономику; уровнем обоснования политики развития, позволяющим перейти на высоко формализованные, практически не зависящие от человека решения.

7. Следует ввести институциональное ограничение деятельности рыночных агентов, запрещающее получение дополнительной прибыли от необоснованного повышения очищенных от инфляции цен.

Литература

1. Дворцин М.Д., Юсим В.Н. Технодинамика: Основы теории формирования и развития технологических систем. Монография. М. «Дикси», 1993.
2. Денисов И. Монополизм как движущая сила развития фирмы и его ограничение // Экономический анализ. 2008. № 19.
3. Денисов И.В. Теория экономико-технологического развития фирм. М.: «Гриф и К», 2008.
4. Кудрин А. Мировой финансовый кризис и его влияние на Россию // Вопросы экономики. 2009. № 1.
5. Львов Д.С. Перспективы долгосрочного социально-экономического развития России: Доклад, прочитанный в Президиуме РАН. 2003. Т. 73. № 8. С. 675–697.
6. Никитин С.М., Степанова М.П. Японский опыт возрождения и современная Россия // Деньги и кредит. 1992. № 8.
7. Понять Америку. Вестник McKinsey № 3(5). 2003. http://www.mckinsey.com/russianquarterly/articles/issue05/01_0303.aspx.
8. Юсим В. Первопричина мировых кризисов // Вопросы экономики. 2009. № 1.
9. Юсим В., Колоколов В. Россия на пути к новой экономике: монография. М.: Изд-во РЭА им. Г.В. Плеханова, 2006.
10. Юсим В.Н. Закон роста экономически обоснованных объемов выпуска продукции // Экономический анализ: теория и практика. 2005. № 7,8.
11. The World Factbook 2009. Washington, DC: Central Intelligence Agency, 2009. <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/index.html>

БАНКОВСКИЙ СЕКТОР США В УСЛОВИЯХ МИРОВОГО ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

***Аннотация.** В статье анализируются особенности и тенденции динамики банковского сектора США в кризисный период на фоне изменения банковского законодательства последнего десятилетия XX в. Прослеживаются процессы слияния, поглощения, территориального перемещения банков и их штаб-квартир. Проводится сравнение современного кризиса с Великой депрессией 1930-х гг.*

***Ключевые слова:** финансово-экономический кризис; банковский сектор США; банковское законодательство; пробелы в финансовой системе США; территориальная дифференциация кризиса.*

С началом развернувшегося в полную силу с сентября 2008 г. финансово-экономического кризиса банковский сектор США вступил в достаточно продолжительный период функционирования в условиях пробуксовки основных экономических механизмов и роста социальной напряженности в американском обществе. Несмотря на это, банковская система США в целом продолжала выполнять свою главную конструктивную миссию — поддерживать денежную инфраструктуру хозяйственного механизма, обеспечивать расчетные связи между миллионами экономических субъектов, осуществлять рыночное перераспределение финансовых ресурсов и повышать эффективность их использования. Распространенное мнение о том, что банки принадлежат к числу главных виновников кризиса, представляется справедливым, но лишь отчасти. Как известно, банковский сектор США традиционно включает в себя депозитные финансовые учреждения — коммерческие и сберегательные банки, ссудо-сберегательные ассоциации, кредитные союзы, а также подконтрольные иностранному капиталу банковские учреждения, осуществляющие банковские операции на территории США. При этом следует иметь в виду, что, несмотря на свое название, инвестиционные банки не являются банками в традиционном смысле этого слова, то есть они не вовлечены в финансовую посредническую деятельность, предполагающую привлечение депозитов и использование средств для выдачи кредитов. В связи с этим основные механизмы кризиса сформировались не столько в кредитной сфере, сколько на рынке производных ценных бумаг с его хедж-фондами и другими специализированными структурами. Однако, следует отметить, что с принятием в 1999 г. Закона о модернизации финансовых услуг (Закон Грамма—Лича—Блили), банки стали совмещать кредитно-депозитную деятельность с элементами инвестиционного бизнеса, в результате чего и возникли перекосы и сбои в функционировании кредитной системы: возникновение пресловутого финансового «пузыря», рискованные операции с ненадежными ипотечными кредитами (subprime mortgages), неоправданно рискованные вложения средств и спекуляции с ценными бумагами. Однако, несмотря на все это, и главное, несмотря на лавинообразную волну банкротств в банковской сфере, в территориальной организации банковского сектора по сравнению с докризисным периодом¹ не было отмечено каких-либо трансформаций принципиального характера.

Основным результатом либеральных реформ банковского законодательства последнего десятилетия XX в. (Закон об эффективности междуштатных банков и филиалов (Закон Ригла—Нила 1994 г.) стало формирование такой территориальной структуры банковского сектора США, в которой главным элементом является междуштатная банковская сеть, а ведущую роль играют крупные банковские холдинговые компании. Этой докризисной территориальной структуре, как и прежде (в период до 1994 г.), были свойственны определенные диспропорции масштабов банковской деятельности различных штатов, однако именно в тот период, который мы условились называть докризисным, в этих диспропорциях произошли значительные сдвиги: штаты, традиционно лидировавшие по объему активов расположенных на

¹ В рамках данной статьи автором условно выделяется докризисный период, ограниченный следующими датами — 1994—2007 гг. Именно в этот период произошли основные сдвиги в территориальной структуре банковского сектора США в результате принятия в 1994 г. Закона Ригла—Нила.

их территории банковских учреждений, были вытеснены со своих рейтинговых позиций новыми лидерами, появившимися в эти годы в результате возникновения новых крупных очагов банковской активности. Это такие штаты, как Северная Каролина, Огайо, Невада, Южная Дакота и Делавэр. В этих штатах объем активов банковских учреждений нарастал, вызывая все большую диспропорциональность всей территориальной структуры банковского сектора США. Это подтверждается и при анализе среднеквадратического отклонения, который на протяжении всех докризисных лет свидетельствовал о наличии не только сохраняющихся, но и нарастающих диспропорций в территориальной структуре. Однако в кризисный период тенденция к устойчивому увеличению территориальных диспропорций сменилась на противоположную (график 1).

График 1. Динамика среднеквадратического отклонения в период с 1995 по 2010 гг.

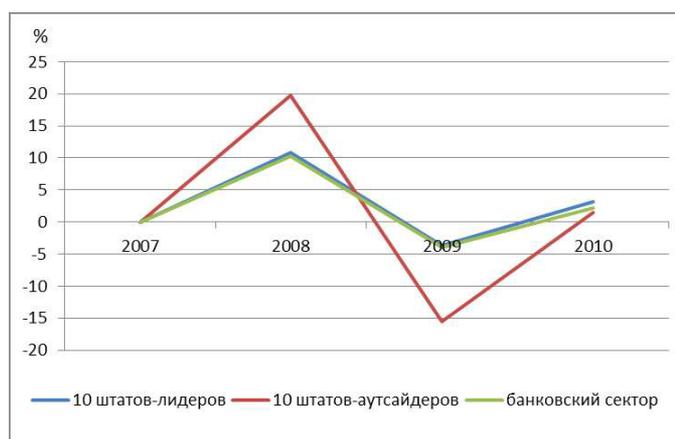

Источник: рассчитано по FDIC.

При рассмотрении среднеквадратического отклонения, рассчитанного на основе анализа объема банковских активов всех американских штатов за период с 1995 по 2010 гг., обнаружилось, что надлом тенденции роста этой величины произошел в 2008 г. — именно тогда, когда банковская система вступила в состояние кризиса. Впоследствии величина среднеквадратического отклонения стала уменьшаться, что свидетельствовало об уменьшении дисперсности активов банковского сектора США, разрыв между лидерами и аутсайдерами начал сокращаться.

Проанализировав средние темпы роста объема банковских активов в кризисный период для всего банковского сектора США и сравнив их с соответствующими темпами роста десяти штатов, лидирующих, и десяти штатов, отстающих по этому показателю, было обнаружено, что отклонение динамики этого показателя от среднего значения в большей степени проявилось у аутсайдеров банковского сектора (график 2).

График 2. Темпы роста объема активов банковских учреждений в кризисный период (к предыдущему году)

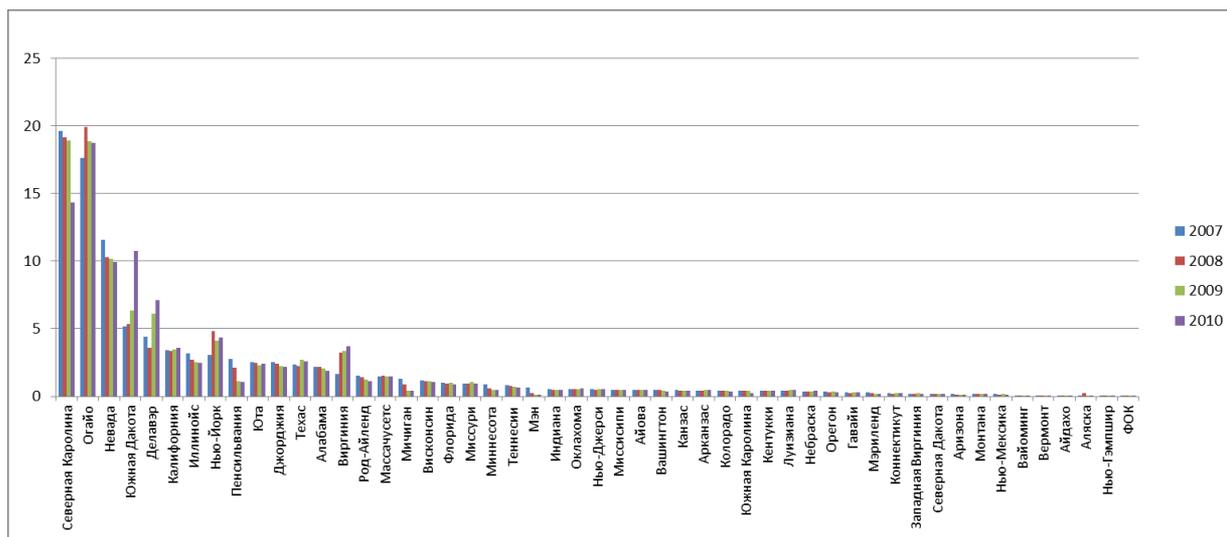
Источник: рассчитано по FDIC.

По данным 2009 г. темпы падения объема активов у штатов-аутсайдеров были весьма значительными и составили -15,6% (по отношению к 2008 г.), а соответствующий показатель у штатов-лидеров был равен всего лишь -3,6% и практически совпал с общенациональными темпами (-3,9%). Это со всей очевидностью показывает, что штаты, возглавляющие список американских штатов, ранжированных по объему активов, а стало быть, те штаты, на территории которых расположены наиболее крупные банковские центры, продемонстрировали большую устойчивость к потрясениям, вызванным кризисом финансовой сферы.

Среди штатов, не только показавших стабильные результаты банковской деятельности в условиях наступившего кризиса, но и сумевших увеличить объемы своих банковских активов, оказались Огайо, Южная Дакота, Делавэр, Нью-Йорк и Виргиния (график 3). Что касается Нью-Йорка и Делавэра, то они, каждый на свой манер, сумели обеспечить себе незыблемые гарантии финансовой стабильности: Нью-Йорк сохраняет и, видимо, долго еще будет сохранять свое значение финансового центра национального и международного масштаба. Делавэр же прочно обосновался в ряду тех юрисдикций, которые предоставляют всем корпорациям, желающим зарегистрироваться в этом штате, значительные налоговые и юридические преференции, став своеобразным «оффшорным раем» по-американски. На наш взгляд, основной причиной значительного улучшения своих позиций Огайо, Южной Дакотой и Виргинией стало наличие на их территории крупнейших банковских центров, в которых расположены банки, входящие в список американских банков, на счетах которых размещено более 100 млрд. долл. активов. Это JP Morgan Chase Bank в Колумбусе, U.S. Bank и Fifth Third Bank в Цинциннати (оба в Огайо), Citibank и Wells Fargo Bank в Су-Фоллсе (Южная Дакота), HSBC Bank USA и Capital One в Маклине (Виргиния). Кроме того, ряд банков, входящих в рассматриваемую нами элиту банков-миллиардеров, расположен в уже упомянутых выше Нью-Йорке и Делавэре. Это The Bank of New York Mellon в Нью-Йорке (Нью-Йорк) и FIA Card Services в Уилмингтоне и Chase Bank USA в Ньюарке (оба в Делавэре), а также перенесший свою штаб-квартиру в Уилмингтон (Делавэр) в 2009 г. PNC Bank.

Говоря об укреплении своих финансовых позиций в кризисный период некоторыми штатами, следует сказать, что одной из основных тенденций данного периода является продолжающаяся до настоящего времени тенденция к увеличению числа банковских слияний и поглощений, в результате которых крупные по масштабам своих активов и депозитов банковские холдинги становились еще крупнее, а количество банковских учреждений неуклонно уменьшалось. Так, на протяжении периода с 2008 по 2011 г. только лишь десятью крупнейшими подразделениями банковских холдингов США было произведено 28 масштабных приобретений, приведших к увеличению уже и без того значительной доли этих банков в банковском секторе.

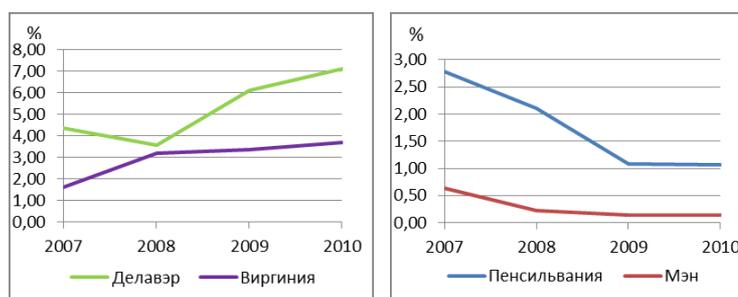
График 3. Динамика доли штатов по объему активов банковских учреждений в период с 2007 по 2010 гг.

Наиболее значимыми из них по своим масштабам и последствиям можно назвать приобретение банком JP Morgan Chase (Колумбус, Огайо) банка Washington Mutual в 2008 г. (стоимость транзакции 1,9 трлн. долл.), приобретение банком Wells Fargo (Су-Фоллс, Южная Дакота) банка Wachovia в 2008 г. (стоимость транзакции 1,5 трлн. долл.), приобретение в 2009 г. банком Bank of America (Шарлотт, Северная Каролина) банков Merrill Lynch Bank USA (Солт-Лейк-Сити, Юта) и Merrill Lynch Bank and Trust Co (Нью-Йорк, Нью-Йорк).

Вместе с тем, нельзя не отметить, что в кризисный период по инициативе крупнейших банковских холдингов произошло перемещение штаб-квартир некоторых банков на территорию других штатов, что, безусловно, не могло не сказаться на усилении их финансового потенциала. Так, в 2008 г. свою штаб-квартиру из Уилмингтона (Делавэр) в Маклин (Виргиния) перевел HSBC Bank USA, что, кстати, объясняет фантастический по своим масштабам взлет доли Виргинии в активах банковского сектора США в 2008 г. (график 3). В том же 2008 г. свою штаб-квартиру из Портленда (Мэн) перенес в Уилмингтон (Делавэр) банк State Street Bank and Trust Company. В 2009 г. свою штаб-квартиру в Уилмингтон (Делавэр) перенес из Питтсбурга (Пенсильвания) банк PNC Bank. Последние два перемещения, вкупе с теми налоговыми преференциями, за счет которых Делавэр в докризисный период вырвался в лидеры, также лежат в основе увеличения им своей доли в активах банковских учреждений США к 2010 г. Однако, с другой стороны, эти перемещения штаб-квартир резко уменьшили рыночную долю штатов Мэн и Пенсильвания. Так, за период с 2007 по 2010 гг. рыночная доля Пенсильвании упала почти в 3 раза, а рыночная доля штата Мэн – в 4 раза (график 4). При этом пик падения пришелся как раз на годы перемещения штаб-квартир.

График 4. Динамика доли активов штатов Делавэр, Виргиния, Пенсильвания и Мэн в кризисный период

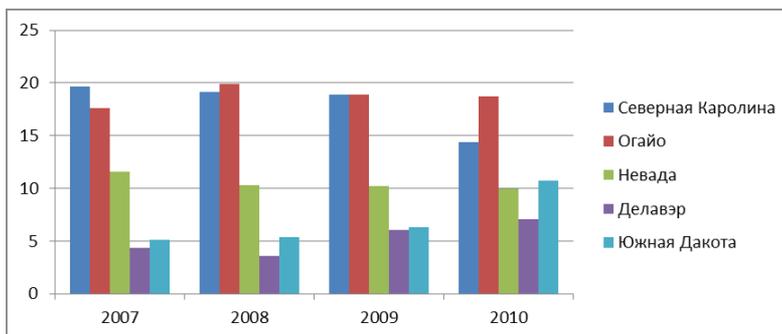
Источник: рассчитано по FDIC.

Такие перемещения, вне всякого сомнения, являются именно тем основным фактором, который приводит, в конечном счете, к трансформации территориальной структуры банковского сектора и сдвигам центров тяжести ее пространственной организации, приводя эту структуру в новое, отвечающее потребностям текущего момента и удовлетворяющее в максимальной степени интересы населения и бизнеса, состояние.

Кроме того, следует отметить, что ряд банков, оказавшихся в трудном финансовом положении, получал в кризисный период помощь в рамках программы государственной поддержки банков. Например, в 2008 г. такую помощь получил Citibank из Су-Фоллс (Южная Дакота), в 2009 г. – Bank of America из Шарлотт (Северная Каролина) и HSBC Bank USA из Маклина (Виргиния).

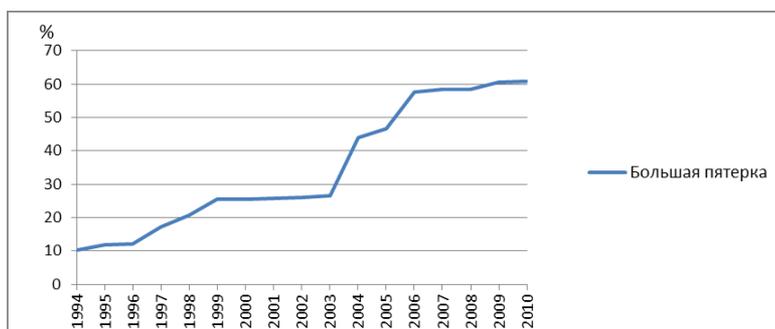
Если посмотреть на судьбу штатов, которые по итогам 2007 г. образовывали так называемую «Большую пятерку» (график 5), то обращает на себя внимание тот факт, что к 2010 г. свои лидирующие позиции несколько утратила Северная Каролина, уступив свое место Огайо, который вместе с Невадой сумел сохранить свои активы практически на том же уровне, что и в 2007 г., тогда как Делавэр и Южная Дакота значительно их приумножили, что произошло за счет описанных выше процессов консолидации банковских подразделений и перемещения штаб-квартир крупных банков. Вместе с тем, темпы наращивания рыночной доли «Большой пятеркой» замедлились начиная с 2006 г. (график 6), когда были обнаружены первые признаки финансового кризиса в США. За кризисный период доля активов этих штатов выросла всего лишь на 3%, тогда как в докризисный период их доля увеличилась на 48%.

График 5. Динамика доли активов «Большой пятерки» в кризисный период

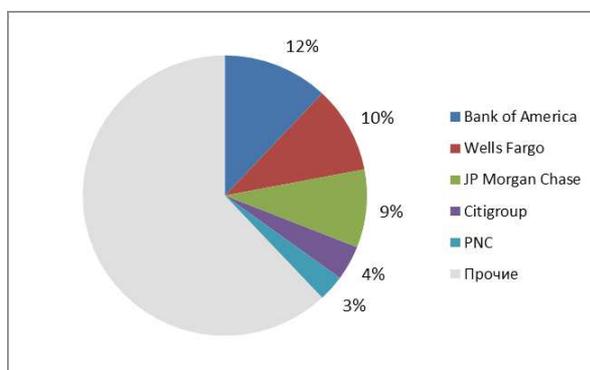
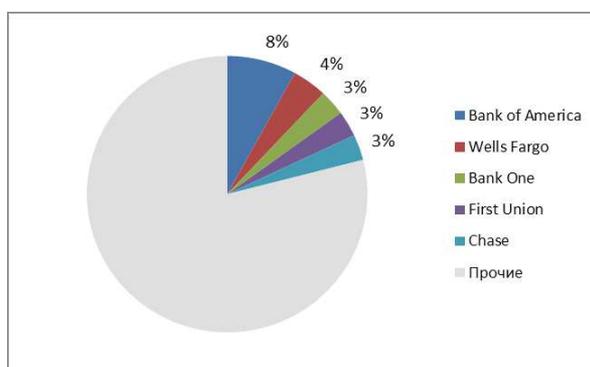
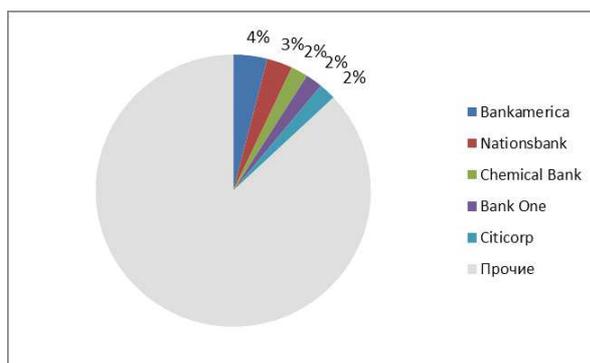
Источник: рассчитано по FDIC.

График 6. Динамика доли активов «Большой пятерки» в докризисный и кризисный периоды

Как уже отмечалось выше, характерной чертой банковской сферы в кризисный период стали массовые факты банковских слияний и поглощений, в результате которых происходило значительное укрупнение американских банковских холдингов. Однако нельзя забывать о том, что в США на сегодняшний день у банков существует некий потолок роста, некий предел объема депозитов, выше которого банки не могут подниматься. Этот предел был установлен еще в 1994 г. в соответствии с эпохальным Законом Ригла–Нила, отменившим географические ограничения на рост междуштатной филиальной сети банков. Таким образом, с одной стороны, Закон Ригла–Нила носил либеральный характер (снял существующие ограничения) а с другой стороны, вносил новые ограничения в законодательное оформление банковской деятельности. Так, в соответствии с этими ограничениями не допускалось образование таких междуштатных слияний, в результате которых могли бы образовываться компании, рыночная доля которых превышала бы 10% депозитов всех застрахованных в ФКСВ банков. Следовательно, Закон Ригла–Нила, заложив основы создания общенациональной банковской системы, заложил и некий «предохранительный механизм», препятствующий возникновению ситуации, в которой эта система могла бы оказаться подконтрольна одному единственному банку-монополисту. При этом следует отметить одну любопытную деталь: проблема достижения 10% лимита по депозитам банками США становится актуальной лишь сегодня, поскольку на протяжении почти 15 лет банки, постепенно накапливая свои депозиты, пришли к этой рубежной черте лишь в кризисный период (график 7).

График 7. Рост доли банков в общем объеме депозитов застрахованных в ФКСВ банковских учреждений

Источник: рассчитано по FDIC.

Так, по состоянию на 1994 г. крупнейший по тем временам по объему депозитов банк США, BankAmerica², сосредоточивал всего лишь 4% депозитов всех застрахованных в ФКСВ банковских учреждений. В 2000 г. Bank of America, подобравшись почти вплотную к запретной черте, сосредоточил 8% от общего объема депозитов. В 2009 г. к 10% рубежу подошел и банк из Южной Дакоты Wells Fargo, а Bank of America в том же 2009 г. превысил лимит и имел уже 12% депозитов. Здесь нужно сделать оговорку и сказать, что в соответствии с Законом Ригла–Нила превышение банками 10% лимита общей суммы депозитов не допускается лишь в том случае, если оно будет вызвано проводимыми банком слияниями и поглощениями, а не достигнуто за счет использования внутренних ресурсов роста – например, расширения фи-

² Калифорнийский банк BankAmerica, слившись в октябре 1998 г. с банком NationsBank из Северной Каролины, был преобразован в Bank of America со штаб-квартирой в городе Шарлотт (Северная Каролина).

лиальных сетей. Однако крупные американские банки, в первую очередь Bank of America, JP Morgan Chase и Wells Fargo, в кризисные годы предприняли ряд оказавшихся успешными попыток увеличить объем своих депозитов путем новых приобретений, используя при этом «дыры», существующие в банковском законодательстве. Так, в сентябре 2008 г. Bank of America, имея уже 10,8% депозитов всех застрахованных в ФКСВ банков, сумел приобрести банк Merrill Lynch, имевший на то же время 1,1% депозитов. Совет управляющих Федеральной Резервной Системы (ФРС) дал разрешение на эту сделку, мотивируя свое согласие тем, что банк Merrill Lynch не подпадает под определение банка, сформулированное в Законе о банковских холдинговых компаниях 1956 г. Еще одним примером ситуации, в которой ФРС согласилась на одобрение превышения 10% лимита по депозитам в результате межбанковской сделки, стал случай приобретения банком Wells Fargo банка Wachovia. На этот раз аргументация была другой: в момент подсчета будущей совокупной доли депозитов (июнь 2008 г.) объединенный банк набирал 10,1%, однако ко времени реализации сделки этот процент оказался бы меньше, поскольку суммарные депозиты банковской системы США к этому моменту тоже возросли бы (по подсчетам ФРС, на 3%). Таким образом, объединенный банк не превысил установленного лимита.

Эти факты показывают, что американские банки, выстраивая стратегии своего развития, используют все доступные им средства, включая поиск «лазеек» в законодательстве и использование всевозможных юридических ухищрений. В силу этого американское банковское законодательство постоянно совершенствуется, а Конгресс США стремится принимать такие решения, которые сделали бы банковскую систему более стабильной и защитили бы ее клиентов от финансовых рисков. Так, 21 июля 2010 г. президент США Барак Обама подписал закон, получивший название «Закон Додда–Франка о защите потребителей и реформе Уолл-Стрит», который рассматривается как самая радикальная реформа финансовой сферы с 1930-х гг. Этот закон ограничивает возможности банков по проведению операций на рынке на собственные средства (так называемое правило Волкера). В соответствии с Законом Додда–Франка, банки впредь смогут вкладывать средства в хедж-фонды и ценные бумаги в объеме, не превышающем 3% капитала, и владеть не более чем 3% капитала этих фондов. Также вводятся более жесткие требования к использованию заемных средств, регулированию, что должно предотвратить разрастание банков до слишком больших размеров, когда их крах будет угрожать стабильности финансовой системы и экономики. Кроме того, при ФРС создается агентство по защите потребителей, которое должно следить за тем, чтобы пользователи финансовых продуктов получали о них ясную и подробную информацию и не пострадали бы от скрытых комиссий, непонятных условий и обмана. Таким образом, Закон Додда–Франка предполагает ликвидацию трех главных пробелов в нынешней финансовой системе США: отсутствие общего контроля, отсутствие механизмов выявления организаций, ставящих под угрозу деятельность всей экономической системы страны, отсутствие механизма регулирования небанковских институтов.

Помимо этого, реформа предполагает создание независимого Агентства по финансовой защите потребителей внутри Федеральной Резервной системы, которое будет разрабатывать защищающие интересы потребителей правила и следить за их выполнением. Сам факт принятия такого закона, как Закон Додда–Франка, носящего ярко выраженный ограничительный характер, как бы возвращает нас в прошлое, в условия, когда банковский сектор был ограничен в плане междуштатных филиалов и осуществления инвестиционной деятельности. Как известно, за этой ограничительной практикой последовала эпоха либеральных реформ – и вот сегодня банковский сектор США вновь начинает функционировать в условиях введения новых ограничений, суть которых заключается в том, чтобы гарантировать максимальную стабильность финансовой системы страны. Эти ограничения, по всей вероятности, приведут к определенным сдвигам в перераспределении весовых категорий банковских центров и сдвигам в территориальной организации всей банковской сферы. Однако определить, когда и в какой мере банковский сектор ощутит на себе последствия действующих сегодня ограничений, представляется затруднительным.

Отметим, что показателем эволюции мирового хозяйства выступают экономические и финансовые кризисы. Кризис как явление указывает на то, что экономическая система перестает удовлетворять требованиям современности, и, следовательно, символизирует необхо-

димось перемен, перехода на качественно новый этап развития. Сегодня переход на новый этап функционирования мирового хозяйства становится возможным лишь в том случае, если будут решены накопившиеся в экономике и финансовой сфере фундаментальные структурные проблемы.

Если современный кризис сравнивать с Великой депрессией 30-х гг. прошлого столетия, то необходимо отметить различную природу их возникновения. Банковский кризис того времени является проявлением системного экономического кризиса, вызванного переходом от эпохи черной металлургии, угля и господства электродвигателя к веку нефти, двигателю внутреннего сгорания и цветных металлов. Внедрение технических достижений сделало возможным массовое серийное производство. Предприятия в погоне за прибылью стали увеличивать объемы выпускаемой продукции в самых разных отраслях, что в свою очередь привело к кризису перепроизводства. На рынках появилось слишком много не находившей сбыта «лишней» продукции. В результате многие промышленные и сельскохозяйственные предприятия стали банкротами и, как следствие, оказались не в состоянии отвечать по своим долговым обязательствам перед банками. Параллельно резко обесценились принадлежавшие банкам пакеты акций. Вместе с тем началась паника среди вкладчиков, что привело к масштабному изъятию денежных средств с банковских счетов³. Результатом сложившейся ситуации стали массовые банкротства банков. Так, за период с 1929 по 1932 гг. в США было ликвидировано около 6 тысяч коммерческих и сберегательных банков с общим объемом вкладов 3,6 млрд. долларов [2]. Современный же кризис характеризуется масштабами, которые представляются на первый взгляд менее опасными для банковской системы США, чем это было во времена Великой Депрессии. Так, с 2008 по 2011 гг.⁴ в США обанкротилось «всего лишь» 369 коммерческих, сберегательных и кооперативных банков с общим объемом активов и депозитов в размере 663,5 млрд. долларов и 471,5 млрд. долларов соответственно [15]. Однако, говоря о масштабах кризисных явлений, следует иметь в виду одно принципиально важное различие: если во времена Великой Депрессии банкротились очень мелкие региональные банки, то в настоящее время банкротами становятся весьма крупные, и что очень важно – системообразующие банки, хотя число их банкротств и не идет ни в какое сравнение с числом банковских учреждений, исчезнувших с карты банковской системы США в 30-е годы прошлого столетия.

Кроме того, применительно к реальной экономике кризис XXI века носит привнесённый характер, поскольку в отличие от Великой депрессии в наши дни не экономика явилась источником кризисных явлений. Поэтому нынешний кризис невозможно назвать классическим кризисом перепроизводства. Проблема заключается в другом - в резко уменьшившейся доступности потребительских кредитов и кредитов на развитие производства. Такое уменьшение произошло вследствие уже разразившегося финансового кризиса, который затронул прежде всего банковский сектор и инвестиционные компании, и лишь затем «перекинулся» на реальную экономику.

В начале XXI века начинает бурно протекать процесс, чреватый далеко идущими последствиями для всей экономики США. В 2001–2005 гг. во многих частях страны наблюдался быстрый рост цен на недвижимость, вызванный низкими процентными ставками по кредитам, «мягким» подходом кредиторов к оценке платежеспособности заемщиков и высокой склонностью домохозяйств к приобретению жилья в собственность. В этот период в 2 раза выросли объемы строительства домов (по сравнению с 1990–1995 гг.). Особенно это явление было характерно для новых промышленных районов страны. Здесь сразу следует отметить, что важнейшим фактором размещения банковских учреждений в США является расселение населения. В течение многих десятилетий главной тенденцией в демографии был сдвиг населения из штатов Северо-Востока и Среднего Запада на Юг, в так называемый «Солнечный пояс», за счет которого в основном и происходило развитие национальной экономики. Основные потоки миграций населения связывают Приозерье со штатами, расположенными вдоль южной границы США.

³ На тот момент в США не существовало Федеральной корпорации страхования вкладов (ФКСВ). Она была создана позднее – в 1933 году.

⁴ С 01.01.2008 по 30.06.2011.

Под залог имеющегося жилья американцы взяли кредитов на 750 млрд. долларов (в 2005 г.), потратив из них 2/3 на личное потребление, ремонт и выплату долгов по кредитным картам. До 2006 г. рост потребительского спроса поддерживался за счет дешевых и все более доступных кредитов и постоянного роста цен на все активы, в том числе и на жилье. Только за 2005 г. рыночная стоимость активов населения выросла на 3,2 трлн. долларов. Начиная с 2006 г. оба позитивных для потребителя фактора практически исчезли: стоимость денег поднялась, а цены на жилье стали снижаться, тогда как долги и финансовые обязательства никуда не делались. Уровень прямых расходов по обслуживанию ипотеки и потребительского кредита в используемом доходе семей поднялся на исторический максимум — 14,5%, а с учетом обязательств по оплате аренды, страхования и налогообложения жилья и аренды автомобилей эти выплаты приблизились к 20%. По оценкам американского Центра жилищной политики, доля домохозяйств, тратящих на оплату жилья более половины своих доходов, выросла в США с 1997 по 2005 г. на 88% (с 2,4 млн. до 4,5 млн.). Помимо этого, высока была и доля коммерческих кредитов, выдаваемых на строительство инфраструктурных объектов [6].

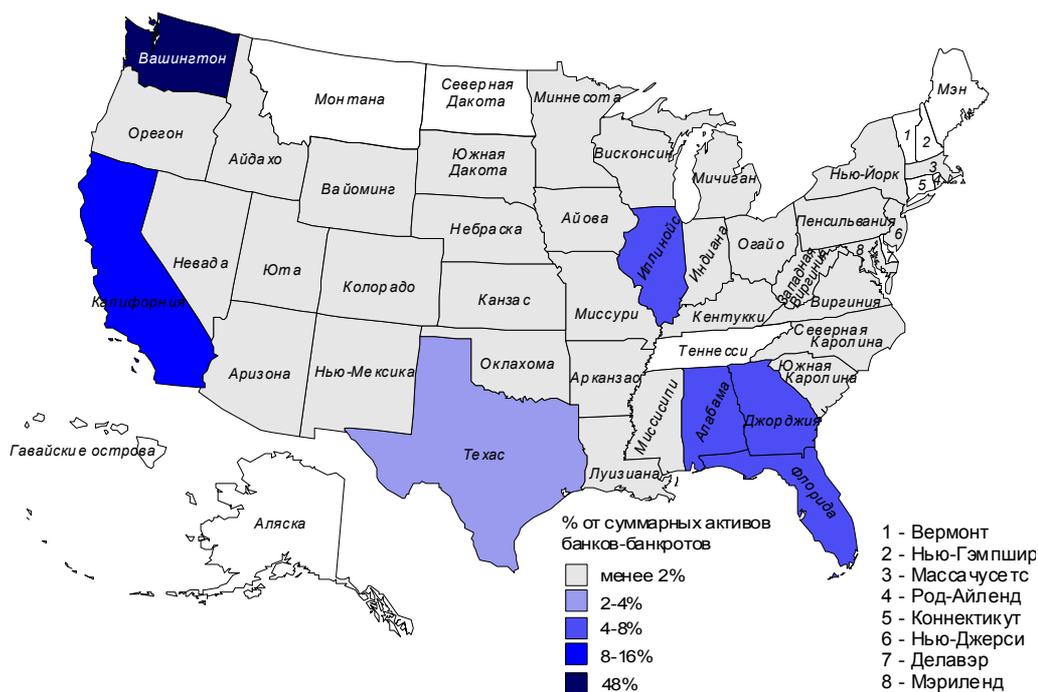
Разразившийся в США ипотечный кризис заключался в том, что банки практиковали выдачу кредитов на сумму большую, чем рыночная стоимость недвижимости, которую планировал купить клиент. Кредит достигал 120%–130% от стоимости жилья. Предполагалось, что оставшиеся деньги люди потратят на благоустройство на новом месте жительства. Отметим, что такой вид кредитования является очень рискованным, потому что при наступлении дефолта сумма, полученная от продажи недвижимости, не покрывает расходы по ипотечному кредиту. В результате, при массовой продаже жилья по дефолтным кредитам, цены на рынке недвижимости снизились примерно на 50%.

Все вышесказанное со всей очевидностью свидетельствует о том, что современный финансовый кризис в США должен был иметь и в действительности имеет ярко выраженную территориальную дифференциацию (карта 1, 2). В наибольшей степени от банковских банкротств пострадали новые промышленные районы «Солнечного пояса», банки которых столкнулись с массовым невозвратом ипотечных кредитов неблагонадежными заемщиками. Причем основная нагрузка пала на банки тех штатов, в которых просрочка по ипотеке превысила 10% от общей суммы выданных ипотечных кредитов по состоянию на 2009 год как самый тяжелый год ипотечного кризиса (рис. 1). На общем фоне резко выделяется ситуация в штате Вашингтон. На его долю приходится почти половина активов и депозитов всех банков, обанкротившихся в стране в период нынешнего кризиса. Такое положение дел объясняется крахом в Сиэтле банка Washington Mutual с активами 307 млрд. долларов — крупнейшим банковским банкротством в истории США. (Карта 3)

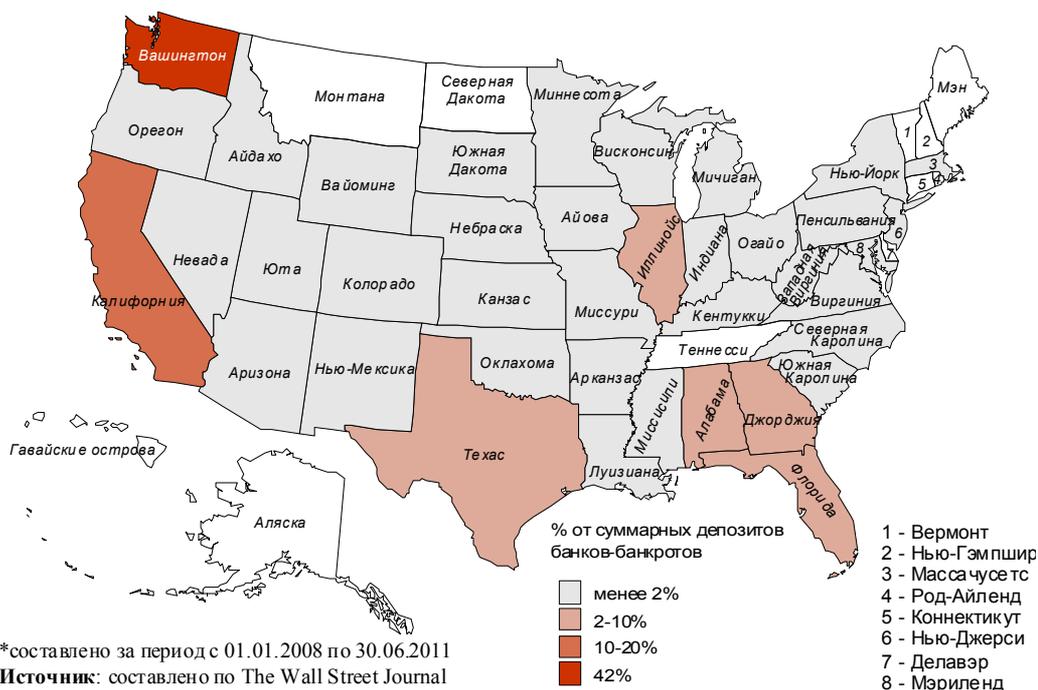
Основанный в конце XIX в. Washington Mutual стал крупнейшим ссудо-сберегательным банком США и одним из лидеров ипотечного рынка, в том числе за счет высокорискованных кредитов. В 2004–2006 гг. банк выдал нестандартных кредитов на сумму 48 млрд. долларов [6]. К июлю 2007 г. платежи задерживались по трети высокорискованных кредитов Washington Mutual. В течение года ситуация ухудшилась, а потом стала просто катастрофической: банк потерпел крах после того, как 25 сентября 2007 г. рейтинговое агентство Standard & Poor's понизило рейтинг этого кредитного учреждения с ВВ- до ССС (т.е. на восемь ступеней ниже минимального инвестиционного). Принадлежавшие банку депозитные активы на 136 млрд. долларов были проданы всего за 1,9 млрд. банку JP Morgan Chase. Среди претендентов на выкуп Washington Mutual назывались также и другие банки, в частности Citigroup, Wells Fargo и Banco Santander. Покупка Washington Mutual объясняет, кстати, тот факт, что JP Morgan Chase является сегодня крупнейшим банком США по объему депозитов (900 миллиардов долларов). В Калифорнии, которая входит в число наиболее пострадавших штатов от ипотечного кризиса⁵, обанкротилось с 2008 по 2011 год 37 банковских учреждений с общим объемом активов 105,3 млрд. долларов и депозитами в размере 74,8 млрд. долларов [15].

⁵ В Калифорнии просрочка по ипотеке составляет 11% от общей суммы выданных ипотечных кредитов (1-й кв. 2010) [12]. Число банковских банкротств рассчитано за период с 01.01.2008 по 30.06.2011.

Карта 1. Активы банков-банкротов в США (2008–2011 гг.)*

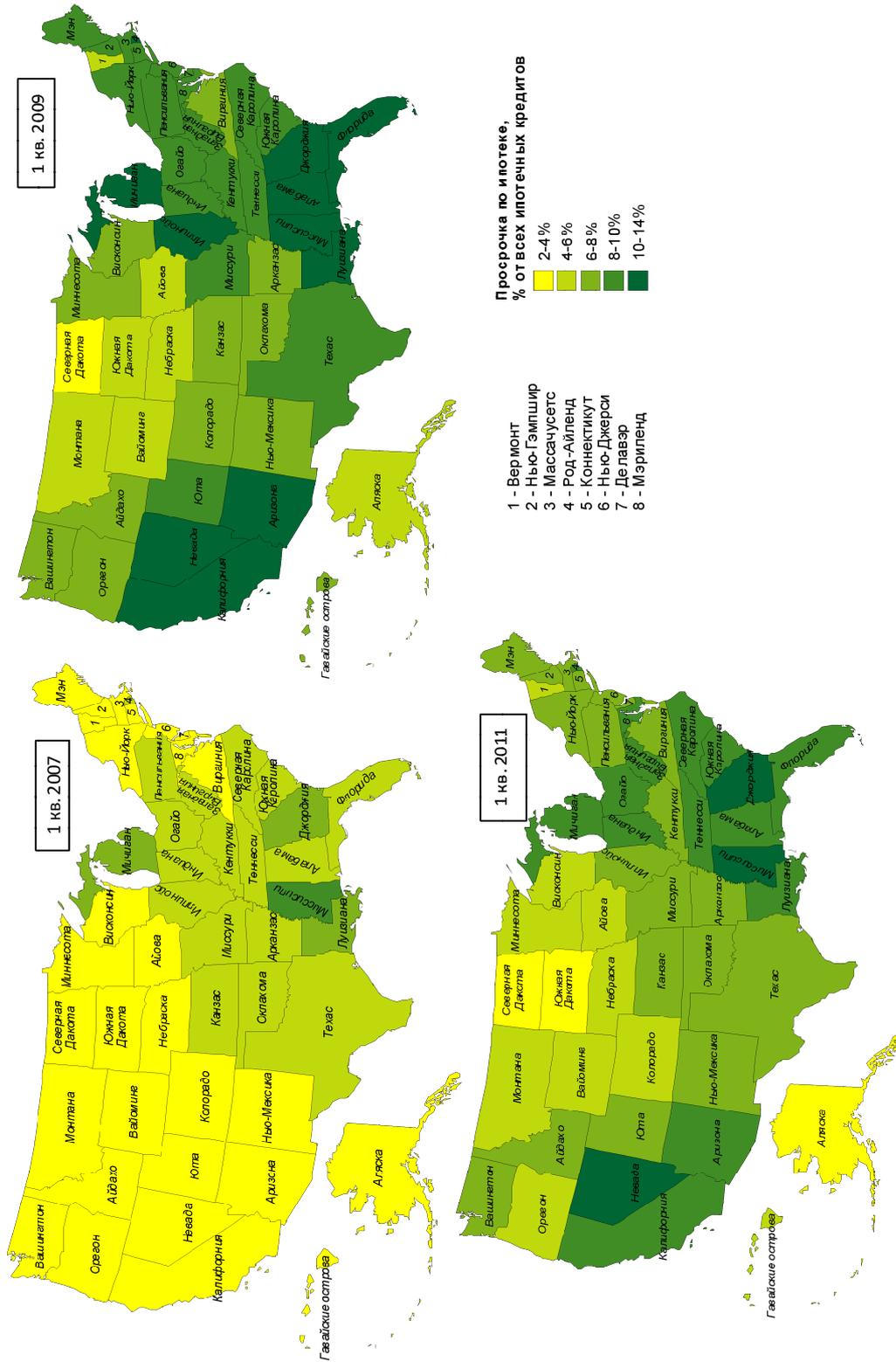

Карта 2. Депозиты банков-банкротов в США (2008–2011 гг.)*

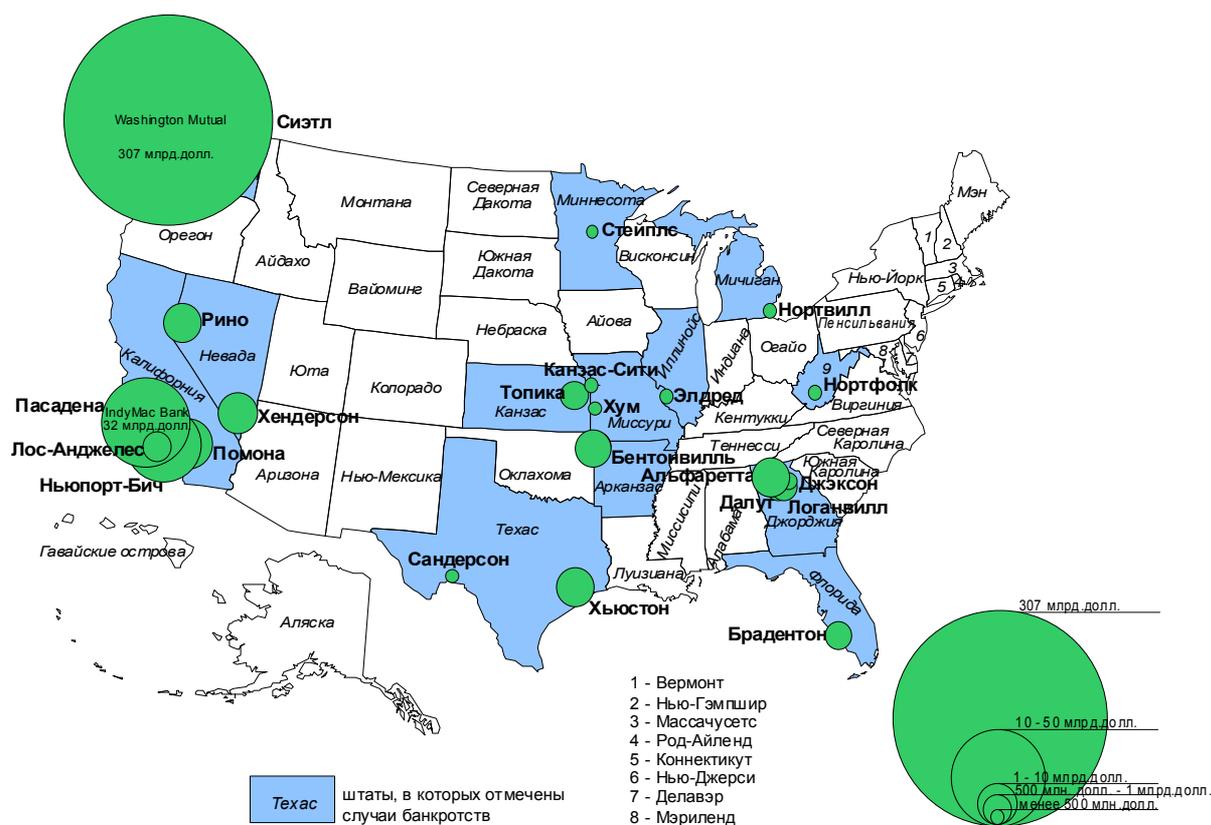
*составлено за период с 01.01.2008 по 30.06.2011
Источник: составлено по The Wall Street Journal

Рис. 1. Динамика ипотечного кризиса в США

Источник: составлено по Mortgage Bankers Association of America.

Карта 3. География банковских банкротств в США (2008 г.)

Источник: составлено по The Wall Street Journal.

Основными очагами банковских банкротств стали агломерации Лос-Анджелеса, Сан-Франциско, Сан-Диего и Сан-Хосе. Одним из самых крупных банковских банкротств в США явился крах калифорнийского банка IndyMac, расположенного в Пасадене (пригород Лос-Анджелеса). Его активы составили более 32 млрд. долларов, а на депозитах лежали средства объемом около 19 млрд. долларов [14]. Крах IndyMac стал вторым по величине банковским банкротством в истории США (после Washington Mutual). Остальные же калифорнийские банки, обанкротившиеся в течение рассматриваемого периода, были в основном небольшими региональными банковскими учреждениями. Наиболее яркими представителями этих банков явились Downey Savings and Loan в Ньюпорт-Бич (обанкротился в 2008, активы 12,8 млрд. долл., депозиты 9,7 млрд. долл.) и United Commercial Bank в Сан-Франциско (обанкротился в 2009, активы 11,2 млрд. долл., депозиты 7,5 млрд. долл.).

Аналогичная ситуация наблюдается в штате Иллинойс и некоторых штатах Старого Юга. Так, например, просрочка по ипотечным кредитам в Иллинойсе, Алабаме, Джорджии и Флориде по состоянию на 2009 год колебалась от 10 до 14%. Что же касается банковских банкротств, то на четыре выше перечисленных штата приходится примерно 45% (165 от 369) обанкротившихся банков. Основными центрами банкротств являются город Чикаго (с многочисленными пригородами) в Иллинойсе, Атланта и кольцо окружающих ее мелких городов в Джорджии, Монтгомери и Бирмингем в Алабаме, вереница прибрежных городов Флориды с Джексонвиллом и такими популярными туристическими центрами, как Майами, Орlando, Панама-Сити и другими. Еще одним крупнейшим банковским банкротством, происшедшим в 2009 г. в США, следует считать и банкротство банка Colonial Bank в Монтгомери (его активы оценивают в 25 млрд. долл.). Главным источником его краха стала все та же специализация на работе с недвижимостью (этот банк занимался кредитованием девелоперских компаний). Банковский Департамент Алабамы передал активы банка Colonial Bank в распоряжение BB&T Corp. of North Carolina, а его депозитные счета были переведены в ведение компании BB&T.

Литература

1. Бернштам Е.С., Лузанов А.Н. Региональные аспекты организации и государственного регулирования банковской сферы. М., 2001.
2. Долан Э.Д., Кэмпбелл К.Д., Кемпбелл Р.Д. Деньги, банковское дело и денежно-кредитная политика. М.; Л., 1991.
3. Ершов М. Мировой финансовый кризис: год спустя // Вопросы экономики. 2009. № 12.
4. Иноземцев В. Российская финансовая система развивалась стихийно // Vedomosti.ru
5. Мишкин Ф.С. Экономическая теория денег, банковского дела и финансовых рынков. 7-е изд. М., 2006.
6. Невозврат платежей по различным типам кредитов в США (www.les-crisis.fr)
7. Поллард А.М., Пассейк Ж.Г. и др. Банковское право США. М., 1992.
8. Смирнягин Л.В. Районы США: портрет современной Америки. М., 1989.
9. Фомичев П.Ю. География мировой финансовой системы. М., 2001.
10. Anderson, G.H. Is the Rust Belt's Revival Real? // Federal Reserve Bank of Cleveland. Economic Commentary. 1992. 1 March ; Ferguson, R.W. Economic Policy for Our Era : The Ohio Experience // Federal Reserve Bank of Cleveland. Economic Commentary. 2000. 15 May.
11. Andy Pike and Jane Pollard. Economic Geographies of Financialization. Economic Geography 86(1):29–51. 2010. Clark University. www.economicgeography.org
12. Bloomberg www.bloomberg.com
13. DeYoung Robert, Klier Thomas, McMillen Daniel P. The Changing Geography of the U.S. Banking Industry The Industrial Geographer, Volume 2, Issue 1, 2004.
14. DeYoung Robert. Banking in the United States. University of Kansas. The Oxford Handbook of Banking. Oxford University Press, 2009.
15. Failed-US-Banks <http://graphicsweb.wsj.com>
16. FDIC – Statistics on Depository Institutions Report, 30.06.2011
17. Frederic S. Mishkin. Bank Consolidation: A Central Banker's Perspective. Mergers of
18. Gordon L. Clark and Dariusz Wojcik. The Geography of Finance: Corporate Governance in the Global Marketplace. Oxford, U.K.: Oxford University Press, 2007.
19. Официальный сайт Бюро переписи населения США (www.census.gov)
20. Официальный сайт Бюро статистики труда Министерства труда США (www.inflationdata.com)
21. Официальный сайт Бюро экономического анализа США (www.bea.gov)
22. Официальный сайт МВФ (www.imf.org)
23. Официальный сайт Международного валютного фонда (www.imf.org)
24. Официальный сайт Министерства торговли США (www.commerce.gov)
25. Официальный сайт Федеральной резервной системы США (www.federalreserve.gov)

ИНТЕГРАЦИЯ ЛЕСНОГО СЕКТОРА СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ: МИРОВОЙ ОПЫТ И РОССИЙСКИЕ ЗАДАЧИ

Аннотация: В статье проанализирован зарубежный опыт формирования интеграционных структур в лесном секторе экономики на примере Финляндии, Швеции, Германии, Австрии, США, Канады. Выделены основные предпосылки интеграции зарубежных предприятий лесного сектора и экономические предпосылки интеграции при ее различных видах. Рассмотрен советский опыт формирования территориально-производственных комплексов и побудительные мотивы создания крупных интеграционных структур в российской экономике. Изучены три группы интеграционных структур, сформировавшихся в современной российской экономике. Обоснована необходимость создания трехуровневой системы инновационных механизмов интеграции хозяйствующих субъектов в лесном секторе экономики современной России.

Ключевые слова: объединение, процесс интеграции, интеграционные структуры, лесной сектор, лесная промышленность, лесное хозяйство, формы собственности, лесовладельцы, лесопользование, древесные ресурсы, инновационные механизмы интеграции.

Современные тенденции развития мирового хозяйства характеризуются глобализацией экономики, ее научно-технической ориентацией, обострением экологических проблем, усилением торгово-финансовой экспансии, которые объективно обуславливают применение современных механизмов интеграции, способствующих технологической и институциональной конвергенции, повышению экономической эффективности и инновационной активности. Это приводит к трансформации современных бизнес-структур путем слияний, присоединений, выделений, преобразований и объединений предприятий.

Зарубежный опыт формирования интеграционных структур в лесном секторе экономики рассмотрен на основании компетентных научных источников [1, 4, 7, 9, 11] с целью сравнения с интеграционными процессами, происходящими в российском лесном секторе. В качестве примера привлечены страны, обладающие значительными эксплуатационными лесными ресурсами, учтены характерные для них формы собственности на леса.

Исторически в зарубежных странах сложились следующие формы собственности на леса: государственная, муниципальная, частная, корпоративная (акционерная, коммунальная) (см. таблицу 1.1).

Таблица 1.1.

Формы собственности на леса в зарубежных странах [11. С. 28–65].

Зарубежные страны	Формы собственности на лесной фонд, %			
	государственная	муниципальная	корпоративная	частная
Финляндия	24	4	9	63
Швеция	26	-	24	50
Германия	40	-	20	40
Австрия	-	-	-	100
США	26	-	72	2
Канада	4	90	-	6

В Финляндии с целью развития лесного хозяйства и эксплуатации лесов сформировано интеграционное объединение, охватывающее всю страну. Оно состоит из «лесохозяйственных союзов», деятельностью которых управляют «лесные комиссии», и те и другие активно взаимодействуют с органами системы государственного лесного хозяйства (Министерство сельского и лесного хозяйства, Министерство окружающей природной среды, Лесопарковая

служба и Министерство промышленности). Финансирование «лесохозяйственных союзов» осуществляется за счет налогов и обязательных платежей, установленных лесным законодательством за выполняемые «лесохозяйственным союзом» работы и предоставляемые услуги. Процессы интеграции лесной промышленности и лесного хозяйства происходят в рамках национальной лесной политики, суть которой состоит в защите интересов лесовладельцев, обеспечивающих непрерывное неистощительное лесопользование и обеспечение древесными ресурсами деревоперерабатывающие компании.

Частные лесовладельцы (74%) Швеции объединены в крупные ассоциации или кооперативные объединения, представляющие лесной комплекс, осуществляющий лесохозяйственную и лесопромышленную деятельность по следующим направлениям:

- оказание необходимых консультаций по выполнению работ с применением современной техники по договорам с лесовладельцами;
- управление лесоперерабатывающей промышленностью;
- определение ценовой политики;
- обеспечение своих членов рынком сбыта продукции;
- обеспечение экономической и правовой защиты лесовладельцев.

В Германии созданы добровольные объединения частных лесовладельцев: «Объединение немецких лесовладельцев», «Лесная камера», «Союз крестьян – лесовладельцев» и др., в ведении которых находятся небольшие по площади участки леса и которые решают вопросы ведения лесного хозяйства, планирования, лесопользования, продажи древесины и т.п. Лесохозяйственные объединения, товарищества и другие лесохозяйственные общества в свою очередь объединяются в лесохозяйственные ассоциации, деятельность которых состоит в достижении единственной цели: способствовать приспособлению лесохозяйственного производства и сбыта лесных продуктов к требованиям рынка. Существенное значение для управления лесным хозяйством имеют различные профессиональные объединения: профсоюз немецких лесоводов, профсоюз садоводов, профсоюз сельскохозяйственных работников, профсоюз лесохозяйственных работников и др. Существует много общественных организаций и объединений в области защиты и охраны лесов. В интеграционных процессах лесного хозяйства и лесной промышленности фактически участвуют только частные лесовладельцы.

Австрия – классическая страна мелких лесовладельцев, в которой нет государственных лесов. Все лесовладельцы являются обязательными членами сельскохозяйственного союза, отстаивающего экономические интересы лесовладельцев. Лесовладельцы в зависимости от своих интересов добровольно вступают в различные объединения: ассоциации лесовладельцев, ассоциации работодателей в лесном хозяйстве, ассоциации держателей прав на малые земли. Взаимодействие крупных лесопромышленных предприятий с лесовладельцами происходит при посредничестве сельскохозяйственного союза или ассоциации лесовладельцев.

В США в каждом штате есть комитет лесопромышленников и лесовладельцев (лесных ферм), которые решают вопросы заготовки посадочного материала, лесопользования и охраны леса. Система лесных ферм имеет большое значение в организации комплексного лесного хозяйства в частных владениях, так как в США основная часть заготовок древесины осуществляется в частных владениях и лесах, принадлежащих лесопромышленным компаниям.

В Канаде национальная лесная политика реализуется лесопромышленными компаниями, которые эксплуатируют в основном леса, принадлежащие государству, на правах аренды или концессии. В последнее время в стране растет интерес к комплексному использованию лесов и занимаемым ими территориям. Наиболее крупные лесопромышленные компании заинтересованы в охране и воспроизводстве всех древесных и недревесных ресурсов леса, так как пользование ими повышает доходность лесопромышленников, а также удовлетворяет требованиям общественности и правительства.

Правительства канадских провинций создают специальные комитеты по интеграции управления природными ресурсами, которые помимо лесоводов включают и биологов. Основная задача таких комитетов состоит в разработке рекомендаций для лесопромышленных компаний по комплексному управлению лесопользованием, воспроизводству и использованию древесных ресурсов, сохранению биоразнообразия флоры и фауны лесов. Таким образом, лесная служба Канады тесно сотрудничает с лесопромышленными предприятиями.

Единственной дилеммой в лесном секторе страны остается вопрос о том, кто должен оплачивать расходы, связанные с повышением интенсивности ведения лесного хозяйства на государственных землях. Одни полагают, что платить должны лесопромышленные предприятия, поскольку именно они будут извлекать наибольшую выгоду из внедрения более интенсивных методов лесоводства. Другие считают, что издержки лесного хозяйства должно компенсировать государство, так как оно существенно выиграет от возможностей поддержания необходимого уровня занятости и увеличения собираемой попенной платы.

Лесная политика зарубежных стран зиждется на законодательно установленных нормах, определяющих основные обязанности лесовладельца (независимо от вида собственности) в отношении ведения лесного хозяйства и главных параметров лесопользования. Основной обязанностью лесовладельцев является ведение лесного хозяйства в соответствии с общепризнанными в мире принципами постоянства, непрерывности и неистощительности лесопользования, с учетом требований, связанных с сохранением окружающей среды.

В большинстве иностранных государств, обладающих эксплуатационными запасами древесных ресурсов, одной из основных задач национальной лесной политики является объединение или искусственное организационное укрупнение лесовладений (не затрагивая фактических прав собственности) в целях интенсификации лесопользования. Органы государственного управления со своей стороны оказывают всевозможную финансовую и правовую поддержку этих мер.

Анализируя мировой опыт формирования интеграционных структур [2, 3, 11, 12] и систематизируя его, можно выделить основные предпосылки интеграции предприятий лесного сектора, заключающиеся в:

- повышении капитализированной стоимости объединения, состоящего из нескольких хозяйствующих субъектов, совокупный результат которого превышает сумму результатов деятельности этих субъектов по отдельности. Эффект в данном случае возникает благодаря экономии, обусловленной масштабами деятельности, комбинированием взаимодополняющих ресурсов, минимизацией транзакционных издержек, снижением конкуренции, взаимодополняемостью в области НИОКР;

- желании снизить налоговую нагрузку предприятий–участников;
- получении возможности диверсификации отдельных лесопромышленных производств и использования достаточных лесных ресурсов;
- увеличении объемов продаж продукции из биомассы древесины за счет удовлетворения потребностей новых рыночных сегментов.

Экономическими предпосылками интеграции при ее различных видах являются:

При вертикальной интеграции предприятий – стремление участников минимизировать или полностью избежать транзакционных издержек (на масштабе, на затратах по рекламе, товародвижению, поддержанию оптимального размера запасов) при осуществлении микроэкономической координации (внутрифирменной), а не макроэкономической (с учетом изменений внешних рыночных условий). Вертикальная интеграция обеспечивает не только экономию на транзакционных издержках, но и консолидацию и эффективное использование хозяйственных ресурсов участников.

Горизонтальная интеграция предприятий позволяет минимизировать упущенную выгоду, в отдельных случаях основным критерием выступают монопольные устремления ее участников.

Диагональная интеграция обеспечивает диверсификацию рисков и возможность опосредованно воздействовать на партнеров, выпускающих параллельные виды продукции.

Комбинированная интеграция способствует достижению оптимального соотношения минимизации упущенной выгоды и минимизации транзакционных издержек.

Арьергардная интеграция позволяет избежать транзакционных издержек, порождаемых сложностью поиска приемлемых компромиссов с естественными монополиями, а также снизить прямые производственные издержки за счет получения более дешевой электроэнергии и тепла с собственных энергетических установок.

Создание крупных интеграционных структур в российской экономике обусловлено не только рыночными механизмами самоорганизации хозяйствующих субъектов в переходный

период российской экономики, но и позитивным опытом работы объединений в системе планового хозяйства с централизованным управлением. Поэтому необходимо учесть опыт формирования лесопромышленных комплексов и производственных объединений в лесном комплексе СССР, который был исследован автором по материалам научных источников [10. С. 139–157; 3; 8].

Особый интерес представляет советский опыт формирования территориально-производственных комплексов, о которых впервые стало известно из трудов Н.Н. Колосовского [6]. Исследователь, изучая структурное многообразие хозяйственных комплексов, выявил повторяющиеся, схожие комбинации производственных процессов, однотипные, хотя и совершенно различные сочетания производств в различных отраслях и регионах. Идея типизации производственных процессов способствовала разработке концепции территориально-производственных комплексов (ТПК), которая впоследствии широко применялась как метод анализа, категория планирования и как форма территориальной организации производства. ТПК способствовали получению реального положительного опыта по развитию вертикальных и горизонтальных кооперационных связей, комплексному использованию сырья и освоению новых территорий.

Интеграционные процессы в лесном комплексе при административно-командной экономике имели определенную специфику – внедрение различных объединений, комбинатов, комплексов и других форм территориальной и отраслевой организации производства с целью рационального комплексного использования ресурсов и получения народнохозяйственного эффекта. Интеграционные процессы советского периода имели следующие особенности:

- применение планово-административных методов для объединения предприятий;
- взаимосвязи между предприятиями, входящими в объединения, устанавливались и регулировались директивно, без учета их интересов;
- отношения между участниками интеграции выстраивались в основном по принципу вертикальной, а не горизонтальной интеграции;
- эффективность определялась минимизацией приведенных затрат и сроком окупаемости капитальных вложений.

В лесном комплексе СССР были созданы крупные, гигантские предприятия внутриотраслевой и межотраслевой интеграции (Братский, Сыктывкарский ЛПК и др.). Мотивами такой интеграции были стремления не только обеспечить экономию от масштаба, но и облегчить планирование и контроль. Поэтому в ходе реформирования советской экономики многие кооперационные связи были разрушены, экономика оказалась в глубоком кризисе. Тем не менее, был накоплен положительный опыт организации производства на основе экономической интеграции хозяйствующих субъектов.

С целью конвергенции экономических интересов деревопереработки, лесозаготовок и лесного хозяйства были созданы комплексные лесные предприятия (КЛП) в районах Украинских Карпат, Прибалтики, ряда областей РСФСР, а также ряда опытных леспромхозов Минлесбумпрома СССР, основными предпосылками создания которых было:

- сокращение экономически доступных для главного пользования древесных ресурсов;
- создание и развитие перерабатывающих производств, использующих сырье с любыми размерно-качественными характеристиками;
- использование недревесных лесных ресурсов (продукция побочного пользования лесом, рекреационные свойства и т.п.);
- создание новых методов организации производства и новых продуктов;
- использование сезонных преимуществ хозяйственной деятельности лесных отраслей (лесозаготовки – зимой, лесное хозяйство – летом и т.п.);
- в целях увеличения трудовых ресурсов за счет привлечения к трудовой деятельности вторых членов семей на менее тяжелых работах, чем валка леса.

Позднее, в 1980-е годы, появились другие организационные формы интеграции производства и науки: производственные объединения (ПО), научно-производственные объединения (НПО), межотраслевые научно-технологические комплексы (МНТК), задачами формирования которых были обеспечение интеграции науки и производства в целях преодо-

ления технологической отсталости промышленных предприятий и активизация инновационной деятельности. Однако последовавший в годы реформ кризис и резкое сокращение инвестиций не позволили реализовать эти цели.

В советский период основными критериями экономической эффективности объединений были народнохозяйственная эффективность и целесообразность. В рыночной экономике критерием экономической эффективности является коммерческая прибыльность, поэтому возникает значительно больше разнообразных форм объединений, чем в плановой. В 1990-х годах активизировались интеграционные процессы в российском лесном секторе, оценка которых выполнена на основе изучения трудов М.Л. Карпачевского [5]. Ученый выделил три группы интеграционных структур.

Первая группа – объединения на базе крупных целлюлозно-бумажных предприятий (ЦБП), которые в ходе приватизации 1990-х годов частично или полностью были выкуплены иностранными инвесторами. ЦБП скупали частные предприятия, занимающиеся лесозаготовками (леспромхозы), с целью обеспечения бесперебойных поставок сырья. К ним относятся: «Илим Палмп Энтерпрайз», «Титан», Архангельский ЦБК, Сыктывкарский ЛПК, «Светогорск», «Соликамскбумпром», «Кондопога», «Волга», Сегежский ЦБК, Усть-Илимский ЛПК, Соломбальский ЦБК, Байкальский ЦБК.

Вторая группа объединений формировалась из леспромхозов на базе деревообрабатывающих предприятий: Онежский ЛДК, Усть-Илимский ЛДЗ, Новоенисейский ЛХК, Лесосибирский ЛДК № 1, Соломбальский ЛДК, Лесозавод № 3, Сыктывкарский ЛДК, Лесозавод № 2, ЛДК № 3 и «Игирма-Тайрику».

Третью группу составляли региональные объединения леспромхозов (горизонтальная интеграция): предприятия «Кареллеспрома», объединения «Свердловсклеспром», «Башлеспром», «Национальная лесоиндустриальная компания», Ассоциация «Вологодские лесопромышленники», Корпорация «Вологдалеспром», «Иркутсклеспром», «Новгородские лесопромышленники», «Кировлеспром», «Тернейлес».

Работа таких объединений приносила значительные экономические выгоды головному предприятию, а лесозаготовители оказывались в зависимом от него положении, за исключением объединений третьей группы, где участники интеграции находились практически в одинаковых условиях.

Побудительными мотивами к объединению предприятий лесного сектора в крупные структуры в рыночных условиях являются следующие факторы:

- «низкая» глубина переработки древесного сырья;
- слабая диверсификация производства;
- рост издержек производства, связанный с ростом цен на энергоносители;
- слабое развитие внутреннего рынка;
- нелегальные рубки и экспорт древесины;
- региональные конфликты между властями и инвесторами [5. С. 30];
- необходимость восстановления разрушенных в переходный период производственно-технологических связей и структурной перестройки производства;
- возможность координации деятельности всех звеньев технологической цепочки;
- привлечение крупных финансовых ресурсов;
- рост трансакционных издержек в результате изменения характера взаимоотношений между предприятиями в рыночных условиях хозяйствования;
- динамические изменения конъюнктуры рынка продукции из биомассы древесины.

Негативным моментом при формировании интеграционных структур в лесопромышленном комплексе является отсутствие собственной сырьевой базы (в интеграции не участвуют субъекты лесного хозяйства), вследствие чего участились случаи незаконных рубок, наносящих значительный урон лесному фонду и экономический ущерб государству.

В последние годы значительное внимание уделяется проблеме интеграции лесного хозяйства и лесной промышленности, но юридически закрепленного экономического механизма интеграции в настоящее время нет, что свидетельствует о необходимости создания

трехуровневой (федеральный, региональный и местный уровни) системы инновационных механизмов интеграции хозяйственных субъектов в лесном секторе экономики России.

Для формирования трехуровневой системы инновационных механизмов интеграции хозяйствующих субъектов российского лесного сектора на федеральном, региональном и местном уровнях необходимо разработать: инновационную организационно-производственную структуру системы интеграции хозяйствующих субъектов; инновационные механизмы финансирования хозяйствующих субъектов, входящих в организационно-производственную структуру системы интеграции.

Литература

1. Finland Exports business guides 6/2000 Volume 8 // The Significance Of The Forest Cluster For Finland And The European Union // Dr. Kolevi Hemila Minister of Agriculture and Forestry.
2. Ансофф И. Стратегическое управление. М.: Экономика, 1989. 519 с.
3. Антонов Г.Д., Иванова О.П. Предпосылки интеграции и эволюция интеграционных структур в России // Менеджмент в России и за рубежом. 2002. № 5.
4. Бондарева Т.А. Что дает рациональное использование лесных ресурсов? // Сборник научных трудов аспирантов и докторантов Московского Государственного Университета леса. - Вып. 309(4). М.: МГУЛ, 2002.
5. Карпачевский М.Л. Хозяева российского леса. М.: Изд-во Центра охраны дикой природы, 2001. 115 с.
6. Колосовский Н.Н. Теория экономического районирования. М.: Мысль, 1969. 335 с.
7. Лесное хозяйство Канады: ресурсы, торговля, управление // <http://www.derevo.info/content/detail/678>.
8. Лесной комплекс в Карпатах / Верес В.Ф., Горошко С.К., Оксанич Э.Я., Петров А.П., Замиховский М.А. - М.: Лесная промышленность, 1983. 232 с.
9. Моисеева Е.Е. Государственное управление лесным хозяйством Германии // http://science-bsea.narod.ru/2006/les_2006/moiseeva_gosud.htm.
10. Организация и оперативное управление на предприятиях лесной промышленности и лесного хозяйства: Учебник для вузов / Чинченко Е.М., Сиротов В.И., Цивин В.Л., Ильин В.А., Смирнова А.И. М.: Лесная промышленность, 1989. 352 с.
11. Писаренко А.И., Страхов В.В. О лесной политике России. М.: Юриспруденция, 2001. 160 с.
12. Стратегии бизнеса: Аналитический справочник. / под общ. ред. академика РАЕН, д.э.н. Г.Б. Клейнера. М.: КОНСЭКО, 1998.

Юриспруденция

Н.В. Курьсь

КОНЦЕССИОННО-ПРАВОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Аннотация. В статье исследуются концессионно-правовые отношения в теоретическом и практическом аспектах. В качестве первого освещаются научные исследования последних лет, посвященные данной тематике, практическую точку зрения характеризует следование ключевых положений ФЗ «О концессионных соглашениях» от 21 июля 2005 г. №115-ФЗ и его основных недостатков.

Ключевые слова: инвестиции, иностранные инвестиции, концессия, концессионный договор, концессионер, концедент, соглашение о разделе продукции.

Инвестиционная политика современного российского государства с каждым годом выходит на новый, более активный и требовательный в плане привлечения инвестиций виток. Корректируется, обновляется и дополняется законодательство об инвестициях, государственно-частном партнерстве, в том числе относительно концессионного сотрудничества. Вместе с тем, специалисты констатируют, что концессионные проекты так и не получили широкого распространения в России, несмотря на то, что со дня принятия закона №115-ФЗ прошло шесть лет. Причин этого, в частности, несколько: «законодательное регулирование не позволяет на текущий момент привлекать частное финансирование для концессионного проекта, жестко закрепляет основные условия концессионного соглашения и не дает возможности его сторонам закреплять договоренности исходя из коммерческих потребностей проекта, а также не предоставляет необходимой защиты прав концессионеров и кредиторов. Соответственно, потенциальные девелоперы и кредиторы не желают участвовать в концессионных проектах» [1].

Интерес к концессионной тематике возрос в связи с принятием Федерального закона РФ №225-ФЗ «О соглашениях о разделе продукции» от 30 декабря 1995 г. [2]. С тех пор имеет устойчивую тенденцию увеличиваться количество научных работ, посвященных проблемам концессионных отношений и законодательства. Среди подобных исследований необходимо выделить труды С.А. Сосны, А.А. Конопляника, М.А. Субботина [3, 4, 5, 6, 7] – членов группы по разработке концессионного законодательства, а также Н.Г. Дорониной и др.

Однако парадокс заключается в том, что закон, регулирующий, по сути, вид концессионного договора, был принят раньше, чем базовый Федеральный закон от 21 июля 2005 г. №115-ФЗ «О концессионных соглашениях». Профессор Н.Г. Доронина, специалист в области правового регулирования иностранных инвестиций, в своей проблемной статье «К вопросу о правовой природе концессионных соглашений» отмечает, что наш законодатель слишком поверхностно подошел к решению проблемы правовой природы концессионных соглашений [8, с. 51], остановившись надолго на принятии Закона «О соглашениях о разделе продукции». Изначально разработчики этого Закона планировали его включить всего лишь в качестве самостоятельного раздела в структуру «будущего закона, регулирующего концессионные и иные договорные отношения с иностранными инвесторами» [9, с.182, 10, с.37-46, 11, с.148]. Авторы так и не смогли уяснить, в чем принципиальная разница между Законом «О СРП» и

концессионным договором, о котором говорит С.А. Сосна в «Комментарии к Федеральному закону «О соглашениях о разделе продукции» [2]. В этой работе он указывает на «лишь одно отличие концессии от СРП. В соответствии с концессионным договором инвестору принадлежит право собственности на произведенную им продукцию, что сближает его с арендой...», в то время как «в соответствии с СРП инвестору принадлежит право собственности только на часть произведенной им продукции» [2, с. 30]. СРП и концессию автор называет двумя основными формами недропользования в форме договора и лицензионного соглашения. Но далее отмечается, что СРП и концессии имеют общие признаки в виде лицензирования недропользовательской деятельности инвестора, носящего регистрирующий характер. Такое положение определяет двойственный характер и СРП, и концессии в сочетании гражданско-правовых и административно-правовых категорий. С.А. Сосна отмечает, что «перечисленные признаки (общие - прим. авт.) придают Соглашению некоторый специфический концессионный колорит» [2, с. 33].

В совместной работе А.А. Конопляника, и М.А. Субботина указывается, что «О концессионных договорах» – закон рамочный, в котором определяются права и обязанности инвестора, подписавшего с государством контракт на долгосрочное пользование объектом, находящимся в собственности государства, или занявшимся видом деятельности, составляющим государственную монополию (что можно, чего нельзя), и гарантии государства, в то время как Закон «О соглашениях о разделе продукции» – закон с ясной спецификой недропользования, который содержит механизм реализации соглашения (получил право на разработку месторождения, нашел минеральное сырье, сразу отчислил государству определенный процент от добычи, возместил из произведенной продукции свои издержки, получил прибыль, разделил ее с государством, заплатил налоги, все детали - в соглашении) [12]. Таким образом, законы соотносятся как «общее» и «частное».

В более поздней работе «Концессионные соглашения: теория и практика» С.А. Сосна критикует последние версии законопроекта о концессиях, которые подчеркивают, что «закон не распространяется на отношения, регулируемые такими соглашениями» [9]. Ученый говорит о наиболее близкой «по существу вопросу позиции законопроекта о концессиях в редакции 1996 г. (прошедшая первое чтение в Госдуме), который трактовал концессионный договор как наиболее всеобъемлющую договорную форму недропользования, включающую в себя в качестве более узких, частных договорных разновидностей так называемую «модернизированную» концессию (типа «налог плюс роялти»), соглашение о разделе продукции и сервисный контракт с риском или без риска» [9, с.182–183]. Здесь же он называет общие признаки всех трех форм природопользовательских договоров: единый концедент в лице государства; одни и те же концессионные объекты, одинаковый – концессионный – порядок предоставления пользовательских прав, исключительный характер таких прав у СРП и концессии.

Таким образом, автор данной работы принимает точку зрения, согласно которой Соглашение о разделе продукции является лишь одной из концессионных форм недропользования, и в дальнейшем изложении опирается на этот тезис. Этот факт также указывает, что обеспечение полноценного функционирования иностранного капитала на территории Российской Федерации во всех известных формах приложения было невозможным без базового Закона о концессиях.

Основываясь на сравнительном исследовании, можно утверждать, что современный Федеральный закон от 21 июля 2005 г. №115-ФЗ «О концессионных соглашениях» все-таки в своей основе перенял условия и положения, выработанные за всю историю отечественной и мировой концессионной практикой [13].

Закон о концессиях формулирует ключевые тезисы концессионного соглашения и определяет наиболее общие параметры концессионных отношений. В рамках нормативных положений стороны устанавливают условия договора, учитывая указанные в законе существенные положения, а также имеют возможность установить иные, не противоречащие законодательству Российской Федерации. При этом они исходят из гражданско-правовых принципов равенства сторон, их ответственности по принятым обязательствам, нерушимости условий договора. Этими же принципами обуславливается порядок разрешения возникающих из договора конфликтов сторон. В законе превалирует частно-правовая модель концессионного договора, что обусловлено современными мировыми тенденциями развития права.

Основные условия Закона включают общепринятые и перечисленные выше положения, свойственные только концессионному соглашению. Во-первых, одной стороной – кон-

цедентом в концессионном договоре всегда выступает государство, от имени которого выступает Правительство Российской Федерации или уполномоченный им федеральный орган исполнительной власти, либо субъект Российской Федерации, от имени которого выступает орган государственной власти субъекта Российской Федерации, либо муниципальное образование, от имени которого выступает орган местного самоуправления (п.1 ч.1 ст. 5 Закона). Российское государство выступает в концессионных отношениях в двойной роли: в качестве субъекта гражданского права и органа публичной власти. Второй стороной – концессионером является индивидуальный предприниматель, российское или иностранное юридическое лицо либо действующие без образования юридического лица по договору простого товарищества (договору о совместной деятельности) два и более указанных юридических лица (п.2 ч.1 ст.5 Закона), т.е. российские и иностранные инвесторы. Наряду с тем, что по смыслу Закона предметом договора может быть только деятельность, связанная с использованием объектов государственной собственности, а также сами виды деятельности, являющиеся государственной монополией, к сожалению, искусственно оказались ограничены сферы применения концессионных соглашений – исключены, например, природные ресурсы. «Законодательство получается куцее», – как философски констатировал один из экспертов. В своё время председатель подкомитета Госдумы по лесным ресурсам Владимир Крупчак отмечал, что при несомненных достоинствах закона там ничего не сказано об объектах, связанных, например, с освоением лесных ресурсов [13].

Концессионное соглашение предусматривает срочный и возмездный порядок уступки прав со стороны государства. Что касается, в частности, сроков действия договора, то они устанавливаются по соглашению сторон: «Срок действия концессионного соглашения устанавливается концессионным соглашением с учетом срока создания и (или) реконструкции объекта концессионного соглашения, объема инвестиций в создание и (или) реконструкцию объекта концессионного соглашения и срока окупаемости таких инвестиций, других обязательств концессионера по концессионному соглашению» (ст. 6 Закона). Кстати, на стадии проекта Закона, именованного «О концессионных и иных договорах, заключаемых с иностранными инвесторами», определялось, что в любом случае такой срок не может превышать 30 лет и к моменту истечения этого предельного срока по просьбе иностранного инвестора и с согласия государства договор может быть продлен еще на один срок, не превышающий 20 лет. Таким образом, общий максимальный срок действия концессионного договора предполагался 50 лет. Возмездный порядок предоставления концессионных прав обязывает инвестора своевременно и полностью уплачивать государству установленные платежи (концессионную плату) в следующих формах: 1) определенных в твердой сумме платежей, вносимых периодически или единовременно в бюджет соответствующего уровня; 2) установленной доли продукции или доходов, полученных концессионером в результате осуществления деятельности, предусмотренной концессионным соглашением; 3) передачи концеденту в собственность имущества, находящегося в собственности концессионера (ч. 2 ст. 7 Закона). Стороны концессионного соглашения могут предусматривать в концессионном соглашении сочетание указанных форм концессионной платы. Закон о концессионных соглашениях подтверждает еще одно фундаментальное право частного инвестора, на котором зиждутся концессионные отношения, – право собственности на произведенную им продукцию и доходы, полученные в результате концессионной деятельности, за исключением, разумеется, упомянутых выплат государству (ч. 7 ст. 3 Закона). Вместе с тем в Закон о концессиях включена существенная оговорка, уже встречавшаяся нам в концессионных договорах НЭП, в соответствии с которой в соглашение может быть внесено условие, обязывающее иностранного инвестора реализовать на внутреннем рынке России определенную часть произведенной им продукции на условиях, согласованных в договоре (п. 6 ч. 2 ст.10 Закона). Еще одна характерная черта концессионного договора, отличающая его, в частности, от договора аренды и имеющая глубокие исторические корни, нашла отражение в современном законе. По истечении срока действия концессионного договора имущество инвестора, использовавшееся непосредственно для осуществления договорной деятельности (речь идет об основных средствах), безвозмездно передается в собственность государства (ч. 1 ст. 14 Закона).

Помимо тех условий, о которых речь шла выше, в соглашение включаются положения, касающиеся, в частности: видов деятельности, работ и услуг, которые инвестор обязан осуще-

ствить по договору; обязательств иностранного инвестора по обеспечению финансирования работ; сроков действия соглашения; обязательств инвестора по обеспечению при осуществлении деятельности, предусмотренной концессионным соглашением, возможности получения потребителями соответствующих товаров, работ, услуг; обязательства предоставлять потребителям установленные федеральными законами, законами субъекта Российской Федерации, нормативными правовыми актами органа местного самоуправления льготы, в том числе льготы по оплате товаров, работ, услуг, в случаях и в порядке, которые установлены концессионным соглашением; порядка пересмотра условий договора в случае принятия нового законодательства; обязательств государства по обеспечению недискриминационного режима деятельности концессионера; порядка разрешения споров, а также некоторые другие общие положения.

Глава 2 Закона посвящена гарантиям прав и законных интересов концессионеров. Гарантии, которые концессионер получает в соответствии с законом, обусловлены современными мировыми тенденциями развития права и их транснационализмом. Концессионер имеет право на возмещение убытков, причиненных ему в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации. Гарантии частному инвестору подразумевают также защиту прав концессионера при неблагоприятном для него изменении законодательства. Споры сторон, возникающие из концессионного соглашения, разрешаются в соответствии с законодательством Российской Федерации. Такой порядок основан на юрисдикции российских судебно-арбитражных учреждений в отношении всей сферы концессионных отношений.

Однако, на наш взгляд, положения концессионного соглашения в первоначальной редакции закона носили слишком общий характер. Действительно, законодатели изначально создали так называемый «рамочный» закон, без конкретизирующих его актов. Аналогичную позицию занимали аналитики, говоря, что в законе немало неопределенностей, а на уровне решений правительства предстоит сделать более внятные положения отдельных статей закона. И только тогда выяснится, как указывал М. Субботин, насколько закон в принципе работоспособен [14]. В настоящее время Закон «О концессионных соглашениях» претерпел значительные изменения после ряда редакций, в частности от 02.07.2010.

Но даже эти редакции не изменили мнения специалистов о некоторых, сдерживающих активность потенциальных концессионеров, факторах. К последним, в частности, относится: «обязанность концессионера исполнять свои обязательства по концессионному соглашению «за свой счет» и ставит под сомнение правомерность строительства/реконструкции/технического обслуживания объекта концессионного соглашения концессионером за счет заемных средств. Как показывают практика и опрос ведущих финансовых организаций России, таких как Сбербанк РФ и ВТБ Капитал, банки готовы рассматривать участие в концессионных сделках и предоставлять до 80% финансирования в виде заемных средств. В международной практике к концессионным соглашениям широко применяется подход проектного финансирования, когда концессионный проект выполняется за счет заемных средств» [1]. Кстати, историко-правовой опыт показывает, что невозможность использования заемных средств в процессе осуществления концессионной деятельности – негативный аспект. Так, 7 сентября 1926 г., на закате концессионной политики СССР, СНК СССР вынес постановление, в котором кредитование концессионеров советскими банками по общему правилу признавалось нецелесообразным, хотя концессионеры активно пользовались советскими кредитами. Теперь (как и до активной стадии в развитии концессионирования) концессионер обязывался ввозить из-за границы весь капитал, необходимый для осуществления концессионного договора. Закрывание кредита подрывало веру иностранных предпринимателей в гарантии, выдаваемые правительством в рамках концессионных договоров, и отказ в кредитовании был воспринят многими как нарушение договорных прав [15, с. 83].

Второй фактор, сдерживающий рост рынка проектов в области государственно-частного партнерства, – запрет на залог объекта концессионного соглашения, хотя предоставление его в залог инвесторам является необходимым условием получения концессионером финансирования и исполнения обязательств [1]. Однако история концессионных отношений говорит о закономерности такого требования, так как согласно § 39 Типового концессионного

договора периода НЭП 20-х гг. XX века основное имущество концессионного предприятия не подлежит ни отчуждению, ни залогу, а равно на него не может быть обращено взыскание третьих лиц [15, с. 254]. Современные специалисты говорят, что запрет залога объекта концессионного соглашения необходимо отменить и предусмотреть возможность залога в пользу инвесторов [1].

В своё время наш законодатель слишком поверхностно подошел к решению проблемы правовой природы концессионных соглашений [9, с. 31], остановившись на принятии Федерального закона РФ №225-ФЗ «О соглашениях о разделе продукции» от 30 декабря 1995 г. [7, с. 30]. Тем более что разработчики этого Закона изначально планировали его включить всего лишь в качестве самостоятельного раздела в структуру «будущего закона, регулирующего концессионные и иные договорные отношения с иностранными инвесторами» [10, с. 148, 11, с. 37–46]. Предмет регулирования данного Закона достаточно узок – поиск, разведка и добыча полезных ископаемых. Современный Закон «О концессионных соглашениях», как уже говорилось, в объектах концессионного соглашения не содержит указанной позиции. Но в целом же, концессионные соглашения, наряду с правом эксплуатации различных естественных богатств с компенсационной выгодой для себя, предоставляют концессионерам разработку и развитие каких-либо производств, необходимых государству, осуществления публично-правовой функции государства и т.п. Следовательно, соглашение о разделе продукции является лишь одной из концессионных форм недропользования.

Отличие одной формы приложения иностранного капитала от другой заключается в распределении продукции, полученной в результате деятельности. На основе Соглашения распределение между государством и иностранным инвестором происходит на условиях в нем оговоренных. По концессионному соглашению собственником продукции является концессионер. Несмотря на то, что у концессионного соглашения и соглашения о разделе продукции немало общих черт, начиная от субъектов, срочности, возмездности и заканчивая гарантиями, предоставляемыми инвестору со стороны РФ, мы соглашаемся с мнением С.А. Сосны о нетождественном характере этих договоров [2, с. 33]. В то же время, мы утверждаем, что Соглашение о разделе продукции является по своей природе не только формой (разновидностью) договорного недропользования [2, с. 28], а, в еще более широком смысле, – специфической формой концессионного договора (соглашения). Следовательно, внесение в объект концессионных соглашений таких сфер как, например, природные ресурсы представляется целесообразным, тем более, что не все многообразие их применения охватывается Соглашением о разделе продукции. Тем не менее, обеспечение полноценного функционирования иностранного и отечественного капитала на территории Российской Федерации во всех известных формах приложения возможно посредством полноценной реализации Закона «О концессионных соглашениях», включая принятие и исполнение всех конкретизирующих его актов, а также обусловленных практическими требованиями поправок.

Специалисты еще на начальном этапе действия Закона предлагали государству подготовить набор проектов модельных договоров концессии для различных видов экономической деятельности в разных сферах [16, с. 77]. Однако бытует мнение, что всякое концессионное соглашение представляет собой не типовой договор, а сугубо индивидуальный контракт, соответствующий конкретному проекту. Действующее законодательство предусматривает заключение концессионного соглашения по типовой форме, утверждаемой правительством РФ, которая содержит распределение прав и обязанностей сторон концессионного соглашения применительно к определенному виду концессионного проекта. В то же время возможность распределения инфляционного, валютного, процентного рисков, рисков падения спроса на услуги, оказываемые в рамках эксплуатации объекта концессионного соглашения, и других рисков между сторонами концессионного соглашения в соответствии с достигнутыми между ними коммерческими договоренностями также можно назвать необходимым условием участия предпринимателей в концессионных проектах. На основании этого, член правления Центра развития ГЧП Ю. Туктаров призывает отменить правило об утверждении и применении типовых форм концессионных соглашений [1].

Однако для проектирования, строительства, управления, эксплуатации существуют различные варианты, касающиеся числа контрактов, характера оплаты, сроков, разделения рисков, инвестиционных обязательств и т.д. [2]. На наш взгляд, существовавшая практика

типовых договоров НЭП для разных направлений деятельности доказала их целесообразность, поскольку уже тогда условия, встречавшиеся в концессионных договорах, не были исчерпывающими и носили индивидуальный характер, находясь в зависимости от особенностей каждого конкретного случая. Сегодня законодатель перенял эту практику, и типовые концессионные договоры существуют и весьма востребованы практикой. Тем более, что на концессионное сотрудничество возлагаются огромные надежды и в дорожном строительстве, и в промышленном производстве, и в сфере жилищно-коммунальных услуг, а также в ряде других отраслей, причем не беспочвенно.

Таким образом, в настоящее время концессионное законодательство проходит своеобразное «апробирование» практическими проектами. Учитывая значительный срок реализации концессионных проектов, делать безоговорочные суждения об успехе или неуспехе действующей нормативно-правовой базы было бы преждевременным. Однако, при грамотном использовании, заложенная научная основа позволит избежать волюнтаристского подхода к решению ряда проблем, а корректировки, связанные с практическим воплощением концессионных отношений, – необходимая составляющая их развития, которая подчеркивает активность деятельности в этом направлении.

Литература

1. Нормы быют по тормозам. Развитие ГЧП сдерживают противоречия в законодательстве // Российская Бизнес-газета. 2011. 18 октября.
2. *Сосна С.А.* Комментарий к Федеральному закону «О соглашениях о разделе продукции». М.: Юристь, 1997.
3. *Субботин М.А.* О проекте закона «О соглашениях о разделе продукции» // Экономические и правовые вопросы недропользования в России. Бюллетень. 1995. Т. III. № 8,
4. *Субботин М.А.* Вместо налогов – раздел продукции // Российская газета. 1995. 11 мая.
5. *Субботин М.А.* Сторонники и противники PRODUCTION SHARING борются за льготы для иностранцев // Сегодня. 1995. 18 июля.
6. *Конопляник А.А.* Закон об СРП выгоден всем: инвесторам, правительству и регионам – как сырьевым, так и машиностроительным // Финансовые Известия. 1995. 20 июля.
7. *Конопляник А.А.* Закон «О соглашениях о разделе продукции» поможет ликвидировать инвестиционную пассивность // Финансовые Известия. 1996. 26 января.
8. *Доронина Н.Г.* К вопросу о правовой природе концессионных соглашений // Право и экономика. 1997. № 1.
9. *Сосна С.А.* Концессионное соглашение: теория и практика. М., 2002.
10. *Платонова Н.* Правовые проблемы осуществления иностранных и отечественных инвестиций в экономику России на основе соглашений о разделе продукции // Хозяйство и право. 1996. № 6.
11. *Теплов О.М.* Вопросы недропользования при формировании законодательства о концессиях в РФ // Государство и право. 1994. № 11.
12. *Конопляник А.А., Субботин М.А., Сосна С.А.* Россия стремится обрести концессионное законодательство // Финансовые Известия. 1994. 20 декабря.
13. *Курьсь Н.В.* Правовое регулирование иностранного предпринимательства и иностранного частного капитала в истории промышленного развития России. М.: РИО РТА, 2007.
14. *Субботин М.* Государство подбивает капитал на концессионные соглашения // Российская газета. 2005. 26 июля.
15. *Курьсь Н.В., Тищенко С.Г.* Концессионное право Союза ССР: история, теория, факторы влияния. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2011.
16. *Конопляник А.А.* Договор концессии: возможное место и роль в инвестиционном законодательстве России // Нефтегаз, Энергетика и Законодательство. Вып.1. 2001–2002. М., 2002.

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ ЦЕРКОВНОГО ПРАВА В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Аннотация. В статье рассматриваются подходы к пониманию церковного права как элемента системы права Российской империи синодального периода, регулирующего правовое положение черного (монашеского) духовенства.

Ключевые слова: церковное право, система права, Русская Православная Церковь, монашество, правовое регулирование, церковная реформа, синодальный период, секуляризация, Святейший Правительствующий Синод.

Церковное право является одной из важнейших составных частей фундамента, на котором сформировалась не только российская, но и европейская правовая система. Как отмечает М.Ю. Варьяс, «по существу церковное право стало первой общеевропейской наднациональной системой права; институты и правовые процедуры, порожденные этой протосистемой, опередив национально-правовое регулирование по времени своего появления, легли в основу сформировавшихся позднее национальных правовых систем Европы» [1].

Современное исследование проблем церковного права взаимосвязано с правовыми и нравственными процессами, происходящими в современном российском обществе. Православное церковное право является одной из важнейших составных частей фундамента, на котором сформировалась российская правовая система. Этот факт признается не только отечественными, но и зарубежными правоведами [2]. Более того, влияние церковного права на национальный правопорядок было значительным в течение практически всей российской истории. В настоящее время каноническое право является действующей нормативно-регулятивной системой в рамках Русской Православной Церкви – одной из влиятельнейших организаций нашего общества. Но, несмотря на более чем тысячелетнюю историю существования Русской Православной Церкви, даже «в настоящее время довольно сложно определить ее место в системе российского права» [3].

В Древнем Риме существовало деление права на две ветви: *jus publicum* (публичное право) и *jus privatum* (частное право). В «Дигестах» императора Юстиниана сказано: «Изучение права распадается на две части: публичное и частное. Публичное право, которое (относится) к положению римского государства, частное, которое (относится) к пользе отдельных лиц» [4]. Опираясь на это классическое разделение, многие из правоведов и канонистов пытались отнести церковное право к одному из названных институтов, либо само церковное право разделяли на церковное публичное и церковное частное право. В Риме религия вполне отождествлялась с государственными интересами, поэтому и *jus sacrum* (священное право) в «Дигестах» совершенно последовательно рассматривается как часть публичного, государственного права: «Публичное право включает в себя святыни (*sacra*), служение жрецов, положение магистратов» [4]. Такую классификацию права восприняли и некоторые христианские канонисты, не только западные, но и русские. Профессор Н.С. Суворов писал: «В церковном праве нет надобности различать публичное и частное право, потому что все вообще церковное право носит публичный характер» [5].

Г. Пухта и Ф. Савиньи отмечали, что римляне рассматривали «священное право» (*jus sacrum*) лишь как часть «публичного права» (*jus publicum*), что соответствовало характеру их религии. Но право Христианской Церкви представляет собой третью ветвь права, наравне с частным и публичным (общественным правом) [6].

Представители католической церкви, всячески подчеркивая независимость и самостоятельность церкви по отношению к государственной власти, включали взаимоотношения между государством и церковью в область международного права [7].

Не все и православные канонисты разделяли точку зрения профессора Н.С. Суворова: епископ Никодим (Милаш), профессор А.С. Павлов, профессор В.А. Цыпин. Например, профессор В.А. Цыпин указывает, что сращение церковного права с государственным законодательством представляет собой лишь исторический феномен, который имеет и свое начало, не совпадающее с рождением Церкви, и свой теперь уже очевидный конец. Кроме того, Вселенская Церковь не замыкается государственными границами, поэтому универсальное церковное законодательство не может быть частью государственного законодательства, всегда национально или по меньшей мере территориально ограниченного, таким образом, право, определяющее внутрицерковные отношения, своим происхождением не обязано государству и не является частью государственного, публичного права. Но нормы внешнего церковного права, т.е. нормы, регулирующие отношения Церкви как одного из общественных союзов с другими общественными образованиями, прежде всего с государством, регулируются согласно государственной воле, и здесь речь идет уже не о Вселенской, а о поместной церкви [7].

Говоря о формировании системы церковного права, хотелось бы привести классификацию, предложенную профессором А.А. Дорской, которая выделяет три подхода. Первый – богословский, представленный митрополитом Филаретом, митрополитом Макарием, епископом Иоанном, протоиереем И.М. Скворцовым, М.И. Богословским, П.А. Лашкаревым, А.И. Алмазовым, которые считали церковное право производным от догматики. Второй – юридический, основы которого заложил архимандрит Гавриил, а затем продолжили Н.К. Соколов, А.С. Павлов, М.И. Горчаков, М.А. Остроумов, И.С. Бердников, М.Е. Красножен. Они применяли к церковному праву юридические конструкции, известные правовой науке того времени. Третий подход базировался на неприятии существующего положения православной церкви в России и проявлялся либо в отказе от построения системы церковного права (Н.А. Заозерский), либо в обращении к западным системам (М.П. Альбов, Н.С. Суворов). Главное отличие богословского и юридического подходов состояли в том, что первый в качестве системообразующего элемента рассматривал правовое положение церкви и ее взаимоотношения с государством, второй же занимался изучением прежде всего правового статуса верующих, как духовенства, так и мирян. И богословское, и юридическое направления в науке церковного права изучали такие институты, как церковно-имущественное право, наказующая власть церкви, семейное право, церковно-судебное право [8].

Что касается классификации церковного права, то в зависимости от его источника оно делится на божественное (*divinum*) или естественное (*naturale*), т.е. основанное на ясно выраженной божественной воле, и положительное (*positivum*) или церковное право в узком смысле слова, основанное на точно установленных законодательных актах самой церкви; в зависимости от вида регулируемых отношений на внутреннее (*internum*) церковное право – регулирующее внутреннюю жизнь церкви и внешнее (*externum*) церковное право – регулирующее ее отношения с иными общественными и политическими образованиями, прежде всего, государством. Церковное право разделяют также на писаное (*scriptum*), когда известные законы были изданы, утверждены и письменно изложены компетентной законодательной властью, и неписаное (*nonscriptum, per consuetudinem*), если оно хранилось в Церкви путем предания и обычая; и наконец, по территории действия, разделяется общее (*commune*) церковное право – под которым понимаются основные законы, обязательные для Вселенской Церкви, и частное (*particulare*) церковное право, которое составляют законодательные акты, действующие в отдельных поместных церквях.

Говоря о месте церковного права в системе российского права, необходимо помнить, что в дореволюционной юридической науке система права понималась в основном как совокупность публичного и частного права, но при этом шло формирование и отраслевого деления, дореволюционные юристы определяли церковное право как «особую правовую систему». Однако церковное право дореволюционной России имело свой объект регулирования – все сферы жизни, прямо или косвенно связанные с интересами церкви. Предметом церковного права были общественные отношения, возникающие в процессе осуществления прав церковной организации и верующих. К методам церковного права можно отнести как императивный, так и диспозитивный, при преобладании первого. Таким образом, применение к церковному праву дореволюционной России современных признаков отраслей права позволяют назвать его отраслью права. И, следовательно, церковное право Российской империи

можно определить как отрасль права, представляющую собой совокупность правовых норм, определяющих статус церквей, а также права и обязанности духовного сословия, подданных (граждан) в зависимости от отношения к ним [9]. Говоря о понятии церковного права синодального периода, нельзя не обратить внимание на квалификацию современными исследователями церковного права как «корпоративной правовой системы». В частности, М.Ю. Варьянс считает, что «корпоративное право как социальное явление можно определить как систему правил поведения, разработанных различными корпорациями как для регулирования своих внутренних отношений этих корпораций, так и отношений между этими корпорациями и иными внешними субъектами (другими корпорациями, частными лицами, государством), выражающих волю данной корпорации (через ее руководящие органы или иные процедуры волеизъявления членов корпорации), обеспеченных силой корпоративного, а в ряде случаев, государственного принуждения» [1]. Данное определение не совсем подходит для церковного права дореволюционной России, так как влияние церковного права на остальные отрасли права было слишком велико и церковное право Русской Православной Церкви регулировало жизнь не только духовенства, не только православных верующих, но в силу государственного положения православия – жизнь и деятельность абсолютно всех слоев российского населения. Таким образом, в отличие от современного периода, в синодальный период вряд ли можно рассматривать церковное право как право одной корпорации.

Церковное право как система юридических норм, определяющих устройство и деятельность Русской Православной Церкви, а также права и обязанности подданных в зависимости от отношения к ней, стало активно развиваться в XVIII в. Церковная реформа Петра Первого открыла новый этап в истории русской церкви, получивший впоследствии название синодального периода. В наибольшей степени реформа Петра Первого затронула черное (монашеское) духовенство. Все мероприятия, относящиеся к черному духовенству, были подчинены трем целям: уменьшению числа монастырей; установлению более тяжелых условий для принятия в монашество; приданию монастырям практического значения.

В синодальную эпоху характер взаимоотношений между церковью и государством существенно меняется. Симфония церковной и государственной власти подвергается деформации, смещается в сторону протестантского принципа главенства светского государя над всеми религиозными общинами подвластной ему территории – так называемого территориализма [7]. Святейший Синод, возглавивший церковное управление, относился к высшим государственным учреждениям, поэтому его указы и определения стали частью системы права. С другой стороны, Император реализовывал свою власть как «христианский государь». Государственные и церковные функции переплелись. Русская Православная Церковь обладала судебными, административно-распорядительными и отчасти законодательными функциями. А государство забрало часть традиционных церковных функций: общественное призрение, просвещение и т.д. При этом государственное право в XVIII – начале XX вв. оказало значительное влияние на церковные нормы. Это выразилось в отмене части древних канонических постановлений, приведении в соответствие церковных правил нормам Свода законов Российской империи, государственной защите церкви от преступлений. Церковное право с этого периода времени стало частью позитивного права. Но и церковное право тоже воздействовало на государственное право. Вероисповедный ценз играл решающую роль при определении правового статуса подданного Российской империи.

Привилегированное положение православной церкви в государственно-правовом сознании в этот период связывается уже не столько с тем, что учение ее истинно, сколько с тем обстоятельством, что православие, согласно основным законам государства, является вероисповеданием монарха и большинства его подданных. Государственная власть в эту эпоху жестко контролирует церковную жизнь. Соборы не созываются, а Святейший Правительствующий Синод действует не столько как орган высшей церковной власти, а в основном как правительственное учреждение, которое, подобно Сенату, Государственному Совету или Кабинету министров, имеет на то полномочия от Высочайшей власти. Все распоряжения Синода выходят под штемпелем «По указу Его Императорского Величества», кроме того, они подлежат визированию со стороны синодального обер-прокурора.

Развитие науки церковного права в конце XVIII – начале XX вв. выявило внутренние противоречия в соотношении государственного и церковного права. Положение церкви как

государственного учреждения не соответствовало новым юридическим принципам, выразившимся в лозунге «Свободная церковь в свободном государстве». К началу XX века наибольшую актуальность приобрел вопрос о правовом статусе личности, тогда как существующее церковное право преимущественно ориентировалось на защиту сложившихся публичных отношений. Особенно ярко это проявилось в годы первой русской революции. В последнее десятилетие существования Российской империи Предсоборным присутствием и Государственной думой предпринимались попытки превратить церковное право в самостоятельную систему, но взаимосвязь с государственным правом сделала этот процесс невозможным без изменения основных принципов самого государственного права.

В системе церковного законодательства синодальной эпохи профессор Н.С. Суворов различает «императорское церковное законодательство, указы и определения Святейшего Правительствующего Синода и государственное о Церкви законодательство» [5]. Различая «императорское церковное законодательство» и «государственное о Церкви законодательство», Н. С. Суворов делает это на том основании, что в императоре видит «верховного правителя в государстве и Церкви», который как глава церкви действует через Святейший Правительствующий Синод, а как глава государства – через Сенат, Государственный Совет или Кабинет министров. Суворов за норму принимает византийскую точку зрения, о том, что император является главой церкви, и сквозь такую призму смотрит на взаимоотношения между церковной и государственной властью в России.

По мнению В. Цыпина, с церковной точки зрения было бы правильно различать лишь два основных материальных источника русского церковного права синодальной эпохи: государство (Высочайшую власть и зависимые от нее органы правления: Сенат, Государственный Совет, Кабинет министров) и Церковь в лице Святейшего Правительствующего Синода, распоряжения которого приобретали законную силу в государстве вследствие их утверждения Государем, но церковный авторитет этих распоряжений покоился на том, что Синод – малый архиерейский собор – представлял весь российский епископат [7].

Более удобным для изучения источников права русской церкви в отношении монашесствующих данного периода является классификация, предложенная А.С. Павловым, – по сфере их действия на общецерковные, т.е. такие, которые составляют необходимое основание положительного церковного права всех христианских вероисповеданий; на источники, общие для русской церкви и других православных церквей – греческой, славянских и румынской; и на особенные источники права русской церкви [10]. Источники общецерковного права составляют только книги Священного писания. Источники церковного права, общие для русской церкви и других православных церквей, содержались, главным образом, в каноническом кодексе, унаследованном этими церквями от древней Вселенской церкви в эпоху разделения ее на восточную и западную. В русской православной церкви этот кодекс существовал в двух редакциях: в виде впервые напечатанной еще в патриарший период, а потом неоднократно переизданной от имени Святейшего Правительствующего Синода Кормчей книги и в виде им же с 1839 года издаваемой Книги Правил. Последняя была только новым русским изданием канонического кодекса православной церкви, но никак не формальной отменой прежней Кормчей.

К источникам обычного права русской церкви относились: Духовный Регламент Петра Первого, устав Духовных Консistorий, постановления по ведомству православного исповедания, Свод законов Российской Империи.

Таким образом, при определении места церковного права в системе права Российской империи синодального периода необходимо учитывать, что дореволюционные специалисты в данной сфере считали церковное право особой правовой системой, кроме того, к таким базовым понятиям, как система права, отрасль права, институт права, необходимо подходить исторически, учитывая терминологию рассматриваемого периода.

В синодальный период происходило становление системы церковного права. Большинство специалистов показывали, что церковное право имеет двойственную природу: в объективном смысле – это система норм, определяющих взаимоотношения Церкви с другими общественными институтами, а в субъективном – это совокупность прав и обязанностей верующих с учетом их положения в Церкви. Эта двойственность нашла свое отражение в системах церковного права, разработанных российскими учеными. Как правило, они выделяли

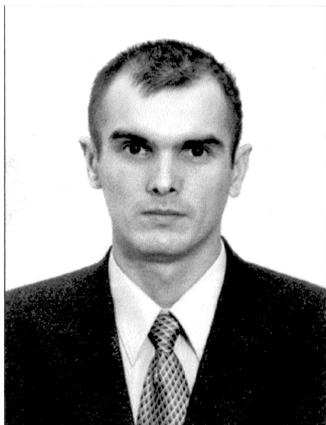
внешнее право Церкви – отношение Русской Православной Церкви к государству, к инославным и иноверным исповеданиям, и внутреннее право Церкви – церковное управление, законодательство, учение, богослужение, церковный суд и дисциплина.

В течение всего рассматриваемого периода правовое положение монашествующих регулировалось церковным и государственным законодательством с преобладанием последнего, что ярко демонстрирует существенное отличие православной церкви от католической.

Литература

1. *Варьяс М.Ю.* Церковное право в романо-германской правовой системе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997.
2. *Давид Р., Жоффре-Спинози К.* Основные правовые системы современности. М., 1998.
3. *Масляев А.И.* Русская Православная Церковь и право: комментарий. М., 1999.
4. Дигесты Юстиниана. М., 1984.
5. *Суворов Н.С.* Учебник церковного права. М., 1913.
6. *Puchta G.F.* Cursus der Institutionen. Bd. 1. Leipzig, 1856; *Savigny F. C.* System des heutigen romischen Rechts. Bd. 1. Berlin, 1890.
7. *Цыпин В.А.* Церковное право. М., 1994.
8. *Дорская А.А.* Церковное право в системе права Российской империи конца XVIII – начала XX вв.: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2008.
9. *Дорская А.А.* Место церковного права в системе права Российской империи // Правоведение. 2006. № 4.
10. *Павлов А.С.* Курс церковного права. Св. Троице-Сергиева Лавра, 1902.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (на примере правового положения евреев)

***Аннотация.** В статье рассматривается национальная и этноконфессиональная политика Российского государства конца XVIII – начала XX вв. на примере правового положения евреев.*

***Ключевые слова:** Этноконфессиональные процессы, нация, евреи, этноконфессиональная политика, Российская империя, этническое самосознание, ассимиляция.*

В современной России продолжается рост этнического самосознания. Этническое возрождение свойственно и для других стран мирового сообщества. Этническая идентификация в условиях глобализации и унификации служит сохранению социокультурной специфики той или иной этнической группы. Современная ситуация требует построения новых политических моделей взаимодействия государства с этническими и религиозными группами. Эта

необходимость подтверждается ростом религиозных организаций, культурных центров этнических меньшинств и т.п. Регистрация многочисленных религиозных объединений является следствием возрождения интереса к конфессиональной принадлежности в современной России. Обострение межэтнических конфликтов на территории Российской Федерации также заставляет исследователей обращаться к историческому опыту их разрешения, в том числе в рамках Российской империи последней четверти XVIII – начала XX вв., который является наиболее показательным, так как именно в тот период страна достигла максимальных территориальных размеров и включала многие религиозные конфессии.

Российская империя представляла собой крупное многонациональное государство, объединявшее народы со значительными социально-экономическими, культурными и конфессиональными отличиями. Успешно управлять таким государственным образованием можно было, только выработав эффективную политику в отношении основных неправославных исповеданий. Эта ситуация определяла дифференцированный подход российских властей к интеграции различных территорий и народов, их населяющих, в состав империи.

Основные принципы отношений с конфессиями были отражены в проводимой властями национальной политике, но при этом официальных документов, формулировавших принципы общегосударственной этноконфессиональной политики Российской империи, не существовало, сама политика формулировалась всегда применительно к конкретным этноконфессиональным группам на том или ином этапе развития империи. Известный исследователь национального вопроса в Российской империи В.С. Дякин отмечал: «Термин «национальная политика» используется условно, так как, строго говоря, у самодержавия не было должного единства в этом вопросе» [1].

Исследователь Б.Н. Миронов отмечает: «территориальная экспансия привела к тому, что Россия превратилась в многонациональную империю, в которой «титовая» нация оказалась в меньшинстве. В 1646 г. на долю русских приходилось около 95% всего населения страны, к 1917 г. – 44,6%. В составе империи насчитывалось около 200 больших и малых народов, различных по религии, языку и культуре, на долю которых приходилось 55,4% населения» [2]. Хотелось бы обратить внимание на то, что «на территории России сохранились этносы, не превышающие в своем числе нескольких тысяч и даже сотен человек, в то время как в Западной Европе давно исчезли с лица земли такие многочисленные народы, как бретонцы, гасконцы, бритты, пруссы» [3]. С народами, имевшими государственность, заключался формальный договор. С теми же, кто ее не имел, дело ограничивалось принесением присяги на верность русскому царю. При добровольном присоединении отношения между государствами строились в соответствии с договором, который, однако, не создавал федерации: присоединение осуществлялось в форме протектората, переходившего со временем в полное подчинение. Иначе решался вопрос при завоевании. В этом случае административ-

ное и общественное устройство завоеванных областей зависело от воли России, которая обычно предоставляла завоеванной области широкую автономию, однако не приводившую к ее обособлению в отдельное государство. Степень автономии зависела от многих обстоятельств. Но первым основным принципом политики на инкорпорированных территориях являлось сохранение существовавшего до вхождения в состав России административного порядка, местных законов и учреждений, отношений земельной собственности, верований, языка и культуры. При лояльности к центральной власти автономия увеличивалась, как это было с Финляндией, при проявлении враждебности и сепаратизма автономия сужалась, как это было с Польшей после восстаний 1830 и 1863 гг. Проходило несколько десятилетий, иногда столетий, прежде чем вводились общероссийские порядки, но вплоть до 1917 г. полной административной, общественной и правовой унификации в так называемых национальных окраинах и великороссийских губерниях не произошло.

Вторым, после уважения статус-кво, краеугольным принципом национальной политики являлось широкое сотрудничество центрального правительства с нерусскими элитами, которые в большинстве своем получали права русского дворянства, что облегчало для центральной власти управление новой территорией. Типичный пример дает Левобережная Украина, присоединение которой произошло без особых осложнений благодаря тому, что украинская элита вошла в состав российского дворянства на равных с ним правах.

Третий основной принцип национальной политики состоял в создании некоторых привилегий в правовом положении нерусских сравнительно с русскими: они не закрепощались, не рекрутировались в армию наравне с русскими, имели налоговые льготы и др.

Согласно четвертому принципу национальной политики этнические и национальные категории не служили определяющими для продвижения по социальной лестнице. Благодаря этому между социальным статусом и национальностью отсутствовала связь, а политическая, военная, культурная и научная элиты России были многонациональными, включавшими протестантов-немцев и финляндцев, татар-мусульман, католиков-поляков и представителей многочисленных нерусских народов. Составной частью многонациональной правительственной политики являлось то, что правительство с помощью налоговой системы намеренно поддерживало такое положение в империи, чтобы материальный уровень жизни нерусских, проживавших в национальных окраинах, был выше, чем собственно русских. Нерусские народы всегда платили меньшие налоги и пользовались льготами. Перечисленные принципы национальной политики оставались общими для всего периода империи, но их реализация в существенной степени зависела от отношения к русскому господству со стороны элиты инкорпорированного народа и других факторов. Во-первых, важную роль играли традиции государственности и высокоразвитой культуры, т.е. имел или не имел народ до присоединения свою территорию, границы, признаваемые мировым сообществом, администрацию, писанные законы, письменность, искусство, литературу и т.д. Эти традиции влияли как на политику российского правительства, так и на поведение национального меньшинства. Яркий пример – Польша и Финляндия. Польша имела традиции государственности, Финляндия – нет. В результате в одном случае – непрерывная война, закончившаяся разрывом, во втором – сотрудничество, закончившееся мирным разводом.

Во-вторых, существенное значение имело сходство или различие религий и культур. Сравнительно мало проблем русскому правительству доставляли Грузия, Армения, Украина, Белоруссия и Молдавия и очень много – мусульманские народы. Христианские народы, за исключением поляков, оказывали несравненно меньшее сопротивление русской экспансии, чем исламские [2].

В процессе становления российской цивилизации между историческими деноминациями России сложились, хотя и не сразу, в целом достаточно лояльные отношения, основанные на взаимоуважении и веротерпимости. Традиционные религиозные организации – Русская православная церковь, организации мусульман или буддистов – не занимались взаимным прозелитизмом, до сегодняшнего времени не вторгались на «религиозную территорию» доминирующей в данном этносе или регионе религии с агрессивной проповедью своей веры, равно как и доминирующая Русская православная церковь не препятствовала исповеданию и отправлению культа других религий на своей канонической территории [3]. При этом российские императоры выступали за целостность государства и крайне негативно от-

носились ко всем попыткам зародить элементы сепаратизма, несмотря на все различия в их политике в отношении к неправославным конфессиям.

Анализ исторического опыта формирования межэтнических отношений в Российском многонациональном и поликонфессиональном государстве невозможен без обращения к истории еврейского народа. Российские власти ставили задачу ассимиляции иудейского населения и превращения его в полноправных подданных Российской империи. Для любого государства того времени это было естественным желанием. Главными задачами на пути решения этой проблемы были изолированность иудейского общества, поддерживаемая кагалами, и совершенно чуждые христианству морально-этические установки иудаизма. Поэтому пути «исправления» иудейского населения российскими властями виделись в приобщении иудеев к производительному труду, понятному, привычному и уважаемому местным христианским населением, а также в разрушении кагальной организации. Все ограничения, которые касались иудейского населения, относились именно к этой стороне деятельности. Не случайно, что иудеи, принявшие православие, получившие среднее и высшее светское образование, купцы первой гильдии, отслужившие рекрутскую повинность, могли селиться по всей территории Российской империи. Такие же права получили и иудеи, занимавшиеся земледелием. Вводились налоговые послабления иудеям, практикующимся в ремеслах. Таким образом, государство поощряло те виды деятельности иудейского населения, которые были связаны с производительным трудом и способствовали уменьшению влияния кагала на их деятельность. В итоге «черта постоянной еврейской оседлости» существовала лишь для иудеев, занимавшихся традиционными для них занятиями: арендой и содержанием шинков, ростовщичеством, торговлей, как правило, розничной. Так как практически все иудеи были евреями, то в нашей исторической литературе, а особенно в публицистике XIX–XX вв., не разделяют понятия «иудей» и «еврей», создавая тем самым прецеденты для антисемитизма. Поэтому можно утверждать: ограничений и притеснений евреев как нации в Российской империи не существовало. В качестве примера можно привести караимов, которые также были евреями-иудаистами, но не принимали «Талмуда». В итоге они пользовались всеми правами в Российской империи, как и православные. Негативно воспринимался даже не весь иудаизм и иудеи, а только «иудеи-талмудисты» [4].

Этноконфессиональную политику Российской империи XIX – начала XX вв. в отношении еврейского населения можно разделить на три основных периода при единой стратегии. В разные периоды эта политика отличалась методами реализации.

В первый период (конец XVIII в. – первая половина 1850-х гг.), после окончательного раздела Речи Посполитой и резкого увеличения еврейского населения Российской империи возникла необходимость выработки комплексной законодательной системы. В начале царствования Александра I преобладал курс на включение еврейского населения в структуру империи посредством дарования привилегий. Но уже во второй половине правления и весь период царствования Николая I процессы инкорпорации были напрямую связаны с усилением миссионерской деятельности. Немаловажным фактором в складывании политики в «еврейском вопросе» являлась охрана экономических интересов коренного населения. Российское еврейство в первой половине XIX в. оставалось изолированной группой, имеющей собственные общинные институты, базирующиеся на религиозном законе. Разработка основных законодательных актов в этот период не имела изначально дискриминационных оснований; она была направлена на модернизацию еврейской жизни в основных ее аспектах. Отмена кагала и внедрение светского системного образования преследовали цель преобразования российских евреев по аналогии с западноевропейскими в умеренную в религиозном отношении группу, занимающуюся «полезными» видами деятельности. Эти мероприятия большей частью еврейского населения воспринимались отрицательно, поскольку были нацелены на изменения традиционных структур еврейского общества. Стремление правительства и общества ассимилировать еврейство начинается с 1840-х гг. и уже тогда находит отклик в определенных слоях еврейского населения. В первой половине XIX в. в российском еврействе постепенно зарождаются два слоя – буржуазия и интеллигенция, устремления которых были связаны с вхождением в общеимперскую культуру. Приобретение высшего образования или повышение экономического статуса определенной частью еврейского населения трансформируют корпоративные, общинно-религиозные связи в еврейской среде, обуславливая

постепенный отрыв и отождествление с нееврейским большинством. Анализ законодательных положений позволяет считать обоснованным положение, что в первой четверти XIX в. правительство преследовало цели общей аккультурации еврейского населения, но уже во второй четверти XIX в. законодательные мероприятия (в первую очередь это прослеживается в языковой сфере) были нацелены непосредственно на русификацию. Поэтому можно говорить о том, что вторая четверть XIX в. – начало русификаторской линии в этноконфессиональной политике.

Второй период – реформы второй половины 1850-х – 1860-х гг. – стал для евреев временем более активного, в сравнении с первой половиной XIX в., включения в социокультурную и экономическую жизнь Российской империи. Потому что с середины XIX в. евреи превращаются из замкнутой изолированной группы в динамично развивающееся образование, активно входящее в российский социум. Реформы Александра II затронули многие сферы, в том числе и экономическую политику. Российская империя переходила от сельскохозяйственной экономики к капиталистической индустриализации. Еврейство, зависевшее от традиционной экономики, вынуждено было искать новые источники доходов, что вызвало перестройку его сословно-профессиональной структуры. Административные преобразования вызвали разложение традиционных институтов еврейского самоуправления, которые формально были упразднены Положением 1844 г. Евреи, получившие возможность оторваться от общины и поместного хозяйства, начали искать ниши в новых экономических структурах – появляется прослойка еврейских рабочих и буржуазии. В результате реформ большое число евреев покинули черту постоянной оседлости и поселились во внутренних губерниях империи.

Третий период (1881–1905 гг.) характеризуется социокультурной модернизацией российского еврейства, которая предопределила подъем социальной мобильности и желание евреев включиться в российское общество, чему способствовала общеимперская экономическая модернизация. Но российское общество было не готово к быстрому и полному включению евреев в большинство экономических и социальных областей. Распространение националистических идей в Российской империи обусловило как возрождение еврейского национального движения, так и его отрицание с русских националистических позиций. Невозможность инкорпорации в общественную структуру образованных, лишенных религиозной традиционности, в массе своей молодых евреев, их неприятие значительной частью российского общества приводили тех на путь революционного движения. Участие евреев в данных движениях представляется попыткой вхождения в российское общество иным, отличным от правительственного, путем.

Таким образом, на протяжении всего периода конца XVIII – начала XX вв. российское правительство, следуя стратегии включения еврейского населения в общество, осуществляло ряд тактических мероприятий. Их реализация напрямую зависела от самого еврейского общества, первоначально являвшегося изолированной сословной группой, обладавшей правовым статусом инородцев. Великие реформы предопределили изменения как в законодательстве по «еврейскому вопросу», так и в отношении значительной части еврейства к правительственному курсу. Последующая правительственная сегрегация в отношении евреев не смогла вернуть их в территориальные пределы черты оседлости; таким образом, новообретенная еврейская «открытость» российскому обществу обратилась в сторону социализма и сионизма. Аккультурационные и ассимиляционные тенденции были свойственны купцам, ремесленникам, выпускникам российских светских учебных заведений, в меньшей степени военным служащим еврейского исповедания. Но с конца 1870-х гг. в российском обществе начинают развиваться антисемитские идеи, обусловившие в конечном итоге как сегрегационные проявления в правительственном курсе, так и общественное отторжение евреев [5].

Обращаясь к особенностям процесса ассимиляции еврейского населения Российской империи, следует отметить, что факторами, препятствовавшими ассимиляционным тенденциям, являлись экономическая дифференциация еврейства, прочное религиозно-этическое начало иудаизма, зарождавшееся национальное движение. Процессы еврейской ассимиляции были тесно связаны с аккультурацией, начавшейся с высших слоев еврейского общества, которые при непосредственном контакте с российской и польской элитой постепенно заимствовали их культурные образцы.

Постепенное включение еврейского народа в имперское правовое и социокультурное пространство происходило посредством оформления законодательной базы. Большая часть законодательных актов по еврейскому вопросу имела название и назначение «временных» правил или мер. Российское еврейство являлось многослойным образованием. Одна его часть фактически не включалась в жизнь империи, пребывая в географических и социокультурных пределах черты оседлости; а другая – активно аккультурировалась в российское общество. Субъектами еврейской инкорпорации являлись определенные слои русского населения. Евреи не растворялись в этих слоях, а создавали подобные им, сохраняя свою обособленность. История евреев в Российской империи – это воплощение двух противоположных начал: прогрессивного и традиционного. Из этого вытекает такая важная сущностная черта российско-еврейства, как маргинальность. Взаимовлияние прогрессивного и традиционного начал в еврейской истории Российской империи на протяжении XIX – начала XX вв. осуществлялось в различных формах. В период с начала XIX в. до конца 1870-х гг. они в основном противодействовали друг другу. Прогрессисты видели в русификации основу будущей эмансипации евреев в Российской империи (по западному образцу), тогда как традиционная часть еврейского общества (ортодоксия) стояла на позициях сохранения религиозно-культурной самобытности. Период с 1880-х гг., ознаменовавший начало сегрегационной политики в отношении еврейского населения империи, обусловил соединение прогрессивного и традиционного начал в едином националистическом движении российского еврейства.

Российская империя до конца так и не смогла решить «еврейский вопрос». Российская власть стремилась, с одной стороны, провести ассимиляцию, а с другой, – оградить христианское население от неведомых и опасных для него источников производственной деятельности, активно используемой иудеями. Потерпев неудачу в борьбе за ассимиляцию иудеев, власти Российской империи поставили в 10-х гг. XX в. вопрос о полном выселении иудеев-традиционалистов за пределы государства. Для этих целей в 1912 г. была снаряжена Государственной Думой при поддержке еврейской территориальной организации экспедиция в Киренаику для возможного переселения туда российских евреев [4].

Этноконфессиональная политика в отношении еврейского населения может быть квалифицирована в качестве показателя модернизированной имперской системы. Противоречивость еврейской истории в Российской империи заключалась в резкой смене ее этапов, связанных с модернизацией, – первоначальный изоляционизм, последующая социальная и экономическая мобилизация, позднейшая сегрегация. Этот вариант модернизации еврейского населения можно представить как официальный, управляемый правительством. Евреи, не пожелавшие русифицироваться, проходили иной путь модернизации – через борьбу за политические права с существующим самодержавным строем или включаясь в националистическое движение [5].

Прерывистый характер российской модернизации обусловил неорганичный характер процессов включения еврейского населения в российское пространство, которые проявлялись в смене просвещенно-абсолютистских и сегрегационных стратегий в этноконфессиональной политике.

Литература

1. Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). СПб., 1998.
2. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. 1. СПб., 2000.
3. Толерантность. М., 2004.
4. Тихонов А.К. Политика Российской империи по отношению к католикам, мусульманам, иудеям в последней четверти XVIII – начале XX в.: Автореф. дис. ... докт. истор. наук. СПб., 2008.
5. Комолятова А.Н. Этноконфессиональная политика Российской империи в отношении еврейского населения XIX – начала XX вв.: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Архангельск, 2009.

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ СВОЕЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ И СВОБОДЫ СОВЕСТИ

***Аннотация.** Статья посвящена вопросам закрепления права граждан Российской Федерации на самостоятельное определение своей национальной принадлежности в конституционном законодательстве Российской Федерации и зарубежных стран. Также затрагиваются моменты реализации права на родной язык как тесно связанные с национальной самоидентификацией. Свобода совести рассматривается в этико-правовом аспекте, через проблемы реализации закрепленных в Конституции Российской Федерации прав граждан.*

***Ключевые слова:** Конституционно-правовой статус личности, межнациональные отношения, национальность, национальная самоидентификация, родной язык, свобода совести, свобода мысли, свобода вероисповедания.*

Выработка оптимального пути развития межнациональных отношений в России – одна из актуальных проблем современности. Однако в государственно-правовой науке наблюдается значительное отставание сферы межнациональных отношений. Достаточно указать на то, что до настоящего времени не получили серьезной разработки вопросы, связанные с влиянием принципа федерализма на развитие межнациональных отношений и российской государственности в целом. Не уделено должного внимания реализации разделения властей по вертикали, что приводит на практике к разнообразным действиям, выходящим за пределы правового поля. Это может оказать негативное влияние на развитие национальных отношений в целом и выработку современной национальной политики в Российской Федерации.

Длительное сдерживание процесса демократизации федеративных отношений углубило и осложнило национальные отношения. На фоне экономического кризиса, когда создается плодородная почва для различного рода конфликтов, межнациональные конфликты заняли одно из первых мест. Получая «подпитку», как материальную, так и идеологическую, они порой возрождаются с новой силой, приобретают опасные формы. В одних случаях это провоцируется самими законодателями – их непродуманными выступлениями, в других – правовыми предписаниями, дающими основу для самого разнообразного толкования. Например, не указание национальной принадлежности в новом паспорте гражданина Российской Федерации лицами каждой национальности может быть расценено по-своему. Кто-то посчитает, что это способ ассимиляции с русскими, который приведет к ликвидации его национальности. Кто-то определит это новшество как запрет на указание своей национальности и как ограничение его конституционного права, учитывая, что статья 26 Конституции РФ предоставляет право каждому определять и указывать свою национальную принадлежность [1]. Кроме того, отсутствие в паспорте указания национальности может быть расценено и как ограничение иных субъективных прав, обусловленных национальной принадлежностью, установленных российским законодательством. К примеру, в соответствии со статьей 9 ГПК РФ судопроизводство по гражданским делам ведется на русском языке, а в национальных государствах и национально-государственных образованиях – на национальных языках или на языке большинства населения данной местности. Лицам, не владеющим языком, на котором ведется судопроизводство, обеспечивается право выступать, делать заявления на родном языке, пользоваться услугами переводчика [1]. Судебные документы вручаются лицам, участвующим в деле, в переводе на их родной язык или на другой язык, которым они владеют. Основанием для реализации этого права является официальное указание на национальную принадлежность, содержащуюся в паспорте. Отсутствие в новом паспорте гражданина Рос-

сийской Федерации записи о национальности может породить лозунг, что это сделано для того, чтобы другие «прикрылись» русской нацией. Можно дать и иную оценку этому положению и использовать в интересах разжигания национальной вражды.

Конституция 1993 г. не предусматривает запись в документах о национальной принадлежности. Каждый гражданин вправе определять ее самостоятельно независимо от национальности родителей (ч. 1 ст. 26) [1].

Национальность – явление, определяемое совокупностью ряда факторов, прежде всего языком, приверженностью к традициям и культуре определенного народа. Это самоидентификация человека, связанная с осознанием им принадлежности к тому или иному народу (этносу). В соответствии с подзаконными актами, действовавшими в Российской Федерации до принятия новой Конституции, национальность человека определялась на основании национальной принадлежности родителей, указанной в их удостоверениях личности. Исключение из сложившейся практики имело место лишь тогда, когда родители принадлежали к различным национальностям. Только в этом случае человек мог самостоятельно определить, какую из национальностей родителей он хочет указать в своем паспорте.

Комментируемая статья Конституции совершенно по-новому решает данную проблему. Указание собственной национальности – это не обязанность, а право человека [1]. Конституция в ч. 1 ст. 26 признает право каждого свободно определять и указывать свою национальную принадлежность [1]. Следует подчеркнуть, что закрепление данного права обусловлено отрицанием правового значения признака национальности для каждого конкретного человека и означает свободу его самоопределения в решении вопроса о своей национальности.

Для обеспечения соблюдения права свободно определять и указывать свою национальность важное значение имеет и закрепленное в Конституции положение о том, что никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности. Это прежде всего означает, что на свободу выбора гражданином своей национальности государство не должно влиять никаким образом.

Определение национальной принадлежности не влечет никаких правовых последствий и не влияет на правовой статус личности. Национальность не может явиться основанием для предоставления лицу каких-либо особых привилегий, государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от национальности и языка. В то же время значение национальной принадлежности человека не следует недооценивать. Право сохранения и развития национальных особенностей входит в состав основных, неотъемлемых прав народа и личности, зафиксированных в основных международно-правовых актах.

Гражданин может пользоваться своим языком, где бы он ни находился, имеет равные языковые права независимо от происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, отношения к религии и места проживания. Свободен человек и в языке творческой деятельности. Он вправе писать стихи и прозу, научные и публицистические произведения, заниматься театральной и концертной деятельностью на любом удобном для него языке.

Вместе с тем многосторонние хозяйственные связи между различными частями многонационального Российского государства, миграция населения и иные факторы интернационализации требуют также обеспечить возможность каждому гражданину России свободно использовать не только свой язык, но и любой другой, которым он владеет. В государстве, заботящемся о личности и ее интересах, не должно быть никаких препятствий, ограничений и привилегий по языковому признаку. Никто не вправе навязывать человеку использование того или иного языка помимо его воли. Нарушение языковых прав народов и личности влечет за собой ответственность по закону.

Вопросы пользования родным языком, свободного выбора языка общения, воспитания, обучения и творчества (обычно это язык той этнической группы, к которой человек принадлежит) регламентируются Законом РСФСР о языках народов РСФСР от 25 октября 1991 г. [3]. Его нормы распространяются на граждан Российской Федерации, а также на лиц без гражданства, проживающих на территории Российской Федерации. Законодательство же о государственном языке Российской Федерации основывается на Конституции и Федеральном законе «О государственном языке Российской Федерации» [4].

Язык бытового общения между людьми свободно определяется двумя сторонами по их взаимному согласию. В ст. 2 Закона специально определено, что Закон не устанавливает юри-

дические нормы использования языков народов России в межличностных неофициальных взаимоотношениях, а также в деятельности общественных и религиозных объединений и организаций [3]. Законодательно закреплено, что государство гарантирует гражданам Российской Федерации осуществление основных политических, экономических, социальных и культурных прав независимо от знания ими какого-либо языка. Незнание языка не может служить основанием для ограничения языковых прав граждан России.

Российским гражданам, не владеющим государственным языком Российской Федерации и государственным языком (языками) республики в ее составе, предоставляется право выступать на заседании, совещании, собрании в государственных органах, организациях, на предприятиях и в учреждениях на том языке, которым они владеют. В случае необходимости обеспечивается соответствующий перевод. Граждане России вправе обращаться в государственные органы, организации, на предприятия и в учреждения Российской Федерации с предложениями, заявлениями, жалобами на государственном языке Российской Федерации, родном языке или на любом другом языке народов России, которым они владеют.

В судопроизводстве и делопроизводстве в правоохранительных органах лицам, участвующим в деле, не владеющим языком или языками, на которых ведется процесс, гарантируется возможность пользоваться услугами переводчика в процессуальных действиях, в том числе для дачи объяснений, показаний и полного ознакомления с материалами дела, а также гарантируется право выступать в суде на родном языке.

В российском Законе «Об образовании» определяется, что язык (языки), на котором ведется обучение и воспитание в общеобразовательном учреждении, определяется учредителем и (или) уставом образовательного учреждения [5]. Регламентация этого вопроса осуществляется также и в республиканских законах о языках. Так, в Законе Республики Тува «О языках» устанавливается, что по возможности в профессионально-технических, средних специальных и высших учебных заведениях республики независимо от ведомственной подчиненности воспитание и обучение ведутся параллельно на тувинском и русском языках на основе принципа преемственности языка воспитания и обучения. Право выбора воспитательно-образовательного учреждения с тем или иным языком воспитания и обучения детей принадлежит родителям или заменяющим их лицам [6].

Право выбора национальности имеет еще один аспект, который однозначно сложно оценить, - в России по переписи 2002 г. 42 тыс. человек отнесли себя к экзотическим группам, среди которых встречаются гоблины, эльфы, половцы и печенегы [15].

О проблеме свободы мысли и слова, совести и вероисповедания. Свобода мысли – это естественное и имманентное состояние человеческого ума, в принципе не нуждающееся ни в каком правовом закреплении. Но поскольку в определенных (тоталитарных и авторитарных) условиях имеют место ограничения и даже подавление этого естественного права человека, конституции демократических стран считают необходимым четко и последовательно утверждать такую свободу в тесной связи со свободой слова, совести и религии. В обеспечении этих прав и свобод – одно из важнейших проявлений демократизма и гуманизма общественного и государственного строя страны. Эти личные права и свободы неотделимы от обеспечения таких прав и свобод, как свободы инакомыслия, печати, критики, оппозиции, права меньшинств и др.

Французская Декларация прав человека и гражданина 1789 г., закрепив свободу выражения мыслей и мнений (ст. 11), вместе с тем указала, что никто не должен испытывать стеснений в выражении своих мнений, даже религиозных, поскольку это выражение не нарушает общественного порядка, установленного законом (ст. 10). Во Всеобщей декларации прав человека ООН говорится, что каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных обрядов (ст. 18) [7]. Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ (ст. 19) [7].

Например, Основной закон о свободе высказываний Швеции 1991 г. (п. 1) указывает, что каждый шведский гражданин обладает правом гласно выражать свои мысли, мнения и

чувства по радио, на телевидении и с помощью иных подобных средств передачи, в фильмах, видеопрограммах и др.; эта свобода преследует цель обеспечить свободный обмен мнениями, свободное и всестороннее просвещение и свободное художественное творчество; в этом отношении не могут устанавливаться никакие другие ограничения кроме тех, которые вытекают из настоящего Основного закона.

В Конституции Нидерландов (ст. 6) говорится, что каждый имеет право исповедовать свою религию или религиозные убеждения индивидуально либо в сообществе с другими верующими при условии соблюдения ограничений, установленных законом, и ответственности за их нарушение. В ст. 21 Конституции Италии сказано: «Все имеют право свободно выражать свои мысли в устной, письменной и любой иной форме их распространения». Аналогичные положения содержатся и во многих других конституциях, в том числе в ст. 16 и 20 Конституции Испании, ст. 13 и 14 Конституции Греции и др.

Наглядным примером личной обязанности человека и гражданина является его обязанность соблюдать законодательство страны. В Конституции Италии (ст. 54), например, говорится, что все граждане обязаны быть верными Республике и соблюдать ее Конституцию и законы. И далее здесь же отмечается, что граждане, которым доверены государственные функции, обязаны выполнять их дисциплинированно и достойно, принося присягу в случаях, установленных законом. В Конституции Греции (ст. 25 ч. 4) указывается, что государство вправе требовать от всех граждан выполнения долга общественной и национальной солидарности.

Свобода совести в этическом плане – это право человека мыслить и поступать в соответствии со своими убеждениями, его независимость в моральной самооценке и самоконтроле своих поступков и мыслей. Тем не менее, на протяжении многих веков значительное большинство серьезных мировоззренческих вопросов было либо прямо, либо косвенно связано с религиозным миропониманием, моралью и вращалось в рамках богословско-нравственных учений. Поэтому постепенно, в ходе эволюционного развития, свобода совести приобрела более узкое понимание – свобода в области религии. Она стала рассматриваться в плане взаимоотношения церкви и государства, а не только свободы мысли.

С течением времени свобода совести стала не только субъективным правом человека, но и самостоятельным правовым институтом. Он представляет собой систему правовых норм, регламентирующих право каждого гражданина исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, право отправления религиозных культов и право атеистической пропаганды, а также устанавливающих систему специальных гарантий, обеспечивающих эти права.

Ст. 14 действующей Конституции объявляет: «Российская Федерация – светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» [1]. В соответствии с этим в нашей стране в нынешние дни, как, впрочем, и в предшествующие годы, церковь отделена от государства. Это было провозглашено 23 января 1918 г. Декретом СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» [8].

В постсоветскую эпоху законодательство о свободе совести претерпело существенные изменения. Это совершенно определенно выражено в ст. 28 Конституции 1993 г. В соответствии с ней, «каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними» [1].

Однако Закон РСФСР «О свободе вероисповеданий» от 25 октября 1990 г. принят до обнародования нынешней Конституции, и, естественно, в нем имеются определенные несогласованности [9]. В настоящее время действует Федеральный закон от 26.09.1997 г. «О свободе совести и религиозных объединениях», который преодолел указанные трудности [19]. В частности, 9 июля 1994 г. Постановлением Правительства РФ было утверждено «Положение о Комиссии по вопросам религиозных объединений при Правительстве Российской Федерации и ее персональном составе» [11]. Эта комиссия была образована в целях рассмотрения вопросов, находящихся в компетенции Правительства России и возникающих в сфере взаимоотношений государства и религиозных объединений, включая вопросы передачи религиозным объединениям культовых зданий и иного имущества. В настоящее время деятельность данного органа регламентируется Постановлением Правительства РФ «Об утверждении По-

ложения о Комиссии по вопросам религиозных объединений при Правительстве Российской Федерации» [12]. Немалое значение в этом плане имеет также Постановление Правительства РФ «О порядке передачи религиозным объединениям относящегося к федеральной собственности имущества религиозного назначения» от 14 марта 1995 г. [13]. В соответствии с упомянутым Постановлением к середине апреля 1995 г. около 15 тыс. предметов культового назначения уже возвращено церкви. Сейчас действует Постановление Правительства РФ «О порядке передачи религиозным организациям находящегося в федеральной собственности имущества религиозного назначения, отнесенного к музейным предметам и музейным коллекциям, включенным в состав государственной части Музейного фонда Российской Федерации», принятое взамен вышеуказанного [14]. Кроме этого, осуществляется передача церкви различного вида предметов культа, похищенных криминальными элементами для перепродажи их за рубеж. Это осуществляют таможенная служба и правоохранительные органы.

Можно и далее рассказывать о крупных переменах, происшедших во взаимоотношениях государства и церкви. Одни из них имеют, на наш взгляд, положительное значение, другие, напротив, негативное. Вряд ли можно согласиться с практикой, когда государство ассигнует немалые средства для поддержки культовых сооружений и не выплачивает миллиардные суммы оплаты труда шахтерам, работникам других профессий, пенсии и социальные пособия малоимущему населению. Фактов в поддержку этого тезиса можно привести немало. Но и то, что отмечено, дает пищу для размышлений.

Что касается свободы вероисповедания, то здесь также имеются как положительный, так и отрицательный моменты. Достаточно указать, что действует огромное число религиозных сект, которые не только подрывают основы конституционного строя России, но и ущемляют права граждан.

Одним словом, употребляемые в ст. 28 термины «свобода совести и вероисповедания» имеют два значения: во-первых, означают принадлежность к какой-либо религии, конфессии и, во-вторых, понимаются как субъективное право каждого человека индивидуально или совместно с другими исповедовать любую религию или не исповедовать никакой [1]. Последнее гарантируется прежде всего Конституцией и развивается и конкретизируется в текущем законодательстве.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) // Российская газета. 21 января 2009.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 14.06.2011) // Собрание законодательства РФ, 18.11.2002, № 46, ст. 4532.
3. Закон РФ от 25.10.1991 № 1807-1 (ред. от 11.12.2002) «О языках народов Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РСФСР, 12.12.1991, № 50, ст. 1740.
4. Федеральный закон от 01.06.2005 № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 06.06.2005, № 23, ст. 2199.
5. Закон РФ от 10.07.1992 № 3266-1 «Об образовании» (ред. от 03.12.2011) // Собрание законодательства РФ, 15.01.1996, № 3, ст. 150.
6. Закон Республики Тыва № 462 ВХ-1 от 31 декабря 2003 г. «О языках в Республике Тыва» (в ред. законов Республики Тыва от 10.07.2009 № 1511 ВХ-2, от 20.12.2010 № 233 ВХ-1) // СПС Консультант Плюс.
7. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 5 апреля 1995.
8. Декрет СНК РСФСР от 23.01.1918 «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» // СУ РСФСР, 1918, № 18, ст. 263.
9. Закон РСФСР от 25.10.1990 № 267-1 (ред. от 27.01.1995) «О свободе вероисповеданий» // Ведомости СНД и ВС РСФСР, 1990, № 21, ст. 240.

10. Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 01.07.2011) «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Собрание законодательства РФ, 29.09.1997, № 39, ст. 4465.
11. Постановление Правительства РФ от 09.07.1994 № 820 (ред. от 20.12.1998) «Об утверждении Положения о Комиссии по вопросам религиозных объединений при Правительстве Российской Федерации и ее персонального состава» // Собрание законодательства РФ, 18.07.1994, № 12, ст. 1402.
12. Постановление Правительства РФ от 15.07.2006 № 438 «Об утверждении Положения о Комиссии по вопросам религиозных объединений при Правительстве Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 24.07.2006, № 30, ст. 3400.
13. Постановление Правительства РФ от 14.03.1995 № 248 «О порядке передачи религиозным объединениям относящегося к федеральной собственности имущества религиозного назначения» // Собрание законодательства РФ, 20.03.1995, № 12, ст. 1059.
14. Постановление Правительства РФ от 30.06.2001 № 490 (ред. от 21.04.2011) «О порядке передачи религиозным организациям находящегося в федеральной собственности имущества религиозного назначения, отнесенного к музейным предметам и музейным коллекциям, включенным в состав государственной части Музейного фонда Российской Федерации, либо документам Архивного фонда Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 09.07.2001, № 28, ст. 2889.
15. <http://demoscope.ru/weekly/2002/069/perepis07.php>

КОНФЛИКТОЛОГИЯ

А.Я. Анцупов, С.Л. Прошанов

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ РОССИЙСКОЙ КОНФЛИКТОЛОГИИ

Аннотация. В статье предлагаются, обосновываются, раскрываются основные методологические принципы современного конфликтологического знания как становящейся самостоятельной отрасли современной науки. При этом осуществляется сравнительный анализ отечественных подходов к проблеме, в том числе сложившихся в истории российской социологии и психологии, и подходов, характерных для западных конфликтологических концепций.

Ключевые слова: методология; методологические принципы конфликтологии; междисциплинарность; преемственность; эволюционизм; личностный подход; поиск скрытого содержания; конфликт Добра и Зла.

В условиях развития неклассического научного знания в мировой и отечественной науке происходит процесс становления целого ряда междисциплинарных научных отраслей, претендующих в скором времени на собственный самостоятельный статус. Конфликтология – одна из них. В рамках развития данного научного знания разворачивается процесс утверждения предмета, системы понятий и категорий, методологических принципов исследования.

Принцип междисциплинарности. В соответствии с его требованиями объективная и глубокая оценка причин, динамики и последствий конфликтов не может быть дана на основе только политического умозрительного анализа. Если верить СМИ, именно такой анализ лежит в основе большинства решений, принимаемых руководителями в ходе регулирования социальных конфликтов в современной России. Без участия психологов, социологов, историков, этнографов, философов, экономистов, других ученых, специалистов-практиков разработать эффективную программу разрешения любых социальных конфликтов практически нереально.

Конфликт – явление междисциплинарное. Поэтому, опираясь на знания только одной науки – психологии, социологии или какой-либо другой, его ни глубоко изучить, ни тем более регулировать невозможно. Конфликтология сможет предложить практикам ценные рекомендации только в случае, когда в стране будет подготовлено достаточное количество специалистов, овладевших знаниями, имеющимися по крайней мере в 5–7 наиболее развитых отраслях конфликтологии.

Принцип междисциплинарности ориентирует конфликтолога на максимально широкое использование достижений всех отраслей конфликтологии. Изучая любой конфликт, важно как можно более полно ознакомиться с методологией, теорией, методами и результатами проведения исследований, используемыми во всех отраслях конфликтологии. Это многократно повысит эффективность работы специалиста.

Контент-анализ списков литературы более 300 диссертаций по проблемам конфликтов показал, что их авторы на момент защиты работы используют не более 1% публикаций из других отраслей конфликтологии [1]. Повторный анализ, проведенный в 2011 году, свидетельствует, что междисциплинарные связи отраслей конфликтологии за последние 10 лет не только не усиливаются, но скорее ослабевают. Специалисты-конфликтологи высшей квалификации –

145 докторов и 1345 кандидатов наук – фактически не ищут или не находят ничего полезного для себя в смежных науках [3]. Это негативная тенденция в современном развитии российской конфликтологии.

Фактически полная взаимоизоляция отраслей российской конфликтологии, отсутствие, казалось бы, естественных тенденций к их сближению вызывают необходимость придания междисциплинарности статуса самостоятельного принципа конфликтологии на современном этапе ее развития.

Важнейшей стороной принципа междисциплинарности является принцип равенства всех семнадцати отраслей конфликтологии. Роль не главной, но системообразующей науки на данном этапе развития конфликтологии призвана выполнить и пока выполняет психология. Это связано с тем, что психология является единственной наукой, изучающей все типы конфликтов; психологами подготовлено наибольшее количество публикаций по проблеме конфликта; в психологии лучше, чем в других науках, проработаны междисциплинарные связи с другими отраслями конфликтологии; объектом психологии выступает психика человека, которая является центральным компонентом конфликтов всех уровней; пока только в психологии разработаны основы междисциплинарной концепции конфликтов.

Таким образом, основными требованиями принципа междисциплинарности являются следующие положения:

- ✓ понимать, что конфликт – явление в высшей степени междисциплинарное. Опираясь на знания только одной науки, его глубоко изучить, понять, а тем более регулировать невозможно;
- ✓ хорошо знать историю развития основных отраслей конфликтологии, иметь представление о современном состоянии и тенденциях развития всех ее 17 отраслей;
- ✓ знать специфику предметов исследования отраслей конфликтологии, их методологию, методы, методики, сильные и слабые стороны каждой из наук, достижения и проблемы;
- ✓ изучая любые виды конфликтов, не ограничиваться рамками одной науки, обязательно использовать подходы, методики и результаты, имеющиеся по данной проблеме в нескольких отраслях конфликтологии.

Принцип преемственности является в большей степени принципом внутреннего развития конфликтологии. Он требует максимально полного знания конфликтологом всего основного, что сделано по проблеме конфликта в той науке, которую он представляет. Как показал контент-анализ списков литературы более 300 диссертаций, их авторы использовали только 9,8% публикаций, имевшихся по проблеме конфликта в данной науке [2]. В течение последних 10 лет «индекс преемственности» конфликтологических исследований не увеличивается. Это приводит к многочисленным дублированиям исследований, существенно замедляет темпы развития науки.

Важной стороной принципа преемственности является необходимость знания российскими конфликтологами истории в первую очередь отечественной, а уж затем зарубежной конфликтологии. Нация, лишенная самобытности, не может быть великой. Точно так же не может быть не только великой, но даже самостоятельной наука, не знающая своей отечественной истории, заимствующая исходные принципы, основные теоретические концепции главным образом из работ западных конфликтологов. Копия всегда беднее оригинала. Напомним, что еще в начале XX века наш видный русский социолог Н.И. Кареев подчеркивал, что российская социология в своих открытиях неоднократно опережала западную социологическую мысль [4].

На практике российские конфликтологи высшей квалификации используют лишь одну десятую часть того, что сделано их предшественниками. За последние семнадцать лет опубликовано не менее ста сорока книг, посвященных проблемам конфликта и конфликтологии. В большинстве из них история конфликтологии отождествляется с историей западной конфликтологии. Лишь в единичных работах делается попытка коснуться отдельных аспектов истории отечественных исследований проблемы конфликтов [4]. При этом работы западных ученых мало кто читал, поскольку у нас они практически не издаются. К публикациям отечественных авторов сформировалось традиционное для гуманитариев отношение как к второсортному по сравнению с западной наукой знанию.

Итак, состояние преемственности конфликтологических исследований в России пока неудовлетворительное. Это вызывает необходимость придания феномену преемственности статуса самостоятельного принципа отечественной конфликтологии.

Западные теории конфликтов представляют несомненную ценность. Однако не стоит рассчитывать на решение проблемы российских конфликтов на основе западных подходов. Характер социального взаимодействия у нас веками отличался от западного. В XX в. по масштабам разрушительных последствий конфликтов Россия в десятку раз превосходит среднее западное государство. Наши конфликты другие по характеру, нежели западные. Для их объяснения нужны другие, отечественные, а не западные теории. Тем более сейчас, когда столь рельефно видны катастрофические последствия прямого переноса западных экономических теорий на российскую почву.

Кроме того, отечественный опыт практического регулирования реальных конфликтов насчитывает почти два тысячелетия. Он гораздо богаче аналогичного опыта любой европейской страны. Американский опыт последних двухсот лет, возможно, результативнее нашего, но в десятки раз беднее его в содержательном смысле. Вследствие этого выработать действенные рекомендации по регулированию российских социальных конфликтов можно только на основе отечественных исследований. Главным источником отечественных теорий конфликтов является исследование опыта развития и регулирования последних в процессе всей истории существования России, а не умозрительные концепции, построенные на основе глубокого или не очень глубокого анализа зарубежной литературы и сомнительной информации, предоставляемых современными СМИ.

Актуальность принципов междисциплинарности и преемственности в будущем, возможно, будет уменьшаться. Однако в ближайшие 10–20 лет соблюдение этих принципов должно стать важнейшим условием успеха в работе конфликтологов. Создание системы конфликтологического образования в стране в будущем может частично решить проблему усиления междисциплинарного взаимодействия отраслей конфликтологии и их преемственности.

Итак, принцип преемственности требует от профессионального конфликтолога:

- ✓ хорошего знания истории отечественной конфликтологии: периодов и этапов ее развития. Основных подходов к исследованию конфликтов, понятийно-категориального аппарата отечественной науки;

- ✓ овладения методологией, теорией и основными методами и методиками изучения конфликтов, знания наиболее существенных результатов, полученных отечественными учеными в ходе эмпирических исследований реальных конфликтов;

- ✓ хорошего знания истории и всех важных результатов изучения отечественными конфликтологами того вида или типа конфликтов, который выступает объектом конкретного исследования;

- ✓ знания основных достижений зарубежной конфликтологии;

- ✓ прежде чем что-либо исследовать, писать, публиковать, необходимо детально изучить все основное, что уже сделано по интересующей проблеме отечественными учеными.

Принцип эволюционизма требует выявлять и учитывать основные закономерности эволюции конкретных видов конфликтов при их исследовании. Без знания различных уровней эволюции конфликтов трудно, если вообще возможно, объяснить их динамику, сделать прогноз развития и дать рекомендации по конструктивному регулированию.

Принцип эволюционизма требует от конфликтолога знания и учета основных макроэволюционных тенденций развития конфликтов при исследовании конфликтного взаимодействия вообще и анализа конкретных конфликтов, в частности. Эволюция конфликта – это его постепенное, непрерывное, относительно длительное развитие. Она тесно связана с эволюцией психики человека, которая развивалась от бессознательного к подсознанию, сознанию и сверхсознанию. Жизнь человека, его поведение в конфликтах определяются бессознательным и подсознанием в той же, если не большей, степени, чем сознанием. Продолжительность макроэволюции конфликтов как явления жизни на Земле составляет около 500 млн. лет. За столь длительное время естественно сложились определенные тенденции изменения конфликтов. Они пока не изучены. Высказаны лишь гипотезы в отыскании отдельных тенденций. Их выявление и знание, безусловно, будет помогать конфликтологу при изучении конкретных конфликтов.

Необходимо знать и учитывать основные тенденции изменений социальных и внутриличностных конфликтов в процессе истории развития человека и человечества. На это ориентированы такие направления изучения конфликта, как эволюция конфликтов в антропогенезе, онтогенезе, процессе общественно-исторического развития человека, в событиях XX в., также эволюция конкретных конфликтов. Выявление и учет тенденций в подобных исследованиях, вне всякого сомнения, позволит более глубоко понять суть всех

конфликтов, происходящих сегодня. Это в свою очередь дает возможность более конструктивно их регулировать.

В ходе изучения конкретных конфликтов важно выявлять не только динамику, но и эволюционные предпосылки и тенденции их возникновения и развития. Длительные конфликты, помимо динамики, всегда имеют свою эволюцию. Относительно краткие конфликты также имеют эволюционные, т.е. существующие задолго до начала конфликта, предпосылки его возникновения в будущем.

Принцип личностного подхода заимствуется у психологии, выступающей системообразующей наукой во взаимодействии отраслей конфликтологии. Применительно к конфликтологии он формулируется как необходимость выявления и учета конкретных личностных особенностей людей, выступающих центральным звеном конфликтов всех без исключения уровней. Принцип ориентирует конфликтолога на выявление ключевых фигур, оказавших и оказывающих решающее влияние на возникновение и развитие того или иного конкретного конфликта.

Первопричиной конфликтов являются изменения объективного материального мира. Однако, попав в одинаковые обстоятельства, разные люди ведут себя по-разному. Одни совершают конфликтные действия, другие всеми способами уходят от конфликтов. Внешние воздействия преломляются через внутренние условия того, на кого эти внешние воздействия оказываются.

Реальные конфликты начинают и в них участвуют не среднестатистические индивиды или абстрактные социальные группы, а конкретные люди, имеющие индивидуально-психологические особенности. Даже решение начать межгосударственную войну принимает небольшая группа людей, обладающих вполне определенными личностными особенностями. Трудно вскрыть причины конфликтов, проникнуть в их суть, не поняв, какую роль сыграли в них конкретные индивиды.

Следовательно, принцип личностного подхода требует от профессионального конфликтолога:

- ✓ понимания того, что индивидуальные особенности конкретных основных участников конфликта играют ключевую или, по крайней мере, важную роль в его возникновении, развитии и завершении;
- ✓ умения определять персональный состав всех основных участников конфликта с обеих сторон и выявлять их существенные индивидуально-психологические особенности, оказавшие влияние на динамику конфликта;
- ✓ умения работать при регулировании конфликта с его участниками, учитывая их индивидуально-психологические особенности;
- ✓ знания основ психологии личности и психологии конфликтов, поскольку возникновение и развитие любого конфликта определяющим образом зависит от особенностей людей, в нем участвующих.

Принцип поиска скрытого содержания конфликта. Образно говоря, конфликты вообще и конкретные конфликты, в частности, представляют собой «айсберг», у которого доступная наблюдению часть составляет лишь 10%, а остальное скрыто под водой. Суть конфликта обычно не лежит на социальной поверхности. Пока объем скрытой информации, добытой конфликтологом, не превысит в несколько раз объем очевидной, общедоступной информации, рано говорить о понимании конфликта и возможности его конструктивного регулирования.

Принцип поиска скрытого содержания конфликтов предостерегает конфликтолога от поспешных выводов и рекомендаций, делаемых на основе анализа обширной, но поверхностной информации. Важно всегда искать и находить скрытые, глубинные причины конфликтов, видеть их зерно, обычно скрываемое шелухой, прогнозировать отсроченные, часто не очевидные тенденции и последствия развития конфликтного противодействия. Главное в социальном конфликте обычно скрыто или скрывается специально. Чем масштабнее конфликт, тем более скрытым, скорее всего, является его истинное содержание.

Таким образом, поиск скрытого содержания конфликтов означает:

- ✓ необходимость выявления неосознаваемых мотивов поведения людей в ходе возникновения, развития и завершения конфликтов;
- ✓ важность обнаружения осознаваемых, но скрываемых, маскируемых основных целей, преследуемых в конфликтах;
- ✓ необходимость нахождения не только скрытых элементов в действиях людей, но и глубинных механизмов развития конфликтов в целом, постоянного продвижения в бесконечном процессе углубления и расширения знаний о конфликтах.

Принцип борьбы со Злом в его конфликтах с Добром. Сущность данного принципа состоит в положении, что в современных условиях конфликтолог уже не может ограничиваться бесстрастным поиском истины. Он должен уметь отличать Добро от Зла и бороться со Злом в его конфликтах с Добром.

Западная конфликтология провозглашает принципом работы конфликтолога положение о том, что он не отвечает за результат разрешения конфликта. Он отвечает лишь за такую организацию процесса взаимодействия борющихся сторон, при которой они сами смогут конструктивно завершить развитие противоречия, вызвавшего конфликт. Конфликтолог не участвует в борьбе. Он стоит «над схваткой» и делает ее более конструктивной. Такая позиция заметно облегчает деятельность конфликтолога. В этом принципе заключен глубокий, правильный, но все же ограниченный смысл.

Ущербность данного принципа состоит в том, что он ориентирует конфликтолога на организацию сотрудничества или компромисса в конфликте Ангела и Черта. Однако, если в такой ситуации мы не сражаемся на стороне Ангела, значит, мы однозначно поддерживаем Черта. Наша поддержка Черта неочевидна. Она замаскирована попытками примирить Добро и Зло. Многовековая практика показала, что компромисс, а тем более сотрудничество между Добром и Злом в конечном счете приводит к полной победе Зла. «...Безразличие к несправедливости есть предательство и подлость». (О. Мирабо).

В современных условиях процесс деградации цивилизации быстро и заметно обострился. Ситуация, сложившаяся сейчас в российском обществе по многим параметрам напоминает катастрофу. «Если за период 1988–1992 гг. смертность в СССР возросла на 15%, то только за один 1993 г. – на 18%. В специальной литературе подчеркивается, что такое явление отмечается только в военные годы. Более того, детальный анализ показывает, что даже в годы Первой и Второй мировых войн прирост смертности у гражданского населения европейских стран, включая Германию, был значительно ниже, чем в сегодняшней России» [5]. В ситуации войны нельзя жить по законам мирного времени. Точнее, жить можно, но эта жизнь будет трудной и короткой. Конфликтолог в современных условиях не может ограничиваться ролью «фотографа», объективно и бесстрастно фиксирующего социальные конфликты между Добром и Злом. Именно к такой роли по-прежнему, опираясь на западные установки, тяготеет отечественная конфликтология. Сегодня на пока еще бескрайних просторах России Зло часто побеждает Добро, уничтожает его, глумится над ним. Яркий пример – убийство в станице Куцевской 12 человек. Более 10 лет банда, возглавляемая Цапком, терроризировала тысячи честных тружеников, насильствовала их детей, убивала непокорных. Возглавлял ее депутат районного законодательного собрания, кандидат социологических наук.

Размывание грани между Добром и Злом – одна из основных задач информационно-психологической войны. Непротивление Злу насилием – коварная дезинформация, запущенная Злом, для того, чтобы облегчить себе и без того не тяжелую жизнь.

Российский конфликтолог призван энергично превращаться из «фотографа – информатора» в бойца, который, не щадя своих сил, борется с социальным Злом, масштабно поразившим наше общество. Пассивное, безоружное, неорганизованное Добро в нынешней конкретной ситуации – Зло. Конфликтолог не имеет права быть безразличным в конфликтах между Добром и Злом. Он должен сражаться на стороне Добра против разлагающего российское общество Зла. Именно в этом состоит основное отличие отечественной конфликтологии от западной.

Литература

1. *Анциупов А.Я., Прошанов С.Л.* Российская конфликтология: аналитический обзор 607 диссертаций. XX век. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. 704 с.
2. *Анциупов А.Я., Кандыбович С.Л., Прошанов С.Л.* Проблемы социологического исследования. Указатель 888 докторских диссертаций 1990–2010 гг. М.: ИД Куприянова, 2010, 272 с.
3. *Анциупов А.Я., Прошанов С.Л.* Актуальные проблемы конфликтологии. М.: СГА, 2011. 284 с.
4. *Прошанов С.Л.* Социология конфликта в России: история, теория, современность. М.: ЛКИ, 2008. 232 с.
5. *Рассторгуев С.П.* Философия информационной войны. М.: МПСИ, 2003. 322 с.

Философия

Ю.А. Чернавин, О.А. Ерофеева

СУДЬБЫ ГУМАНИЗМА В XXI ВЕКЕ

***Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы становления и развития гуманизма – как философии, теории, организованного движения, представлявшую в XX-XXI вв. значительную общественную силу. Анализируются подходы к определению гуманизма, его содержанию, существующим в теории дискуссионным вопросам.*

***Ключевые слова:** гуманизм; гуманизм как философия; гуманизм как организованное движение; светский гуманизм; гуманистическое движение в России; понятие гуманизма; содержание гуманизма.*

До середины XIX века в западной философской и культурной традиции понятие «гуманизм» ассоциировалось, как правило, либо с гуманизмом эпохи Возрождения, либо с отдельными культурными течениями. Впервые термин «гуманизм» в значении определенного взгляда на жизнь, личной философии появился у датского философа Г. Сибберна в книге «О гуманизме» (1858), изданной в Копенгагене на датском языке.

Известная роль в распространении нового значения понятия «гуманизм» принадлежала философу-прагматисту Ф. Шиллеру (1864–1937). В начале XX века он использовал это слово в заголовках своих книг – «Гуманизм: философское эссе» и «Исследования гуманизма». И хотя в данных трудах Шиллер больше писал о прагматизме, нежели о гуманизме, тем не менее, в англоязычном мире он был первым мыслителем, использовавшим понятие «гуманизм» для выражения своих собственных философских взглядов.

Идея Шиллера употребить термин «гуманизм» в новом значении была поддержана в США философом Дж. Дьюи (1859–1952), который полагал, что при образовании правильных точек зрения мы должны исходить из идеи целостности человеческой природы, а не только из интеллекта, логики или разума. Новый этап развития гуманистической теории и практики иногда называют неогуманизмом [4, с. 120].

История становления и развития организованного гуманистического движения в XX веке широко и подробно представлена в работе Ю.Ю. Черного «Современный гуманизм (обзор)» [5]. В середине 1910-х гг., как показывает исследователь, новое понимание гуманизма привлекло внимание представителей американской унитаристской церкви. Ряд священников-унитаристов под знаменем религиозного гуманизма начинают кампанию по демократизации религиозных институтов, а 1920-е знаменуются становлением организованного гуманистического движения современности. В США возникают Первое гуманистическое общество Нью-Йорка и Голливудское гуманистическое общество. С 1930 г. в Чикаго выходит журнал «Новый гуманист». Он подготовил почву для создания в 1933 г. «Гуманистического манифеста - I» – программного документа религиозного гуманизма. Главная идея манифеста состояла в необходимости создания новой нетрадиционной

гуманистической религии, ориентирующейся исключительно на мирские ценности. В 1930-40-е гг. организованные формы гуманизма возникают и в других странах. Родиной этого движения на европейском континенте стала Голландия. В 1945 г. здесь была основана организация Гуманитас, позднее образовался Гуманистический союз.

Во второй половине XX века разворачивается процесс становления, развития и организационного оформления разнообразных течений гуманизма, характеризующихся светским характером. Светский гуманизм с момента возникновения вошел в острый конфликт, с одной стороны, с религиозными традициями, с другой – с безудержным атеистическим антропоцентризмом. Гуманизм, стоящий между религией и атеизмом, сделался неким «третьим путем» который пытается вести человека к духовности и нравственности, руководимы кантовской идеей автономии морали от религии.

Развитие светского гуманизма во многом связано с деятельностью четырех известных теоретиков гуманизма. Это Я.П. ванн Прааг – профессор философии в Утрехте, впоследствии первый председатель Международного гуманистического и этического союза, англичанин Г. Блэкхем и американцы П. Куртц и К. Ламонт [5].

Книга К. Ламонта «Философия гуманизма», выдержавшая к 1997 г. восемь изданий и вышедшая первый раз в свет под названием «Гуманизм как философия» (1949), сегодня признается классической работой по светскому гуманизму. Позиция К. Ламонта, представленная в работе, во многом характеризует стиль мышления, присущий данному течению современного гуманизма. Хотя его приверженцы фактически отрицают существование сверхъестественных явлений, они не считают своей основной целью борьбу с религией. Более фундаментальной ценностью для них является идея прав человека, в том числе право каждого верить или не верить в бога. То есть, налицо стремление продемонстрировать правоту собственной точки зрения не путем антирелигиозной пропаганды, а путем создания реальной альтернативы религиозным культам, не ущемляя права других на самоопределение [7].

При опоре на теоретические позиции светского гуманизма в 1952 г. в Амстердаме был основан Международный этический и гуманистический союз (МГЭС), который сегодня представляют 5 млн. членов из 90 организаций в 30 странах. Он содействует развитию нетеистической морали и обладает консультативным статусом при ООН, ЮНЕСКО и ЮНИСЕФ. Официально закрепленным пониманием гуманизма МГЭС считает следующее: «Гуманизм – это демократическая, нетеистическая и нравственная жизненная позиция, утверждающая право и долг человеческих существ самим определять смысл и образ собственной жизни. Как следствие, эта позиция отрицает супранатуралистические воззрения на действительность» [5].

В 1973 г. в рамках светского гуманизма был принят программный документ, получивший название «Гуманистический манифест – II». Последовавший за опубликованием документа рост влияния гуманистического движения на общественную жизнь США и других стран вызвал озабоченность со стороны как традиционных, так и неофундаменталистски настроенных религиозных кругов, вставших на позиции критики светского гуманизма. Ответом на критику стал новый программный документ «Декларация светского гуманизма», которая зафиксировала окончательное размежевание светского и либерально-буржуазного гуманизма.

В ходе дискуссии с постмодернистами, прошедшей в 1990-е годы, сформировалось «постпостмодернистское» мировоззрение современного светского гуманизма, получившее свое выражение в новом программном документе «Гуманистический манифест-2000: призыв к новому планетарному гуманизму». Это развернутая программа построения глобального планетарного сообщества. Философское Просвещение XVIII века, говорится в нем, во многом составляющее дух настоящего манифеста, было, несомненно, ограничено рамками своего времени. Его трактовка разума скорее как некоего абсолюта, чем как предполагающего пробы и ошибки инструмента для достижения человеческих целей, к настоящему времени преодолена. Тем не менее, его убежденность в том, что наука, разум, демократия, образование и гуманистические ценности способствуют человеческому прогрессу, обладает огромной притягательной силой и сегодня [3, с. 38-39]. Планетарный гуманизм, представленный в данном манифесте, основывается на высших ценностях современности, стремится преодолеть отрицательное влияние постмодернизма и ориентирован на информационный век.

Возникновение организованного гуманистического движения в нашей стране связано с деятельностью Российского (до 2001 года – Русского) гуманистического общества (РГО), по-

лучившего юридическое оформление в 1995 году. Основателем РГО и его бессменным руководителем является профессор МГУ В.А. Кувакин. С 1996 года выходит издание «Здравый смысл: журнал скептиков, оптимистов и гуманистов».

Развитие гуманистического движения, безусловно, сопровождается и предвосхищается теоретической разработкой соответствующих проблем. При этом важнейшая из них, продолжающаяся обсуждаться гуманистами и в наши дни, связана с вопросом, что такое гуманизм.

Проблема совсем не проста. Многие философские, достаточно противоречивые, учения отождествляют себя с гуманизмом, многочисленные мыслители считают себя гуманистами – Маркс, Фрейд, Сартр, Камю, Дьюи, Карнап, Поппер, Хабермас и др. Сегодня существуют и развиваются различные направления гуманизма – натуралистический, научный и секулярный, атеистический и религиозный, христианский, иудейский и дзен, марксистский и демократический, экзистенциалистский и прагматический. Вследствие подобного плюрализма возникает вопрос, не попадаем ли мы на некое ничем не ограниченное поле, где под гуманизмом каждый может понимать все, что ему заблагорассудится – справедливость, демократию, социализм, либерализм, религиозную веру?

Около 30 лет тому назад П. Куртц – один из ведущих теоретиков современного светского гуманизма, председатель Совета по светскому гуманизму, президент Международной академии гуманизма – предложил 30 широко известным гуманистам дать свои определения гуманизма. Как это обычно бывает с наиболее общими философскими понятиями, гуманизм получил столько определений, сколько крупных философов занимались проблемой.

В частности, шотландский философ-гуманист Э. Мэттьюз полагает, что светский гуманизм – это не какая-либо специфическая система верований, религиозная или квазирелигиозная. Скорее он представляет собой определенное отношение к жизни: имеющаяся у нас жизнь является единственной, и мы должны стремиться сделать ее достойнее и счастливее, насколько это возможно для нас и других людей. При этом не существует необходимости иметь для жизни «окончательную цель». Жизнь может иметь столько же смысла или целей, сколько индивид стремится ей придать или выработать [8, с. 3].

В течение многих лет свой вариант определения светского гуманизма разрабатывает П. Куртц. По его мнению, давать определение гуманизму в духе эссенциализма не стоит, ибо никакой особой гуманистической сущности, заложенной в природе вещей, не существует. Термин «гуманизм» имеет два аспекта – описательный и предписывающий. Он описателен в том смысле, что помогает отнести некоторых мыслителей и/или некоторые школы к разряду гуманистических, но также обладает и нормативным характером, поскольку способен предопределить применение принципа.

Исходя из данного положения, П. Куртц выделяет пять «стержневых» признаков гуманизма:

1) гуманизм предлагает набор ценностей и достоинств, вытекающих из признания человеческой свободы и самостоятельности. Этика гуманизма противостоит этике религиозно-авторитарной;

2) гуманизм отрицает идею сверхъестественного;

3) гуманизм привержен методу исследования, опирающемуся на разум и научную объективность;

4) гуманизм обладает своей нередуктивистской естественной онтологией, основанной на научном знании;

5) делом философов-гуманистов являются не только вопросы теории, но и воплощение идей гуманизма в практической жизни как альтернативы теистическим религиям [1, с. 136].

Особое внимание Куртц уделяет проблемам гуманистической практики (пятый принцип). Если гуманизм нельзя считать верой, то каким образом он может удовлетворить экзистенциальную потребность всякого человека – потребность в смысле? Если мы отбрасываем веру в Бога, то что можем предложить взамен? В этой связи он предлагает ввести новое понятие, находящееся между религией, с одной стороны, и философией и наукой, – с другой. Это понятие "евпраксифия" (eupraxsifia; от лат. eu – блаженство, praxis – практика и sofia – мудрость) [1, с. 150]. Куртц полагает, что, «пока гуманизм – секулярный гуманизм – не перерастет в евпраксифию, ему не удастся покорить человеческих сердец, что он обязан совершить, если захочет завоевать признание» [1, с. 150]. Пока гуманизм не станет реальной альтернативой религиозным культам, он рискует остаться одним из интересных интеллектуальных движе-

ний, занимающих ограниченное число ученых-философов, но имеющих мало отношения к живой жизни [1, с. 150].

В отличие от нормативно-описательного подхода к пониманию гуманизма, предлагаемого западными авторами, в отечественной философии рассматривается его генезис.

Так, В. Кувакин полагает, что гуманизм является следствием естественно присущей человеку человечности. «Он предполагается тем обыкновенным фактом, что у каждого из нас есть собственное Я, что есть человек как человек, имеющий «за душой» что-то положительное» [2, с. 101] Однако это вовсе не означает, что люди, так сказать, «обречены» на гуманизм. Еще философами Древней Греции (Хрисипп, Секст Эмпирик) было подмечено, что человеческому существу присущи три группы качеств - положительные, отрицательные, нейтральные. Нейтральные человеческие качества (физические, психологические, познавательные способности, эмоциональные характеристики) сами по себе ни хороши, ни плохи, но становятся таковыми, когда сочетаются с положительными или отрицательными качествами человека. На основе отрицательных качеств формируется нечто противоположное гуманизму, например, криминальное или садистское мировоззрение. Оно вполне реально и представляет собой иррациональную тягу человека к уничтожению и самоуничтожению. К качествам, характеризующим положительный полюс человеческой природы, относятся «доброжелательность, сочувствие, сострадание, отзывчивость, благоговение, общительность, участие, чувство справедливости, ответственность, благодарность, терпимость, порядочность, кооперативность, солидарность и др.» [2, с. 102].

Основным признаком фундаментального характера гуманизма является особый характер его связи с личностью, которая совершает актуальный выбор себя самой не просто в качестве индивидуального Я (что происходит в обычном акте самосознания), а Я, достойного лучшего в себе и равнодостоинного всем ценностям мира. «Осознание человеком своей собственной человечности, ее ресурсов и возможностей – это решающая интеллектуальная процедура, переводящая его с уровня гуманности на уровень гуманизма. Каким бы невероятным это иногда ни казалось, но человечность – неустранимый элемент внутреннего мира любого психически нормального человека. Абсолютно бесчеловечный людей не бывает и быть не может. Но нет и абсолютно, стопроцентно человеческих людей. Речь идет о преобладании и борьбе в личности того и другого» [2, с. 102].

В целом данному подходу соответствуют позиции Л. Балашова, который подчеркивает: гуманизм – это "осознанная, осмысленная человечность" [2, с. 123], Е. Сметанина, определяющего гуманизм в качестве мировоззрения, основанного на гуманности, т.е. человеколюбии, уважении человеческого достоинства [2, с. 131]. При этом родословная человечности, человеколюбия связывается Е. Сметаниным с теми чертами, которые отличают *homo sapiens* от животного. Гуманность начинается с осознания себя и своего места в окружающем мире. Если животному присуще стремление биологически выжить, то у человека оно преобразуется в стремление к самосовершенствованию. «Человечность же зарождается тогда, когда это стремление направляется и на кого-то еще, сперва пусть близкого, знакомого, затем и далекого, а нередко и чужого» [2, с. 132] Подобное перенесение чувств и установок с самого себя на остальных членов человеческого рода, постепенный переход от инстинктов к осознанным поступкам характерны для всякой человеческой деятельности. Однако данный феномен характеризуется как человечность в случае, если направлен на других людей и на окружающий мир с добрыми намерениями.

Некоторый анализ подходов к сути гуманизма, существующих в работах современных российских гуманистов, позволяет сформулировать предварительные выводы:

- сведение гуманизма к гуманности грешит тавтологией. Гуманизм (от лат. *humanitas*) и есть человечность, равно как и гуманность (от лат. *humanus* – человеческий). Гуманность в свою очередь требует определения;
- стремление уйти от тавтологии возвращает отечественных исследователей к нормативно-описательному подходу, предложенному П. Куртцем;
- утверждение, в отличие от западных философов, о присущей человеку человечности, изначально заложенной в его природе;

- положение о механизме преобразования человечности в гуманизм, его реализации в отношениях и деятельности.

Обобщение трактовок гуманизма, представленных выше, позволяет выделить в гуманизме субъективную составляющую (мировоззрение, философия, идейное течение) и объективную составляющую (система норм и принципов отношений и деятельности, проявляющихся на разных социальных и организационных уровнях – от образа жизни личности и социальной группы до организованного общественного движения).

Кроме того, в современной литературе присутствуют попытки разведения понятий «гуманизм» и «гуманность», наделяния их соответствующими смыслами и особенностями. Подобный подход мы видим, в частности, в рассуждениях В. Кувакина. В этом отношении другой исследователь – Л.А. Швачкина – полагает, что гуманизм – некая идеологическая конструкция эпохи большого Модерна, связанная с просвещенческим мировоззрением, чувством прогрессизма, культом разума и т.д., зарождающимися в Ренессансе; гуманность же – это более широкое смысловое поле и практика отношения к человеку, которая вовсе не обязательно может идти в унисон с конструктивистским настроением гуманизма. Гуманность как культурная универсалия – явление более широкое и исторически, и типологически, чем гуманизм. Под лозунгами гуманизма прошли все крупнейшие социальные потрясения Нового времени. Гуманность же находится за пределами устремлений «переделать» человека и мир. Благожелательность и стремление помочь другому ни в коем случае нельзя редуцировать и приравнивать к стремлению исправить существующий порядок вещей. И в христианстве, и в светских гуманистических практиках современной культуры (социальная работа, экзистенциальная психотерапия и др.) гуманность есть свободное и открытое принятие другого человека во всей масштабности его бытия. Гуманность всегда диалогична, тогда как гуманизм, скорее, моноцентричен и монологичен. [6, с. 73].

Итак, гуманность или человечность – одно из основных жизнепроявлений человека. Это качество возникало и развивалось на самых ранних этапах человеческой истории, надо полагать, едва ли не вместе с превращением предка человека – в *Homo sapiens*, стада – в общество. В его основе лежит человеколюбие; оно получило свое выражение в первых, стихийно слагавшихся правилах морального, социально одобряемого поведения; направлено, как правило, на другого, воспринимает человека как целостность. Гуманность на уровне сознания и уровне практики в большей степени, чем гуманизм, связана с опытом повседневности, с соответствующим типом мировоззрения и образа жизни.

Гуманизм как более или менее четкое и систематическое осознание естественных требований гуманности стал формироваться около двух с половиной тысячелетий назад в основных центрах тогдашней цивилизации, с которыми Карл Ясперс ассоциировал понятие осевого времени в своей известной работе «Смысл и назначение истории». Гуманизм – дитя осевого времени мировой культуры, т.е. древних культур Греции, Индии и Китая, хотя сам термин «гуманизм» стал употребителен лишь в эпоху Возрождения. Развиваясь, гуманизм оформляется как философия, культурные и идейные течения, в XX в. – как организованное общественное движение.

Идея движения общества к совершенному состоянию, в котором достигается гармония интересов людей, создаются условия для развития талантов каждого, получает наиболее полное выражение в гегелевской и марксистской философии. Данное состояние общества рассматривается как практическое воплощение реального гуманизма.

Современный гуманизм отводит большую роль достоинству человека, предполагает веру в его собственные возможности, отрицает догматические принципы жизни, не учитывающие исторических условий и специфических черт каждого отдельного человека. Особенностью религиозного гуманизма является его направленность на поддержку слабого.

В центре теоретических дискуссий о гуманизме стоят вопросы о том, что же именно гуманно в отношении человека к человеку и в отношении общества к своим членам:

- гуманно ли, например, стремиться к удовлетворению всех потребностей человека, или же, наоборот, какие-то из этих потребностей следует всемерно ограничивать во имя самого индивида и развития других;

- гуманно ли стимулировать или даже принуждать человека к развитию его собственных талантов, или же, наоборот, – гуманно лишь предоставлять человеку возможности развития, избегая всякого давления на него со стороны общества;

- есть ли гуманизм просто забота о каждом человеке в конкретных условиях его бытия, или же гуманизм представляет историческое движение общества к более совершенному состоянию?

Эти проблемы еще ждут глубокого исследования. Существуют и другие невыясненные аспекты. Речь о следующем. Главным принципом, ориентиром морального и правового поведения для гуманиста является золотое правило нравственности, также кантовский категорический императив. Золотое правило в своей отрицательной форме формулируется так: «Не делай другим того, чего не хотел бы, чтобы делали тебе». В положительной форме – «Поступай с другими так, как хотел бы, чтобы поступали с тобой». Отрицательная форма золотого правила устанавливает минимальную планку морального отношения к другим людям (запрещает делать зло), положительная форма устанавливает максимальную планку морального отношения (побуждает к добру), определяет максимум требований к поведению человека. Однако золотое правило нравственности содержит сильный элемент субъективизма, ведь то, что желает какой-то отдельный человек по отношению к себе, вовсе не обязательно хотят все другие.

Кантовский категорический императив – «поступай всегда так, чтобы максима твоего поведения могла стать всеобщим законом» – выглядит более универсально. Но он способен быть лишь ограничивающим правилом, т.к. не содержит в себе никакой ценностной идеи, в соответствии с которой могло бы осуществляться развитие личности. Без такой идеи представление о том, что человек никогда не средство, а только цель (вторая формулировка императива), превращается в абстрактное благое пожелание. Возникает закономерный вопрос о том, почему, например, я должен поддерживать все цели, преследуемые другим человеком, ведь, возможно, они элементарны? Почему я должен ограничивать свою свободу ради целей, которые преследует другой, если области нашей практической активности совпадают, ведь, возможно, я могу принести больше пользы обществу, чем он? Кант сам видел ограниченность своего императива и дополнял его пантеистическим принципом, определяющим путь движения человека в царство целей, где, по его мнению, всемерно развиваются все его таланты [2, с. 121–122].

Гуманизм, представленный своей императивной стороной, выступающий как практическое нормативное требование, исходит из приоритета личного бытия перед другими возможными основаниями нравственной мотивации. Именно на базе такого понимания гуманизма в Новое время разрабатывается концепция прав человека, происходит юридическое закрепление условий деятельности, позволяющих каждому человеку реализовать себя как личность. Однако процесс самореализации сопрягается с гуманизмом лишь в том случае, если он осуществляется на основе разделенных с другими людьми целей бытия. В таком случае формирование у личности качеств, делающих ее способной быть полноценным участником общественной жизни, даже если это предполагает принудительное воздействие общества, не выглядит как негуманное.

Сложность решения вопроса о гуманизме, однако, заключается в выяснении того, какое воздействие гуманно, а какое нет, в том, чтобы определить, что соответствует действительной исторической перспективе и интересам самой развивающейся личности, что является временным, конъюнктурным и, возможно, корыстным, подходом того или иного субъекта (например, некоторого политика), пытающегося манипулировать другими людьми.

Целесообразно понимать гуманизм в трех основных, исторически выявляемых смыслах:

а) гарантия основных прав человека как условие сохранения гуманных оснований его бытия;

б) поддержка слабых, выходящая за рамки обычных представлений данного общества о справедливости;

в) формирование у каждого человека социальных и нравственных качеств, позволяющих ему стать развитой личностью и осуществлять самореализацию на базе общественных ценностей.

Но отождествлять гуманизм с итогом истории, полагать, что в нем заключается ее смысл – неправомерно. Перед людьми прежде всего будут вставать сложные проблемы практического и морального характера, разрешение которых будет связано с собственными усилиями человека, а не с заботой о нем со стороны

Что же в действительности представляет собой гуманизм – определенную философскую школу (подобно эмпиризму, рационализму, прагматизму, логическому позитивизму), метафизическое учение (подобно платонизму, школе Аристотеля, идеализму, материализму) или он предлагает свою особую этику (вроде утилитаризма или неокантианства)? На эти вопросы еще предстоит ответить исследователю.

В современной российской действительности наши гуманисты отнюдь не живут в мире иллюзий, прекрасно понимая, насколько далеко отстоят их идеалы от реальной практики общественных отношений. В.Л. Гинзбург и В.А. Кувакин среди причин «непопулярности» гуманистических идей выделяют такие факторы, как: 1) некоммерческий характер гуманистических ценностей, их ориентированность на здравый смысл; 2) чуждость гуманизма всякой эксцентричности; 3) высокий уровень самодисциплины, самостоятельности, свободы, нравственной, правовой и гражданской ответственности, который предьявляет гуманистическое мировоззрение к своим приверженцам [3, с. 9].

Однако, несмотря на не слишком благоприятную общественную атмосферу, российские гуманисты считают, что альтернативы гуманизму у нашей страны просто нет. По их мнению, ни религиозный фундаментализм и национализм, ни декадентствующий постмодернизм не в состоянии предложить реальные пути оздоровления общественной жизни. Современные российские гуманисты, пишет В.А. Кувакин, не будут обреченно ждать, когда счастливая судьба, сильный справедливый и добрый правитель или снизошедшая с небес «русская идея» наконец-то спасут Россию [3, с. 2–3]. Они убеждены в том, что только активное отношение к себе и окружающему, деятельная, мужественная, творческая, самостоятельная и жизнестойкая позиция может обеспечить достойное положение человека в обществе и перспективы его развития.

Литература

1. Куртц П. Мужество статья: добродетели гуманизма. М., 2000.
2. Словарь философских терминов. М.: ИНФРА-М, 2004.
3. Современный гуманизм: Документы и исследования. М., 2000.
4. Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 2003.
5. Черный Ю.Ю. Современный гуманизм (обзор) <http://humanism.al.ru/ru/articles.phtml?num=000142>
6. Швачкина Л.А. Форма светской гуманности и практики милосердия в Новейшее время: психотерапия // Вестник МГОУ. Серия: Философские науки. 2011. № 2.
7. Lamont C. The philosophy of humanism. -N.Y., 1949.
8. Matthews E. The challenge of secular humanism. Edinburgh, 1991.

ПСИХОЛОГИЯ

Е.В. Купрене

СТРЕССОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ ТРУДОВОЙ СИТУАЦИИ В УСЛОВИЯХ РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ ПРЕДПРИЯТИЙ

***Аннотация.** В статье проведен анализ теоретических подходов к определению механизмов стресс-преодолевающего поведения персонала с учетом стрессогенных факторов трудовой ситуации в условиях реструктуризации предприятий.*

***Ключевые слова:** стрессогенные факторы трудовой ситуации, совладающее поведение, ресурсная концепция стресса, ситуационный подход, трансактный подход.*

Одним из наиболее активно развивающихся направлений в исследовании стресса и совладающего поведения является его изучение в контексте профессиональной деятельности человека. Большинство исследований в рамках психологии труда посвящены изучению копинг-поведения у представителей экстремальных профессий (А.В. Бухвостов, 2004; И.Б. Лебедев, 2002; В.Ю. Рыбников, Е.Н. Ашанина, 2008 и др.). Авторы подчеркивают, что копинг-поведение личности как субъекта профессиональной деятельности является сложным системным образовани-

ем, детерминированным характером субъект-субъектных взаимодействий и защитно-совладающего поведения, зависящим от специфики профессиональной деятельности, частоты и выраженности воздействия различных стрессорных факторов и определяемым стрессорными факторами жизнедеятельности в социуме (В.Ю. Рыбников, Е.Н. Ашанина, 2008).

Ситуационные особенности, детерминация и ресурсы копинга рассматриваются в работах Л.И. Анцыферовой, В.А. Бодрова, В.И. Голованевской, Л.И. Дементий, Т.Л. Крюковой, С.К. Нартовой-Бочавер, В.Е. Орла, Ю.П. Поваренкова, А.И. Приходько, Е.А. Сергиенко, Н.А. Сироты и В.М. Ялтонского, Ю.Л. Сорокиной. Несмотря на большое количество эмпирических исследований профессионального стресса, в них мало внимания уделяется изучению влияния важнейших факторов, влияющих на стрессогенность трудовой ситуации, – внедрению организационных изменений, связанных с реструктуризацией предприятий.

Между тем, постоянная включенность персонала в процессы реструктуризации предприятий в условиях финансового кризиса является отличительной чертой современной социально-экономической действительности предприятий. В российских условиях процессы реструктуризации являются одним из наиболее распространенных и мощных источников развития профессионального стресса (Т.К. Базаров, 1996; Б.Д. Парыгин, 1993; А.И. Пригожий, 1995; О.С. Советова, 2000 и др.).

В результате организационных преобразований, по мнению О.С. Советовой, может повышаться тревожность, фрустрированность сотрудников [7], по мнению Н.А. Разыграевой, ухудшается функциональное состояние, возникают перенапряжение психических и физических функций, психосоматические заболевания [5]. Реструктуризация предприятий негативно влияет и на характер профессиональной коммуникации: по мнению Н.А. Ильиной, в процессе реструктуризации может начаться конфронтация между неформальными группами, что ведет к ухудшению социально-психологического климата [3]. Н.А. Разыграева считает, что в этом случае возникает негативное отношение к руководству и организации в целом [5].

Однако следует отметить, что реорганизация предприятий оказывает на персонал не только негативное влияние. У некоторых сотрудников за счет выраженной способности к адаптации в осложненных условиях деятельности происходит значительный рост профессионализма. Принятие новых ролей, обновление характеристик трудовой ситуации обогащает профессиональный опыт сотрудников: приобретаются новые навыки и умения, приемы деятельности, стратегии адаптации к разнообразным условиям труда, повышается творческий потенциал (Бриджер Х., Гуияр Ф. Ж., Келли Д. Н., Кабаченко Т.С.). Очевидно, что в основе реагирования разного типа лежат различные адаптационные механизмы к стрессовой ситуации, связанные с использованием многообразных копинг-стратегий.

Необходимость проведения исследований стрессогенных факторов реструктуризации предприятий обусловлена следующими факторами: во-первых, с точки зрения ситуационного подхода, специфика стрессоров влияет на стиль совладания со стрессом – складывается антистрессорное поведение, которое традиционно рассматривается как профессионально важная черта в напряженных условиях труда (В.А. Бодров, А.Н. Глушко, К.М. Гуревич, Г.М. Зараковский, Л.А. Китаев-Смык, Б.Ф. Ломов, В.Л. Маришук); во-вторых, некомпенсированное воздействие интенсивных стресс-факторов приводит к разнообразным психическим нарушениям – депрессиям, неврозам, синдромам профессионального выгорания и деструктивным формам поведения, что требует разработки и внедрения программ профилактики стрессов в условиях реструктуризации предприятий (Н.Е. Водопьянова и Е.С. Старченкова).

Для осмысления стрессогенных факторов трудовой ситуации в условиях реструктуризации предприятий необходимо определить содержание и характеристики понятия «ситуация». В нашем исследовании понятие «ситуация» осмысливается как результат активного взаимодействия личности и среды. В.М. Снетков определяет ситуацию как социально-психологическую систему. Согласно автору, структура каждой ситуации включает в себя как минимум три элемента:

- 1) отдельный человек как объект и/или субъект взаимодействия;
- 2) пространство, в котором он осуществляет свое взаимодействие;
- 3) социальная организация как наличие и соблюдение законов, установленных норм и правил взаимодействия и поведения людей, что определяет целостность, пространственные и временные границы ситуации как социально-психологической системы [6].

Количественные и качественные изменения элементов социально-психологической системы, существенно меняющие систему ценностей, смысло-жизненные ориентиры, ролевой статус и характер взаимодействия с ситуацией, выступают для человека как жизненное событие.

В.М. Снетков предлагает определять особенности восприятия человеком социальных ситуаций с помощью шкальных критериев: сложность – простота; рациональность – иррациональность; закрытость – открытость; стабильность – динамичность. Данные критерии могут быть использованы как для классификации профессионально-трудных ситуаций в условиях реструктуризации предприятий, так и для оценки их стрессогенности с точки зрения человека – субъекта взаимодействия с данными ситуациями.

Подход к ситуации как к социально-психологической системе является весьма перспективным, так как он позволяет классифицировать все ситуации по ряду субъективных и объективных показателей и выявлять ситуационные детерминанты успешных и неуспешных поведенческих стратегий для различных типов ситуаций. Разработка критериев классификации и типов стрессовых ситуаций, связанных с реструктуризацией производства, с точки зрения данного подхода, представляется важной задачей при решении практических задач профилактики и нейтрализации профессионального стресса в профессиональной деятельности персонала.

Для понимания механизмов адаптации к стрессу в условиях реструктуризации производства важно определить, как осуществляется взаимодействие человека с профессионально трудными, неординарными и стрессовыми ситуациями, по каким критериям (объективным и субъективным) их можно классифицировать, как под влиянием ситуационных факторов происходит выбор преодолевающего поведения.

Адекватным подходом для объяснения механизмов стресс-преодолевающего поведения персонала с учетом стрессогенных факторов трудовой ситуации, несомненно, является ситуационный подход, рассматривающий человека как субъекта активного взаимодействия с ситуацией посредством эмоциональных переживаний, интерпретаций и когнитивного переосмысления, различных видов преодолевающего поведения и адаптации.

Для описания трудной ситуации в аспекте стресса В. Абабков и М. Перре предлагают использовать как объективные, так и субъективные характеристики ситуации. В качестве психологических объективных параметров стрессовой ситуации авторы называют: валентность – присущую ситуации стрессогенность; контролируемость – имеющиеся возможности для контроля над ситуацией; изменчивость – вероятность того, что ситуация изменится сама по себе, т.е. в результате собственной динамики (например, погода); неопределенность – степень, в которой ситуация не содержит достаточной информации для ясного понимания ее смысла; повторяемость – вероятность повторения стрессовой ситуации [4].

К основным субъективным параметрам стрессовой ситуации А. Абабков и М. Перре относят: валентность – субъективное значение ситуации, которое влияет на ее стрессогенность, что индивидуально обусловлено; контролируемость – субъективную оценку личной способности контроля над стрессовой ситуацией; изменчивость – субъективную оценку того, что стрессовая ситуация изменится самостоятельно, без участия субъекта; неопределенность – субъективную оценку неопределенности и неясности ситуации; повторяемость – субъективную оценку повторяемости стрессовой ситуации; осведомленность – степень личного опыта переживания подобных ситуаций.

Справедливо отмечается, что стрессовые ситуации могут изменять свои объективные психологические особенности в результате копинга или же, напротив, оставаться стабильными, несмотря на прилагаемые человеком усилия. Объективные параметры ситуации также подвержены изменениям в результате собственной динамики вне зависимости от человека. Субъективное восприятие характеристик стрессового события имеет собственную психодинамику, не всегда совпадающую с объективными параметрами ситуации. Тем самым подчеркивается важность многомерного описания стрессовой ситуации с позиций объективности и субъективности.

В соответствии с ситуационным подходом, Р. Лазарус выделил три типа стрессовых ситуаций. Первый тип – ситуации утраты – представляет собой травмирующую потерю, утрату кого-либо или чего-либо, что имеет большое значение для человека. Второй тип – ситуации угрозы, требующие от человека значительных копинг-усилий, активизации адаптационных возможностей. Третий тип – ситуации вызова, требующие для адаптации применения сложных и потенциально рискованных стратегий преодоления [8].

Согласно ресурсной концепции стресса С.Е. Хобфолла, выделяются следующие типы стрессовых ситуаций: ситуации, представляющих угрозу потери ресурсов (ситуации угрозы); ситуации с фактической потерей ресурсов (ситуации потери); ситуации отсутствия адекватного возмещения истраченных ресурсов, когда вложение личных ресурсов для достижения желаемого значительно превышает получаемый результат.

Описывая типичные профессиональные стрессоры в условиях организационных изменений, многие авторы особый акцент делают на таких характеристиках организационной ситуации, как неопределенность, неоднозначность, неконтролируемость, непредсказуемость (В.А. Бодров, М. Борневассер, К. Броннер, Э.Дж. Макмихаэл).

Таким образом, типичные организационные изменения, связанные с реструктуризацией производства, характеризуются повышенными требованиями по отношению к профессионалу, неопределенностью, переменой характеристик трудовой ситуации, что в целом затрудняет процесс адаптации к ним и позволяет рассматривать реорганизацию как источник профессионального и организационного стресса, интегральной реакции коллектива на возникновение осложнений в совместной деятельности, связанных с адаптацией к новым условиям функционирования (Н.А. Разыграева).

Наиболее целостным и системным в описании стрессогенных факторов трудовой ситуации является транзактный подход к изучению стрессовых ситуаций в профессиональной деятельности персонала, представленный Н.Е. Водопьяновой, Е.С. Старченковой. Авторы разработали модель объективных и субъективных характеристик стрессовой ситуации в профессиональной деятельности персонала, которые, на наш взгляд, наиболее полно отра-

жают специфику стрессогенных факторов трудовой ситуации в условиях реструктуризации предприятий. На основании концепции В.А. Ганзена [2] авторы определили базисные факторы профессиональной ситуации как потенциально стрессовой ситуации.

1. Информационная нагрузка (объективная нагрузка, субъективная значимость и неопределенность информации).

2. Энергетические, или «ресурсные», требования (объективные требования к ресурсам участников ситуации и их субъективные переживания, связанные с неопределенностью внутренних и внешних ресурсов, угрозой их потери или переживанием «несправедливости» относительно личного вклада и компенсации – «вознаграждения»).

3. Временные стресс-факторы (объективные требования к временным границам ситуации, субъективные переживания дефицита времени и продолжительность переживания последствий стрессогенных ситуаций).

4. Давление пространства ситуации (количество и качество объективных пространственных элементов – стресс-факторов, объективная независимость ситуации от человека – "сила" ситуации, субъективная неопределенность контролируемости элементов внешнего и внутреннего пространства) [1, с. 53–55].

Н.Е. Водопьяновой, Е.С. Старченковой была осуществлена классификация объективных и субъективных характеристик стрессогенных ситуаций профессиональной деятельности, отражающая стрессогенность такой профессионально трудной ситуации как реструктуризация предприятий:

1. Информационные характеристики стрессогенных ситуаций профессиональной деятельности – количественные и качественные параметры информации, которой оперируют участники стрессогенных профессиональных ситуаций. Под информацией понимаются цели, функциональные и операциональные задачи, статусно-ролевые требования, требования к качеству и производительности, технологии, способы решения, законы, правила и принципы взаимодействия между элементами профессиональной ситуации. Авторы выделяют:

а) объективные характеристики информационного фактора стрессовой ситуации отличаются по объему доступной информации (дефицит – избыточность); по качеству (оперативность или своевременность – неоперативность или преждевременность или задержка поступления необходимой информации); неопределенность («размытость») – четкость формулировок; однозначность – неоднозначность или противоречивость; многообразные формы языка (вербальный – невербальный, родной – неродной);

б) субъективные характеристики информативного фактора стрессовой ситуации отличаются: по количеству значимой информации – субъективная информационная нагрузка; по переживаниям дефицита информации; переживаниям информационной перегрузки; по качеству поступающей информации – качественная адекватность информации; значимость информации – восприятие и оценка ситуационной информации с позиций личной мотивации, интересов, полезности, важности; неосведомленность – переживание несвоевременности информации (преждевременность или задержка получения релевантной информации, отсутствие опыта преодоления подобных ситуаций); неопределенность – когнитивная трудность – субъективная оценка неясности, непонятности информации (о задачах и достижениях, способах решения, законах, правилах, персональных требованиях к процессу и к результату, непонятность языка и др.); проблемность – переживание противоречивости поступающей информации.

2. Пространственные характеристики стрессогенных ситуаций профессиональной деятельности – структурные элементы (люди, объекты, задачи, средства или орудия труда, технологии) и их взаимосвязь, включающие:

а) объективные характеристики пространства стрессогенной ситуации: количество структурных элементов, с которыми взаимодействует субъект ситуации; качество (сложность, надежность, изменчивость или константность, степень взаимовлияния (взаимосвязи) структурных элементов, с которыми взаимодействует субъект ситуации; открытость или закрытость пространства ситуации – пространственная неопределенность по количеству, качеству и динамике изменения;

б) субъективные характеристики пространства стрессогенной ситуации: сложность ситуации – особенности когнитивной оценки количества, качества структурных элементов и их

сопряженности (взаимосвязи); субъективная неопределенность ситуации относительно ее изменчивости – субъективная оценка открытости и самостоятельной динамики ситуации без участия субъекта (оценка «силы» ситуации).

3. Ресурсные факторы (или «энергетические» стресс-факторы) – это количество и качество материально-технических, временных, человеческих ресурсов, которые необходимы и доступны для субъекта в данной ситуации:

а) объективные характеристики ресурсного фактора стрессогенной ситуации: «ресурсная затратность» – количество и качество ресурсных затрат при взаимодействии участников ситуации и решении ситуационных задач. Это требования к затратам времени, здоровью, материально-техническим и финансовым средствам, человеческим ресурсам (опыт, квалификация, стрессоустойчивость, личные качества и др.); сложность ресурсного взаимодействия – требования структурного взаимодействия человеческих ресурсов – сплоченности, способности к продуктивному взаимодействию с элементами ситуации, требование обновления ресурсов;

б) субъективные характеристики ресурсного фактора стрессовой ситуации: ресурсная неопределенность – когнитивная оценка – переживание неопределенности и неизвестности источника нужных внутренних и внешних ресурсов, необходимых для контроля и управления ситуацией (самоконтроль, способности, мобилизация собственных умений и опыта, самооценка, социальная поддержка, система верований и др.); ресурсная сложность – субъективная трудность адекватного использования внешних и внутренних ресурсов (неконструктивный копинг, психологическая защита, переживание неуверенности, низкая самооценка, неадекватные когнитивные схемы, низкая коммуникативная компетентность и др.); «ресурсная стоимость» – «цена» – когнитивная оценка стоимости потерь и приобретений; «Антиципаторная стрессогенность» – ресурсная стоимость переживаний вероятности (угрозы) потери личностных, социально-психологических или материальных ресурсов.

4. Временные характеристики стрессогенных ситуаций профессиональной деятельности – это временная продолжительность от начала до завершения ситуации и повторяемость ситуации во времени:

а) объективные характеристики временного фактора стрессовой ситуации: количество времени, определяющее стрессогенную ситуацию; повторяемость ситуации во времени, объективные изменения временных границ ситуации;

б) субъективные характеристики временного фактора стрессовой ситуации: внезапность и субъективные переживания продолжительности ситуации.

По мнению Н.Е. Водопьяновой, Е.С. Старченковой, надситуативными детерминантами значимости стрессовой ситуации выступают отношение к профессии, личные профессиональные амбиции, карьерные ориентации, отношение к собственной статусно-ролевой позиции в той организации, в которой работает субъект ситуации, субъективное переживание самореализации в профессиональной деятельности – оценка собственных ресурсов, вклада и вероятности вознаграждений (материальных, социальных, духовных). Системообразующими факторами профессиональной стрессовой ситуации являются отношение к ситуации, осознаваемые цели и задачи. Объективная функция стрессовой ситуации – адаптационная функция – восстановление равновесия между фактическими требованиями и возможностями субъектов ситуации, переход на новый уровень ресурсного обеспечения. Субъективная функция стрессовой ситуации – внутренняя репрезентация и когнитивная оценка своей роли и возможностей относительно требований ситуации [1, с. 56].

Анализ теоретических подходов к исследованию стрессогенных факторов трудовой ситуации в условиях реструктуризации предприятий позволил определить подходы, факторы, объективные и субъективные характеристики стрессогенной ситуации. Считаем целесообразным понятие «трудовая ситуация в условиях реструктуризации предприятия» осмысливать как социально-психологическую систему активного взаимодействия личности и среды, имеющую следующую структуру: персонал как объект и/или субъект взаимодействия; пространство, в котором он осуществляет свое взаимодействие; социальная организация как наличие и соблюдение законов, установленных норм и правил взаимодействия и поведения людей, что определяет целостность, пространственные и временные границы ситуации как социально-психологической системы. Для объяснения механизмов стресс-пре-

одолевающего поведения персонала с учетом стрессогенных факторов трудовой ситуации в условиях реструктуризации предприятий положен ситуационный и трансактный подходы. В понимании стрессовой ситуации в условиях реструктуризации предприятий необходимо учитывать следующие стрессогенные факторы: информационная нагрузка, «ресурсные» стресс-факторы, временные стресс-факторы, давление пространства ситуации; типы стрессогенных ситуаций: ситуации потери, ситуации угрозы, ситуации вызова; ситуации отсутствия адекватного возмещения истраченных ресурсов; объективные и субъективные характеристики стрессогенных ситуаций: валентность (присущая ситуации объективная и субъективная стрессогенность); контролируемость (объективная возможность контроля над ситуацией и субъективная оценка контроля); изменчивость (вероятность и субъективная оценка вероятности того, что стрессовая ситуация изменится); неопределенность (объективная и субъективная оценка неопределенности информации); повторяемость (объективная и субъективная оценка вероятности повторения стрессовой ситуации); информационные, пространственные, ресурсные и временные характеристики стрессогенных ситуаций профессиональной деятельности.

Литература

1. *Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С.* Трансактный подход к изучению стрессовых ситуаций в профессиональной деятельности // Вестник СПб ун-та. 2008. № 2. С. 47–58.
2. *Ганзен В.А.* Системные описания в психологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 176 с.
3. *Ильина Н.А.* Отношение к нововведениям в производственных коллективах: Дис.... канд. психол. наук. Л., 1985. 201 с.
4. Психология социальных ситуаций: Хрестоматия / Сост. Н.В. Гришина. СПб., 2001. 416 с.
5. *Разыграева Н.А.* Популяционный стресс трудовых коллективов предприятий в условиях реформ: Дис.... канд. психол. наук. М.: МГУ, 1998. 254 с.
6. *Снетков В.М.* Человек и личность – конфликт развития // Психологические проблемы самореализации личности / Под ред. Л.А. Коростылевой. СПб., 2003. Вып. 7. С. 52.
7. *Советова О.С.* Основы социальной психологии инноваций: учеб. пособие / СПГУ. - СПб.: Изд-во СПб ун-та, 2000. 149 с.
8. *Lazarus R. S., Folkman S.* Stress, appraisal, and coping. New York, 1984.

ИНФОРМАЦИЯ

АВТОРЫ НОМЕРА

Лебедев Игорь Владимирович — доктор исторических наук, руководитель фракции ЛДПР в Государственной Думе Российской Федерации.

Анцутов Анатолий Яковлевич — доктор психологических наук, профессор кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Байбурова Ольга Рустэмовна — доцент кафедры иностранных языков делового общения Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова.

Дарков Сергей Константинович — член Правления Московской областной организации "Российское общество историков-архивистов" (РОИА).

Ерофеева Ольга Александровна — старший преподаватель кафедры экономики и менеджмента Национального института имени Екатерины Великой.

Заикин Виталий Викторович — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Ставропольского института кооперации.

Заикина Инна Викторовна — кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданско-правовых дисциплин ИМЦ.

Козлитин Григорий Анатольевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Российской таможенной академии.

Колоколов Владимир Алексеевич — доктор экономических наук, профессор Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова.

Курьсь Наталья Владимировна — кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Российской таможенной академии.

Лядский Владимир Георгиевич — заведующий кафедрой межкультурной коммуникации и иностранных языков ИМЦ.

Плетушков Михаил Сергеевич — кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных и естественнонаучных дисциплин ИМЦ.

Прошанов Сергей Леонидович — доктор социологических наук, профессор кафедры политологии ИМЦ

Прусс Елена Александровна — аспирантка кафедры социально-экономической географии зарубежных стран МГУ им. М.В. Ломоносова.

Стрельцов Александр Николаевич — кандидат технических наук, доцент, первый проректор ИМЦ.

Слоботчиков Олег Николаевич — кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой регионоведения и туризма ИМЦ.

Чеботарева Т.А. — преподаватель кафедры теоретической и прикладной экономики ИМЦ.

Чернавин Юрий Александрович — доктор философских наук, профессор, проректор по научной и инновационной работе ИМЦ.

Юсим Вячеслав Наумович — доктор экономических наук, профессор Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Правила представления и оформления рукописей авторами для публикации в журнале:

— к публикации принимаются научные статьи объемом 0,5–1,0 авторских листа (один авторский лист — 40 тыс. печатных знаков с учетом пробелов, знаков препинания, цифр и т.п.) по специальностям и направлениям, существующим в вузе, и работающим в институте кафедрам;

— статьи представляются в машинописном виде (текст печатается на одной стороне листа форматом А4, шрифт New Times Roman, размер 14, межстрочный интервал 1,5) и в электронной форме (в формате *.doc);

— библиографические ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.05–2008 (ссылки выносятся в конец статьи со сплошной нумерацией, отсылки в тексте статьи приводятся в квадратных скобках с указанием порядкового номера ссылки);

— к статье прилагаются сведения:

- 1) фамилия, имя, отчество автора (авторов);
- 2) место работы с указанием должности;
- 3) ученая степень, ученое звание, почетное звание;
- 4) краткая аннотация статьи;
- 5) список ключевых слов;

— решение о публикации статьи принимается на заседании редколлегии журнала;

— очередность публикаций статей определяется в зависимости от времени представления статьи и перечня рубрик в каждом конкретном выпуске;

— направляя статью в редакцию журнала, автор выражает свое согласие на ее опубликование и размещение в сети Интернет, в том числе на официальном сайте Научной электронной библиотеки www.elibrary.ru, а также на ее распространение в иных формах.

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ. 2011 г. № 4.

Научный журнал

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций ПИ № ФС77-39605

Корректорская читка — Н.А. Ростовская

Адрес редакции:
107078, Москва, 1-й Басманный пер., д. 3, стр. 2.
Тел.: 8(495)632.1770; 8(499)261.4128

Подписано в печать 15.12.2011 г.
Формат А4 (60x90 1/8). Бумага офсетная 80 г/м²
Гарнитура NewtonС. Печать офсетная.
Печатных листов — 13,75. Тираж 300 экз.
Заказ № 259

Отпечатано в Лаборатории
инновационных дидактических технологий ИМЦ 8(495) 772-47-34